

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

ТИПОЛОГИЯ МОРФОСИНТАКСИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ

ТОМ 1
ВЫПУСК 1

2018

УДК
ISSN

**Типология морфосинтаксических параметров
том 1, выпуск 1**

Издаётся с 2018 года
Выходит 2 раза в год

Учредитель:

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

Адрес редакции:

Россия, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, 6

Сайт журнала:

<http://journal.pushkin.institute/tmp/>

Электронная почта:

tmp.2018.moscow@gmail.com

Подписной индекс журнала по Объединённому каталогу «Пресса России» —
ПИ № от ДД.ММ.ГГГГ

© Авторы, 2018

© Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2018

Pushkin State Russian Language Institute

T Y P O L O G Y O F M O R P H O S Y N T A C T I C P A R A M E T E R S

VOLUME 1
ISSUE 1

2018

ISSN

Typology of Morphosyntactic Parameters
volume 1, issue 1

First published in 2018

The journal is published 2 times a year

The founder:

Pushkin State Institute for the Russian Language

Editorial office:

Ac. Volgin str., 6 (ulitsa Akademika Volgina, 6), Moscow, 117485, Russia

Website:

<http://journal.pushkin.institute/tmp/>

E-mail:

tmp.2018.moscow@gmail.com

Mass media registration certificate ПИ № as of ДД.ММ.ГГГГ

© The authors, 2018

© Pushkin State Institute for the Russian Language, 2018

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Екатерина Анатольевна Лютикова —

доктор филологических наук, доцент; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова; профессор кафедры компьютерной лингвистики и формальных моделей языка Московского педагогического государственного университета

[ORCID: 0000-0003-4439-0613](https://orcid.org/0000-0003-4439-0613)

[Личная страница на сайте МПГУ](#)

[Личная страница в системе ИСТИНА МГУ](#)

[Личная страница на Academia.edu](#)

Заместитель главного редактора

Антон Владимирович Циммерлинг —

доктор филологических наук; профессор кафедры общего языкознания и русского языка Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина; профессор кафедры компьютерной лингвистики и формальных моделей языка Московского педагогического государственного университета; ведущий научный сотрудник сектора типологии Института языкознания РАН

[ORCID: 0000-0002-5996-2648](https://orcid.org/0000-0002-5996-2648)

[Личная страница на сайте МПГУ](#)

[Личная страница на сайте ИЯ РАН](#)

[Личная страница на Academia.edu](#)

Ответственный секретарь

Ксения Павловна Семёнова —

инженер кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова;

[Личная страница в системе ИСТИНА МГУ](#)

[Личная страница на Academia.edu](#)

Редколлегия

Джон Фредерик Бейлин —

Ph.D., профессор университета Стоуни Брук, Нью-Йорк, США

<https://linguistics.stonybrook.edu/people/bios/linguistics-faculty/john-bailyn.php>

Олег Игоревич Беляев —

кандидат филологических наук, преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

<https://istina.msu.ru/profile/belyaev/>

Елизавета Григорьевна Былинина —

Ph.D., научный сотрудник Лейденского университета, Лейден, Нидерланды

<http://bylinina.com/#recent>

Яцек Виткощ —

Ph.D., профессор университета г. Познань, Польша

http://wa.amu.edu.pl/wa/Witkos_Jacek

Атле Грённ —

Ph.D., профессор университета г. Осло, Норвегия

<https://folk.uio.no/atleg/>

Нерея Мадарьяга —

Ph.D., доцент университета Страны Басков, Витория, Испания

<https://ehu.academia.edu/NereaMadariaga>

Мария Полинская —

Ph.D., профессор университета Мэриленда и Гарвардского университета, США

<http://www.mariapolinsky.com/>

Андрей Владимирович Сидельцев —

кандидат филологических наук, заместитель директора Института языкознания РАН

<http://iling-ran.ru/main/scholars/sidelcev>

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief

Ekaterina A. Lyutikova —

Dr. Phil. Hab.; associate professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University; professor at the Department of Computational Linguistics and Formal Models of Language, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

[ORCID: 0000-0003-4439-0613](https://orcid.org/0000-0003-4439-0613)

[Personal page on the Moscow Pedagogical State University Website](#)

[Personal page on Istina.msu.ru](http://Istina.msu.ru)

[Personal page on Academia.edu](https://Academia.edu)

Deputy chief editor

Anton V. Zimmerling —

Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of General Linguistics and Russian Language, Pushkin State Russian Language Institute; principal research fellow at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; professor at the Department of Computational Linguistics and Formal Models of Language, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

[ORCID: 0000-0002-5996-2648](https://orcid.org/0000-0002-5996-2648)

[Personal page on the Moscow Pedagogical State University Website](#)

[Personal page on The Institute of Linguistics RAS Website](#)

[Personal page on Academia.edu](https://Academia.edu)

Executive secretary

Xenia P. Semionova —

data engineer at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

[Personal page on Istina.msu.ru](http://Istina.msu.ru)

[Personal page on Academia.edu](https://Academia.edu)

Editorial staff

John Frederick Bailyn —

Ph.D., professor at the Stony Brook University, New York, USA

<https://linguistics.stonybrook.edu/people/bios/linguistics-faculty/john-bailyn.php>

Oleg I. Belyaev —

Ph.D., lecturer at the Department of Theoretical and Applied Linguistics,
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

<https://istina.msu.ru/profile/belyaev/>

Lisa Bylinina —

Ph.D., researcher at the Leiden University, the Netherlands

<http://bylinina.com/#recent>

Jacek Witkoś —

Ph.D., professor at the Poznań University, Poland

http://wa.amu.edu.pl/wa/Witkos_Jacek

Atle Grønn —

Ph.D., professor at the Oslo University, Norway

<https://folk.uio.no/atleg/>

Nerea Madariaga —

Ph.D., professor at the University of the Basque Country, Vitoria, Spain

<https://ehu.academia.edu/NereaMadariaga>

Maria Polinsky —

Ph.D., professor at the University of Maryland, professor at the Harvard University, USA

<http://www.mariapolinsky.com/>

Andrey V. Sideltsev —

Ph.D., deputy director of the Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia

<http://iling-ran.ru/main/scholars/sideltsev>

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Е. А. Лютикова, А. В. Циммерлинг</i> Типология морфосинтаксических параметров: почему языки такие предсказуемые?.....	11
<i>П. М. Аркадьев</i> От результата к пассиву: данные западнокавказских языков.....	31
<i>О. И. Беляев</i> Морфосинтаксис падежа и структура именной парадигмы	51
<i>П. В. Гращенков</i> Между лексиконом и синтаксисом, фонологией, семантикой – интерфейсные явления в осетинских сложных предикатах	73
<i>Е. В. Моргунова</i> Фрагментирование в русском и грузинском языках: аргумент в пользу RF-передвижения в эллиптических конструкциях ...	88
<i>А. М. Перельцайт</i> О моделировании информационной структуры на основе событийных номинализаций в русском языке.....	104
<i>Н. В. Сердобольская</i> Исследование вариативного оформления прямого дополнения в удмуртском языке в зеркале двух методологических подходов: элицитация и корпусный анализ	119
<i>Д. Б. Тискин</i> Параметрическая трактовка <i>пока (не)</i> : решения и проблемы.....	136
<i>А. Б. Шлуинский</i> Сериальные глагольные конструкции в языке акебу	151

CONTENTS

<i>Ekaterina Lyutikova, Anton Zimmerling</i>	
Typology of morphosyntactic parameters: Why are languages so predictable?	11
 <i>Peter Arkadiey</i>	
From resultative to passive: A view from Northwest Caucasian	31
 <i>Oleg Belyaev</i>	
Morphosyntax of case and the structure of the nominal paradigm	51
 <i>Pavel Grashchenkov</i>	
Between lexicon, syntax, phonology, semantics: The interface phenomena in the Ossetic complex predicates.....	73
 <i>Ekaterina Morgunova</i>	
Fragment answers in Russian and Georgian: Evidence in favor of the PF-movement in ellipsis	88
 <i>Asya Pereltsvaig</i>	
Modeling topic / focus: Evidence from Russian eventive nominalizations	104
 <i>Natalia Serdobolskaya</i>	
Differential object marking in Udmurt approached by two methodologies: Elicitation vs. corpus analysis	119
 <i>Daniel Tiskin</i>	
A parametric approach to the Russian conjunction <i>poka</i> : Solutions and problems.....	136
 <i>Andrey Shluinsky</i>	
Serial verb constructions in Akebu.....	151

ТИПОЛОГИЯ МОРФОСИНТАКСИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ: ПОЧЕМУ ЯЗЫКИ ТАКИЕ ПРЕДСКАЗУЕМЫЕ?*

Е. А. Лютикова¹, А. В. Циммерлинг²

¹МГУ имени М. В. Ломоносова,

^{1,2}Московский педагогический государственный университет,

^{1,2}Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина,

²Институт языкознания РАН

В статье обсуждается методология и теоретические проблемы параметрического описания языков мира. Ключевым для современной лингвистической типологии является понятие предсказуемости: типология одновременно стремится описать языковое разнообразие и его предсказать. Тем самым, типология пытается одновременно ответить на извечные вопросы, 'почему языки такие разные' и 'почему языки такие одинаковые'. Параметры нетождественны элементарным языковым признакам и имеют иерархическую структуру: они связаны с гипотезами о том, как группируются классы языков мира. Критика аппарата параметрической типологии является необходимым условием успешности процедуры, но ограничение набора категорий описания понятиями, являющимися непосредственным результатом обобщений над конкретным языковым материалом, невозможно. Координация усилий типологов, занимающихся проблемами параметризации, связана с общностью решаемых задач описания, а не с принадлежностью ученого к той или иной концепции формальной грамматики. Одной из площадок для дискуссии является проводимая с 2011 г. серия международных конференций «Типология морфосинтаксических параметров». Первый выпуск одноименного журнала (2018, вып. 1) по своей тематике продолжает серию ежегодных публикаций конференции ТМП, издававшихся с 2014 по 2017 гг.

Ключевые слова: лингвистическая типология, признак, параметризация, грамматика, морфосинтаксис, языковое разнообразие, конференции.

---

* Статья написана при поддержке проекта «Параметрическое описание языков Российской Федерации», реализуемого в Государственном институте русского языка им. А. С. Пушкина.

TYPOLGY OF MORPHOSYNTACTIC PARAMETERS: WHY ARE LANGUAGES SO PREDICTABLE?*

Ekaterina Lyutikova¹, Anton Zimmerling²

¹Lomonosov Moscow State University,

^{1,2}Moscow Pedagogical State University,

^{1,2}Pushkin State Russian Language Institute,

²Institute of Linguistics RAS

This paper discusses the methodology of the parametric description of the world's languages. The present day linguistic typology aims at once at describing the language diversity and at predicting it: the notion of predictability plays the crucial role, since the typology addresses the eternal questions 'why the languages are so different' and 'why the languages are so similar'. Parameters differ from elementary linguistic features and have a hierarchical structure: they are based on hypotheses how the classes of the world's languages can be grouped. The critic assessment of the concepts implemented in the parametric typology is a prerequisite of any successful application. Meanwhile, the set of such concepts cannot be reduced to the so called comparative concepts, i.e. concepts directly based on the comparison of language-specific data. The dialogue between the linguists involved in the parametrization of the world's languages is motivated by the practical tasks they solve, rather than by the choice of any formal framework some of them may represent. One of the traditional dialogue forums is the series of the thematic international conferences "Typology of morphosyntactic parameters" (2011 —) and the series of TMP proceedings (2014 —). The first issue of the eponymous journal (2018, issue 1) develops this tradition and explores in the same field of research.

Keywords: linguistic typology, features, parametrization, grammar, morphosyntax, language diversity, conferences.

---

* The paper is a part of the scientific project "Parametric description of the languages of Russia" at the Pushkin State Russian Language Institute.

1. Сравнение языков и его теоретические основания

Параметризация языкового многообразия — область, требующая взаимодействия лингвистической типологии и теории грамматики. Современная лингвистическая типология — преимущественно индуктивная наука, но она оперирует обобщениями, распространяющимися либо на все множество языков мира [Croft 2003], либо на открытые классы языков мира, соответствующие заданным комбинациям значений тех или иных параметров описания (например, наличие в языке L грамматических показателей категорий времени или вида, предлогов или послелогов, препозиции или постпозиции дополнения предикату, наличие глаголов, управляющих двумя или тремя дополнениями и т.п.). В этом смысле можно говорить, например, о классе языков мира с категорией числа, с дальнейшим подразделением на языки, имеющие 2 или 3 граммы данной категории; о классе языков мира с грамматическими показателями категорий времени (T) и вида (A), с дальнейшим подразделением на языки, имеющие набор $T \vee A$ и языки, имеющие набор $T \wedge A$; о классе языков мира с синтаксическими элементами, занимающими вторую позицию от левого края клаузы ($2P$), с дальнейшим подразделением на языки со вторым местом финитного глагола ($V2$) и языки с клитиками второй позиции ($CL2$). Параметры, дающие такое распределение, нетождественны элементарным грамматическим признакам. Они имеют иерархическую структуру и показывают, что некоторый язык или класс языков являются частью более обширного класса языков, обнаруживающих ряд общих свойств. Если для языков с грамматическими показателями двойственного числа включение их в класс языков с грамматическими показателями числа является относительно тривиальной информацией, то для небольшого класса языков со второй позицией финитного глагола (ср. такие хорошо описанные языки, как, например, современные немецкий, нидерландский, датский, норвежский), большинство из которых является близкородственными и развивающимися в условиях ареальных контактов между собой, информация о включении их в более обширный класс языков с элементами второй позиции ($2P$), засвидетельствованными в разных ареалах, уже более содержательна. Если более обширный класс $2P$ языков имеет доказанные общие свойства [Roberts 2012; Zimmerling 2015], то сходство глагольного синтаксиса в германских языках $V2$ объясняется более фундаментальными причинами, нежели генетическая близость или ареальное взаимодействие данных языков.

По мере того, как число первичных описаний языков мира растет и представления о границах языкового разнообразия уточняются, в типологии все чаще звучат призывы свести к минимуму или вообще исключить применение априорных понятий в типологически ориентированных работах, оставив лишь те понятия, которые являются прямым результатом сопоставления конкретных изучаемых языков (comparative concepts) и отбросив понятия, претендующие на универсальный охват всей совокупности языковых фактов (universal concepts), см. [Haspelmath 2010; 2014]. Критика метаязыкового аппарата, элементы которого заимствованы из тех или иных формальных моделей языка (frameworks) — необходимое условие прогресса типологии, которая стремится занять свое место среди естественных наук и претендует на эмпирическую адекватность и статистическую значимость результатов. Однако не стоит забывать о том, что такие укорененные в описательных грамматиках, например, в описаниях русского языка, понятия, как морфологический падеж и акцентная парадигма [Зализняк 1967], предикативное согласование и подлежащее [Шведова 1982: 20; 94], порядок слов, тема и рема [Ковтунова 1976], не даны в наблюдении и не являются результатом обобщений над сопоставлением конкретных языков — это модельные понятия, проверяемые на всех языках мира. Безусловно, есть языки мира без категории падежа, были также обнаружены случаи, где процедура определения падежа по А.А. Зализняку неприменима или применима в ограниченном объеме [Аркадьев 2016]. Но это не значит, что представление о падеже по А.А. Зализняку было индуктивным обобщением наблюдений над падежными системами русского, латинского, немецкого, древнеиндийского и прочих языков, известных предложившему ее лингвисту — это модель, проверяемая на всем множестве языков, где есть условия для ее проверки¹. Понятие грамматического подлежащего, т.е. приоритетной группы, выделяемой на первом шаге синтаксического анализа и вынесенной за пределы сказуемого, — еще более спорный конструкт, особенно в перспективе выявления универсальной диагностики подлежащих. Возможно, хотя и это не доказано строго, что существуют языки, где выделение подлежащего невозможно или необязательно [Li, Thompson 1976; Kibrik 1997]. Тем не менее, попытка отказа от понятия подлежащего и морфосинтаксической диагностики подлежащего

---

¹ Т.е. языки, где имеются имена и именные группы, способные принимать разные формы в соответствии с синтаксической позицией в предложении.

в русском языке, предпринятая в замечательной во многих отношениях работе И.Ш. Козинского [Козинский 1983], не привела к более ясному или более простому анализу русской грамматики. Еще одной парой априорных понятий являются соотносительные понятия темы и ремы, связанные с предположительно универсальным принципом бинарного членения коммуникативной структуры предложения на компонент, выражающий непосредственную цель сообщения (=рему) и коррелирующий с ним компонент, обозначающий исходную или принимаемую в процессе обработки информации за исходную точку зрения сообщения (=тему). С учетом важной поправки [Sasse 1987] о существовании т.н. коммуникативно нерасчлененных высказываний, лишенных темы (thetic sentences), проверяемая форма гипотезы об универсальности коммуникативного членения состоит в том, что хотя в конкретном высказывании конкретного языка тема может отсутствовать, в каждом языке есть регулярные механизмы противопоставления темы и ремы в коммуникативно расчлененных высказываниях. Параметризация нерасчлененных и расчлененных высказываний в перспективе используемых средств (изменения порядка слов, интонации, добавления нового сегментного материала) — актуальная задача современной типологии, ср. [Fiedler, Schwarz 2010; Лютикова, Циммерлинг 2016; Лютикова 2019]. Используемые в таких параметрических описаниях модели информационной структуры могут быть более удачными или менее удачными, в том числе — в связи с недоучетом разнообразия в исследуемой предметной области или в связи с прямолинейной экстраполяцией процедуры описания одних языков на другие языки, изученные хуже. Но это, по нашему мнению, не служит достаточным основанием для того, чтобы утверждать, будто базовые категории коммуникативного членения, изначально выделенные на материале славянских языков со свободным порядком слов, неприменимы к описанию некоторых других языков мира, где якобы выделяются не тема и рема, а совсем иные коммуникативные компоненты. При параметризации разнообразия невозможно описывать разные языки мира в терминах лишь тех категорий, которые специфичны для них.

Понятие ‘порядка слов’ кажется интуитивно ясным и дотеоретическим, но опыт его применения в лингвистической типологии свидетельствует об обратном. В знаменитой работе Дж. Гринберга, стоящей у истоков современной типологии [Greenberg 1963], на основе выборки малого объема (всего 30 языков) был сделан вывод о том, что для любого языка мира может быть рассчитана т.н. базовая формула предложения, опирающаяся

на относительное расположение трех предположительно универсальных диагностических категорий — S (подлежащее), O (дополнение), V (глагол / предикат). Предпринятая в последующие десятилетия проверка типологии базовых порядков на материале более широкого круга языков показала, что Гринберг недооценил разнообразие языков мира: в его выборку из 30 языков попали лишь языки с порядками SVO, SOV, VSO, в то время как в выборке из нескольких сот языков обнаружили все 6 теоретически возможных комбинаций: SVO, SOV, VSO, OVS, OSV, VOS. Сами по себе допущения типологии базового порядка от числа просмотренных языков не менялись. Они лишь стали при расширении эмпирического материала более очевидными. Во-первых, соглашаясь описывать все языки мира в терминах одних и тех же диагностических категорий S, O, V, типолог отвлекается от вопроса о том, стоят ли за символами S и O в разных языках те же самые синтаксические и семантические (ролевые) сущности, или нет: достаточно допустить, что за S и O в каждом отдельно взятом языке стоят разные категории². Во-вторых, при подходе Гринберга не проводится различия между рестриктивными системами порядка слов, запрещающими инверсию диагностических категорий S, O, V, и нерестриктивными системами порядка слов, где синтаксическая структура может реализовываться при разном порядке элементов [Mithun 1992; Austin 2001]. Типология Гринберга не объясняет, как именно происходит деривация разных линейных порядков, она лишь утверждает, что в любом языке, включая языки с т.н. свободным порядком слов типа современного русского, можно выделить один и только один линейный порядок, являющийся исходным, базовым. Это парадоксальным образом сближает ее с формальными теориями фиксированного порядка категорий предложения, упоминаемыми ниже в разделе 2. В настоящее время параметризация порядка слов в языках мира является сильно обособившейся областью исследования, которая не может опираться только на процедуру Гринберга, но типология базовых порядков, основанная на параметре ветвления и понятии формулы предложения, остается ее важной составной частью, ср. [Dryer 2013].

---

² Поскольку понятия S (подлежащее / приоритетный аргумент / приоритетная синтаксическая роль), O (дополнение / неприоритетный аргумент / неприоритетная семантическая роль) не являются теоретически нейтральными, диагностика S и O зависит от того, как описывается грамматика языка L в целом, например, постулируется ли для данного языка номинативная или эргативная конструкция предложения, выбирается ли активная или пассивная трактовка эргативности и т.п.

2. Параметризация как инструмент теоретической и типологической лингвистики

На сегодняшний день лингвистическая типология — одна из наиболее динамично развивающихся областей лингвистики. Успехи этого направления обусловлены, с одной стороны, конвергенцией с теорией грамматики, позволяющей вывести на новый содержательный уровень глубину межъязыковых обобщений и расширить эмпирическую базу языковых моделей, а с другой стороны, расширением предметных областей, подвергающихся типологическому сопоставлению, разработкой и уточнением новых формальных методов, позволяющих проводить анализ сложных и многофакторных языковых феноменов. Ниже мы обсудим направления типологических исследований грамматики и области применения параметрического моделирования, которые, как мы надеемся, будут освещаться и на страницах нового журнала.

Сопоставительные исследования языков эксплицитно или имплицитно подразумевают поиск ответов на два вопроса. Первый вопрос возникает, как только лингвист сталкивается с отличиями языков: это вопрос о межъязыковом варьировании и его параметрах. Второй вопрос связан с осознанием того факта, что грамматики языков варьируют не бесконечно, но в определенных пределах.

Почему в английском языке наречия типа ‘часто’ находятся левее лексического глагола, а во французском правее (1)? Почему в английском языке перед спрягаемым глаголом может находиться только подлежащее, но не дополнение, в немецком языке — или подлежащее, или дополнение, но не оба одновременно, в турецком языке — и подлежащее, и дополнение обязательно расположены перед глаголом, а в русском языке нет никаких синтаксических запретов на взаимное расположение глагола-сказуемого, подлежащего и дополнения (2)? Почему в татарском языке показатель множественного числа предшествует притяжательному показателю, а в чувашском языке — следует за ним (3)?

(1) а. английский

John often kisses Mary.

‘Джон часто целует Мэри.’

б. французский

Jean embrasse souvent Marie.

‘Жан часто целует Мари.’

- (2) a. английский
 John read the book. / *The book read John. / *John the book read.
 ‘Джон прочитал книгу.’
- b. немецкий
 Der Johann las das Buch. / Das Buch las der Johann. /
 *Der Johann das Buch las.
 ‘Иоганн прочитал книгу.’
- c. турецкий
 Ahmet kitabı okudu. / ?*Ahmet okudu kitabı. / ?*Kitabı okudu Ahmet.
 ‘Ахмет прочитал книгу.’
- d. русский
 Вася прочитал книгу. / Книгу прочитал Вася. / Вася книгу прочитал.
- (3) a. татарский
тегерман-нар-ем-не
 мельница-PL-1SG-ACC
 ‘мои мельницы (ACC)’
- b. чувашский
арман-ӓм-сен-е
 мельница-1SG-PL-ACC
 ‘мои мельницы (ACC)’

Ответы на эти вопросы обычно формулируются в виде обобщений над характеристиками грамматик разных языков, которые принимают форму параметров. Например, отличие между английским и французским, демонстрируемое в примере (1), получает объяснение, если предположить, что передвижение лексического глагола в предикативную вершину (V-to-T) является бинарным параметром, принимающим значение «да» для французского языка и «нет» для английского языка [Pollock 1989]. Соответственно, структурно идентичные клаузы английского и французского языков приводят к разным поверхностным реализациям: в английском языке лексический глагол остается *in situ*, в то время как во французском языке он покидает глагольную область и располагается в предикативной вершине T (4a-b), ср. обсуждение в [Pollock 1989; Бейлин 1997: 54; Циммерлинг 2000].

(4) а. английский

John T [_{VP} often [_{VP} kisses Mary]].

‘Джон часто целует Мэри.’

b. французский

Jean embrasse_i + T [_{VP} souvent [_{VP} t_i Marie]].

‘Жан часто целует Мари.’

Важное свойство параметра, отличающее его от простого описания наблюдаемого контраста («во французском языке глагол предшествует наречию, а в английском — следует за ним»), состоит в том, что он позволяет обобщить целую совокупность разнородных фактов и представить их как реализацию одного и того же противопоставления. Так, например, параметр [$\pm V$ -to-T] дает нам возможность объяснить не только позицию глагола относительно наречия (1a-b), но и позицию глагола относительно отрицания, плавающего квантора, его участие в вопросительной инверсии (5)-(7).

(5) а. английский

John doesn't like Mary.

‘Джон не любит Мэри.’

b. французский

Jean n'aime pas Marie.

‘Жан не любит Мари.’

(6) а. английский

My friends all love Mary.

‘Мои друзья все любят Мэри.’

b. французский

Mes amis aiment tous Marie.

‘Мои друзья все любят Мари.’

(7) а. английский

Does he love Mary?

‘Любит ли он Мэри?’

b. французский

Aime-t-il Marie?

‘Любит ли он Мари?’

Параметризацию можно проводить на любом этапе анализа. Однако не все гипотетически возможные параметры получают подтверждение при более углубленном анализе. Так, к примеру, на основе парадигмы в (2) можно предположить существование параметра, регулирующего допустимые в языке составляющие в предглагольной позиции. Для английского языка параметр принимает значение SU , для немецкого и кашмири — $SU \vee DO$, для турецкого — $SU \wedge DO$, на русский же этот параметр не накладывает никаких ограничений ($\emptyset \vee SU \vee DO \vee (SU \wedge DO)$). Однако такой параметр будет в дальнейшем отклонен. Во-первых, обнаружится, что этот параметр не предсказывает ничего, кроме тех фактов, на основе которых он был сформулирован: например, он не может быть использован при расширении набора рассматриваемых составляющих — при добавлении к ним непрямого дополнения или обстоятельства. При этом ограничения на заполнение предглагольной позиции каждого конкретного языка вступают в системные отношения с другими (отличными для каждого языка) фактами в области структуры клаузы. Эти факты в совокупности позволяют заключить, что ярлык ‘предглагольная позиция’ в разных языках соответствует разным грамматическим феноменам. В английском языке предглагольная позиция — это позиция подлежащего. Ее расположение непосредственно перед спрягаемым глаголом (точнее, перед предикативной вершиной T) объясняется тем, что подлежащее в процессе деривации оказывается в $S_{\text{рес}}$, TP , что, в свою очередь, моделируется как потребность вершины T в заполненном спецификаторе и падежное взаимодействие T и будущего подлежащего.

В немецком языке предглагольная позиция в (2b) — это позиция $S_{\text{рес}}$, CP (сам спрягаемый глагол находится в C) [den Besten 1983]. Немецкий является одним из представителей класса немногочисленного, но хорошо описанного класса языков $V2$ — языков со второй позицией спрягаемого глагола в независимом утвердительном предложении³. Тот факт, что перед глаголом может находиться только одна составляющая, следует из единственности доступной позиции спецификатора. При этом в данную позицию может передвигаться любая составляющая независимо от ее синтаксической роли.

Турецкий язык — это язык с последовательным левосторонним ветвлением, так что все зависимые располагаются слева от своих вершин. Соответственно, предглагольную позицию занимают все клаузальные фразовые составляющие — подлежащее, дополнения, обстоятельства.

---

³ О параметризации языков $V2$ см. работу [Zimmerling, Lyutikova 2015].

Примечательно, что неграмматичный в независимом предложении немецкого языка порядок слов SU DO V оказывается приемлемым в придаточном предложении (... *dass der Johann das Buch las* '... что Иоганн читал книгу'). Мы можем объяснить этот факт, если предположим, что в немецком языке все клаузальные вершины до уровня TP ветвятся налево, как в турецком, а комплементаризатор придаточного предложения (подчинительный союз *dass*) отличается по своим свойствам от комплементаризатора главного предложения: он не вызывает передвижения T-to-C и не требует заполнения позиции спецификатора. Дальнейшая параметризация языков V2 может быть связана как с уточнением условий ветвления, так и уточнением дистрибуции комплементаризаторов. Так, например, в языке кашмири ограничение V2 сочетается с последовательным левосторонним ветвлением всех лексических категорий [Bhatt 1999]. С другой стороны, в ряде языков V2, например, в языках африкаанс и идиш, порядок V2 может реализовываться и в придаточных при некоторых типах комплементаризаторов [Zimmerling, Lyutikova 2015].

Наконец, русские данные говорят о том, что линейная структура предложения, полученная при синтаксической деривации, подвергается дальнейшим преобразованиям, призванным привести в соответствие его синтаксическое членение с коммуникативным. Вариант SU V DO является нейтральным и допускает несколько коммуникативных структур (тетическое предложение, предложение с предикатной ремой, предложение с узкой ремой на дополнении), вариант DO V SU предполагает тематизацию дополнения и консолидацию ремы из глагола и подлежащего, а вариант SU DO V наиболее естественно интерпретировать как верификативное предложение или предложение с узкой ремой на глаголе.

Таким образом, мы видим, что гипотетический параметр «предглагольной позиции» не прошел проверку дополнительным эмпирическим материалом и является эпифеноменом других параметров — структурной позиции подлежащего, ограничения V2, направления ветвления, возможности коммуникативно мотивированных линейно-акцентных преобразований. Поиск параметрических различий между языками и проверка адекватности и мощности выявляемых параметров составляют важнейшую задачу типологически ориентированных исследований грамматики и призваны в конечном итоге дать ответ на вопрос о богатстве языкового разнообразия, о том, «почему языки такие разные»⁴.

---

⁴ «Почему языки такие разные?» — название научно-популярной монографии В. А. Плунгяна [Плунгян 2010], знакомящей с языковым разнообразием.

Поиск ответа на вопрос о пределах языкового варьирования, о возможном и невозможном в естественном языке, о том, «почему языки такие одинаковые»⁵, может идти в разных направлениях. Одни исследователи исходят из того, что ограничения на языковое варьирование связаны с использованием языка человеком [Givón 1995, 2014]. Языки эволюционируют так, чтобы наилучшим образом выполнять свою функцию, и функция эта — обеспечивать выработку, хранение и передачу информации. Другие считают, что язык как инструмент очень плохо приспособлен для общения (он непоследователен, избыточен и неполон одновременно), однако в некотором отношении он совершенен — в отношении взаимодействия с другими когнитивными системами человека [Chomsky 2000; 2005]. И с одним, и с другим пониманием сущности языка, однако, совместима одна и та же исследовательская программа, опирающаяся на параметрическое представление варьирования: может ли языковое варьирование быть принципиально ограничено через ограничение устройства параметра? Иными словами, можем ли мы установить пределы языкового варьирования через обобщение о возможных и невозможных параметрах?

Наиболее продуктивная гипотеза в области ограничения содержания параметра носит название Гипотезы Борер-Хомского (Borer-Chomsky conjecture). Она предполагает, что межъязыковое варьирование может быть в конечном итоге сведено к формальным признакам синтаксических вершин. В (8) приводится несколько формулировок этой гипотезы, принадлежащих Х. Борер, Н. Хомскому и М. Бейкеру.

- (8) a. “The availability of variation [is restricted] to the possibilities which are offered by one single component: the inflectional component” [Borer 1984: 3].
- b. “Parametric variation is restricted to the lexicon, and insofar as syntactic computation is concerned, to a narrow category of morphological properties, primarily inflectional” [Chomsky 2001: 2].
- c. “All parameters of variation are attributable to differences in features of particular items (e.g. the functional heads) in the lexicon” [Baker 2008: 353].

---

⁵ «Почему языки такие одинаковые?» — антитеза названию книги В. А. Плунгяна, прозвучавшая в одном из последних интервью А. Е. Кибрика как формулировка самой интересной и глубокой исследовательской программы в области лингвистики.

Гипотеза Борер-Хомского позволяет существенно упростить вычислительный компонент грамматики и свести универсальные принципы к эффективности вычисления и взаимодействия грамматики с интерфейсами, а межъязыковое варьирование — к различиям в признаковой спецификации лексических единиц (и в первую очередь — функциональных категорий) языка. Собственно грамматика языка, то есть принципы «обращения» с лексическими единицами, при этом остаются неизменными.

Отметим, что многие из рассмотренных нами выше параметров могут быть представлены как варьирование признаков конкретных вершин: например, в языках V2 комплементаризер, возглавляющий независимое предложение, обладает (сильным) признаком времени (вследствие чего притягивает содержимое предикативной вершины T, обладающей данным признаком) и признаком EPP (вследствие чего происходит передвижение одной из составляющих предложения в первую позицию либо вставка эксплетива). Напротив, комплементаризер придаточного предложения не имеет признака времени и признака EPP, так что структура придаточного предложения не меняется. Передвижение V-to-T во французском также может быть представлено как наличие у глагольной вершины сильного признака времени, а отсутствие такого передвижения в английском — отсутствием этого признака или его слабостью. В терминах 'силы' признака при известных условиях можно интерпретировать даже дистрибутивные свойства клитик, т.е. слабоударных элементов, само определение которых традиционно базируется на идее о том, что их место в предложении зависит от несинтаксических факторов [Zwicky 1985; Sadock 1995]. Так, например, в сербохорватском и болгарском языке есть т.н. клитики второй позиции (2P clitics), которые обычно ставятся после начальной составляющей предложения. Но в сербохорватских повествовательных предложениях клитики второй позиции могут быть отодвинуты на шаг вправо, если предложение начинается с топикального элемента: в этом случае реализуется порядок XP — V — CL, с глаголом на втором месте, напоминающий порядки или идентичный порядкам, порождаемым передвижением V-to-T во французском языке или германских языках V2 [Ćavar, Wilder 1999]. В болгарском языке начальные топикальные группы возможны, но они не отодвигают клитики второй позиции вправо и не приводят к инверсии глагола и клитик: порядок XP — CL — V в повествовательных предложениях болгарского языка не перестраивается. Одно из предлагавшихся объяснений состоит в том, что болгарские клитики являются 'сильными', они не могут быть отодвинуты

вправо и блокируют передвижение глагола. Напротив, сербохорватские (а также словацкие и древнерусские) клитики второй позиции являются ‘слабыми’, поэтому они допускают реструктуризацию $XP — CL \dots V \Rightarrow XP — V — CL$ [Zimmerling, Kosta 2013: 206]. Подобные различия, вероятно, могут быть параметризованы и в иных концепциях грамматики, например, в теориях, не использующих понятие передвижения и допущение о наличии универсальной фразовой структуры: важно, чтобы сам выделяемый параметр правильно предсказывал наблюдаемое распределение языковых фактов.

Если параметризуются формальные признаки вершин, то логически возможные варианты структуры параметра немногочисленны и дают нам следующую схему [Longobardi 2005: 411]:

(9) Abstract parameter schemata

- a. Is F, F a functional feature, grammaticalized?
- b. Is F, F a grammaticalized feature, checked by X, X a lexical category?
- c. Is F, F a grammaticalized feature, spread on Y, Y a lexical category?
- d. Is F, F a grammaticalized feature checked by X, strong (i.e. overtly attracts X)?

Под грамматикализованностью в (9a) понимается обязательность означенного формального признака F в определенной структуре (у определенного типа вершин). (9b) показывает, связано ли присутствие признака F у некоторой вершины с установлением некоторого структурного отношения между этой вершиной и составляющей X (иными словами, выступает ли данный признак в качестве зонда в операции AGREE, [Chomsky 2000]). (9c) определяет, имеет ли данный признак неозначенный вариант на некоторой составляющей Y, так что Y получает значение данного признака в результате согласования. Наконец, (9d) моделирует возможность передвижения составляющей X, вызванного операцией AGREE, в синтаксическую окрестность признака F.

Примеры типа (3a-b) ставят еще один важный вопрос для параметрического описания варьирования — вопрос об отнесении варьирования к определенному языковому модулю. Различия в структуре именной словоформы татарского и чувашского языков могут быть в принципе представлены как различия в их синтаксической деривации (за которыми, в свою очередь, будут стоять различия в признаковой спецификации вершин). В татарском языке NP сперва соединяется с числовой вершиной Num, затем

с посессивной вершиной Poss, проецирующей посессор, согласующейся с ним по ф-признакам и приписывающей ему падеж, и затем получает падеж в результате взаимодействия с переходной глагольной вершиной во внешнем синтаксическом контексте [Lyutikova 2017]. В чувашском языке, напротив, порядок аффиксов подсказывает такой маршрут деривации, при котором сперва NP соединяется с посессивной вершиной и посессором, а затем с числовой вершиной. Кажется, что такой анализ достаточно экономен, поскольку совместим с тривиальным правилом определения последовательности аффиксов — зеркальным принципом:

(10) The Mirror Principle [Baker 1985: 375]

Morphological derivations must directly reflect syntactic derivations (and vice versa).

Зеркальный принцип эффективно ограничивает варьирование в морфологическом компоненте, позволяя сопоставить каждой синтаксической деривации только одно морфологическое представление. Однако цена за эту ограниченность слишком велика: она вынуждает нас признать, что синтаксическая структура именной группы близкородственных языков варьирует в достаточно широких пределах. Более того, эта гипотеза требует неправдоподобных допущений о порядке семантической композиции именной группы, семантических типах промежуточных именных проекций и стандартных функциональных вершин в чувашском языке. Эти соображения говорят в пользу другого решения: признать синтаксические деривации в (3a-b) идентичными и возложить бремя ответственности за варьирование на морфонологический компонент. Можно предположить, например, что порядок аффиксов в чувашской именной словоформе получен при помощи морфологической операции понижения (Lowering), меняющей иерархический порядок морфем Num-Poss-Case на Poss-Num-Case [Embick, Noyer 2001].

Предпринятое обсуждение показывает, что исследование типологически релевантных параметров не обязательно должно принимать к рассмотрению материал всех языков мира или хотя бы достаточно представительной языковой выборки (100-500 языков). Точное определение специфики типологических исследований связано не с количеством рассмотренных языков, а с установкой лингвиста: типолог делает заявку на исследование всех языков мира, т.е. на описание лингвистического разнообразия и выделение

предполагаемых универсалий, или, по крайней мере — на описание открытых классов языков, соответствующих некоторому заданному параметру или комбинации параметров. В основе типологического подхода к языку — исследование его природы через выявление общего и особенного, а это означает, что методы параметрической типологии приложимы в самых разных областях, где происходит сравнение языков: в сопоставительных исследованиях генетической группы языков (внутригенетическая типология), в ареальных исследованиях, в диахронической и исторической лингвистике. Типологическими могут быть признаны и исследования, преимущественно выполненные на материале одного языка, в том числе — родного языка исследователя, если в них делается попытка определить соотношение лингвоспецифических и универсальных черт в грамматике данного языка.

Координация усилий типологов, занимающихся проблемами параметризации, в большей степени связана с общностью решаемых ими задач описания, а не с принадлежностью ученого к той или иной концепции формальной грамматики или типологическому проекту. Одной из площадок для дискуссии является проводимая с 2011 г. серия международных конференций «Типология морфосинтаксических параметров»⁶, которая задумывалась в качестве общего форума для типологов и лингвистов широкого профиля, интересующихся проблемами взаимодействия морфологии, синтаксиса, просодико-синтаксического и коммуникативно-синтаксического интерфейсов. Первый выпуск одноименного журнала (2018, вып. 1), учрежденного в 2018 г., по своей тематике продолжает серию ежегодных публикаций конференции ТМП, издававшихся с 2014 по 2017 годы [ТМП 2014; ТМП 2015; ТМП 2016; ТМП 2017].

Параметризация грамматического разнообразия естественных языков — чрезвычайно активно и плодотворно развивающееся направление лингвистики конца XX — начала XXI века. Как кажется, это одна из тех областей,

---

⁶ Организаторами и соорганизаторами ежегодных конференций тематической серии «Типология морфосинтаксических параметров» были: Московский государственный гуманитарный университет имени М. А. Шолохова (2011–2014), Московский педагогический государственный университет (2015–2016), Институт языкознания РАН (2016–2018), Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (2016–2018), Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина (2017–2018). Учредителем журнала «Типология морфосинтаксических параметров» является Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина.

где приверженцы формальных и функциональных моделей, при всех разногласиях, имеют много точек пересечения и где возможен конструктивный диалог между различными лингвистическими школами. Мы надеемся, что журнал станет еще одной научной площадкой, в рамках которой представители различных лингвистических направлений и специалисты по различным языкам и языковым семьям получат возможность обсудить соотношение общего, типового и специфического в устройстве и распределении морфосинтаксических параметров.

Условные обозначения и сокращения

1 — первое лицо, ACC — аккузатив, PL — множественное число, SG — единственное число.

Литература

- Аркадьев 2016 — Аркадьев П.А. Возможны ли однопадежные системы? [Arkad'ev P.A. Are monocasual systems possible?]. Piątkowska J., Zeldowicz G. (eds.). Znaki czy nie znaki? — II. Zbiór prac lingwistycznych. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2016. P. 9–37.
- Бейлин 1997 — Бейлин Дж. Краткая история генеративной грамматики // Кибрик А.А., Кобозева И.М., Секерина И.М. (ред.). Функциональные направления современной американской лингвистики. М.: МГУ, 1997. С. 13–57. [Bailyn J. A short history of generative grammar. Kibrik A.A., Kobozeva I.M., Sekerina I.M. (eds.). Funktsional'nye napravleniya sovremennoi amerikanskoj lingvistiki. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 1997. P. 13–57.]
- Зализняк 1967 — Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967. 270 с. [Zaliznyak A.A. Russkoe imennoe slovoizmenenie [Russian Nominal Inflection]. Moscow: Nauka, 1967. 270 p.]
- Ковтунова 1976 — Ковтунова И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М.: Наука, 1976. [Kovtunova I.I. Sovremennyi russkii yazyk. Poryadok slov i aktual'noe chlenenie predlozheniya [Modern Russian: Word order and topic-comment articulation of the sentence]. Moscow: Nauka, 1976.]
- Козинский 1983 — Козинский И.Ш. О категории “подлежащее” в русском языке. М.: Институт русского языка АН СССР. Предварит. публ., вып. 156. М., 1983. [Kozinskii I.Sh. O kategorii “podlezhashchee” v russkom yazyke [On the category of “subject” in Russian]. Moscow: Institute for the Russian Language, USSR Academy of Sciences. Preprint, iss. 156. Moscow, 1983.]
- Лютикова 2019 — Лютикова Е.А. Коммуникативная структура в синтаксической деривации // Вопросы языкознания. 2019. №1. С. 7–29. [Lyutikova E.A. Information structure in syntactic derivation. Voprosy jazykoznanija. 2019. No. 1. P. 7–29.]
- Плунгян 2010 — Плунгян В.А. Почему языки такие разные. Популярная лингвистика. М.: АСТ-Пресс Книга, 2010. 274 с. [Plungian V.A. Pochemu yazyki takie raznye. Populyarnaya lingvistika [Why are languages so different. Popular linguistics]. Moscow: AST-Press Kniga, 2010, 274 p.]
- ТМП 2014 — Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2014». Вып. 1. Лютикова Е.А., Циммерлинг А.В., Коношенко М.Б. (ред.). М.: МГУ им. М.А. Шолохова, 2014. 272 с.

- [Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii «Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov 2014» [Typology of morphosyntactic parameters. Proceedings of the international conference “Typology of morphosyntactic parameters 2014”]. Iss. 1. Lyutikova E.A., Zimmerling A.V., Konoshenko M.B. (eds.). Moscow: Sholokhov Moscow State University for the Humanities, 2014. 272 p.]
- ТМП 2015 — Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2015». Вып. 2. Лютикова Е.А., Циммерлинг А.В., Коношенко М.Б. (ред.). М.: МПГУ, 2015. 515 с. [Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii «Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov 2015» [Typology of morphosyntactic parameters. Proceedings of the international conference “Typology of morphosyntactic parameters 2015”]. Iss. 2. Lyutikova E.A., Zimmerling A.V., Konoshenko M.B. (eds.). Moscow: Moscow State University of Education, 2015. 515 p.]
- ТМП 2016 — Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2016». Вып. 3. Коношенко М.Б., Лютикова Е.А., Циммерлинг А.В. (ред.). М.: МПГУ, 2016. 420 с. [Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii «Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov 2016» [Typology of morphosyntactic parameters. Proceedings of the international conference “Typology of morphosyntactic parameters 2016”]. Iss. 3. Konoshenko M.B., Lyutikova E.A., Zimmerling A.V. (eds.). Moscow: Moscow State University of Education, 2016. 420 p.]
- ТМП 2017 — Типология морфосинтаксических параметров. Вып. 4. Лютикова Е.А., Циммерлинг А.В. (ред.). Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2017». М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2017. 287 с. [Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii «Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov 2017» [Typology of morphosyntactic parameters. Proceedings of the international conference “Typology of morphosyntactic parameters 2017”]. Iss. 4. Lyutikova E.A., Zimmerling A.V. (eds.). Moscow: Pushkin State Russian Language Institute, 2017. 287 p.]
- Циммерлинг 2000 — Циммерлинг А.В. Американская лингвистика глазами отечественных языковедов // Вопросы языкознания. 2000. № 2. С. 118–133. [Zimmerling A.V. American linguistics as viewed by Russian linguists. *Voprosy jazykoznanija*. 2000. No. 2. P. 118–133.]
- Циммерлинг, Лютикова 2016 — Архитектура клаузы в параметрических моделях. Синтаксис, информационная структура, порядок слов. Циммерлинг А.В., Лютикова Е.А. (ред.). М.: Языки славянской культуры, 2016. 608 с. [Arkhitektura klauzy v parametricheskikh modelyakh. Sintaksis, informatsionnaya struktura, poryadok slov [Clause Architecture in the Parametric Models: Syntax, Information Structure, Word Order]. Zimmerling A.V., Lyutikova E.A. (eds.). Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2016. 608 p.]
- Шведова 1982 — Грамматика русского литературного языка. Шведова Н.Ю. (ред.). Т2. Синтаксис. М.: Наука, 1982. 710 с. [Grammatika russkogo literaturnogo yazyka [A Grammar of Standard Russian]. Shvedova N.Yu. (ed.). Vol. 2. Syntax. Moscow: Nauka, 1982. 710 p.]
- Austin 2001 — Austin P. Word order in a free word order language: the case of Jiwari. Simpson J. et al. (eds). *Forty years on: Ken Hale and Australian languages*. Canberra: Pacific Linguistics, 2001. P. 205–323.
- Baker 1985 — Baker M. The Mirror Principle and morphosyntactic explanation. *Linguistic Inquiry*. 1985. Vol. 16. P. 537–576.
- Baker 2008 — Baker M. The macroparameter in a microparametric world. Biberauer T. (ed.). *The limits of variation*. Amsterdam: John Benjamins, 2008. P. 351–374.
- Bhatt 1999 — Bhatt R.M. *Verb Movement and the Syntax of Kashmiri*. Dordrecht-Boston-London: Kluwer, 1999. 291 p.

- Borer 1984 — Borer H. Parametric syntax: case studies in Semitic and Romance languages. Dordrecht: Foris, 1984.
- Ćavar, Wilder 1999 — Ćavar D., Wilder Ch.. Clitic Third in Croatian. van Riemsdijk H. (ed.). Clitics in the languages of Europe (Eurotype 20-5). Berlin – New York: Mouton, 1999. P. 429–467.
- Chomsky 2001 — Chomsky N. Derivation by phase. Kenstowicz M. (ed.). Ken Hale: A Life in Language. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2001. P. 1–52.
- Croft 2003 — Croft W. Typology and universals. 2nd edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- den Besten 1983 — den Besten H. On the interaction of root transformations and lexical deletive rules. Abraham W. (ed.). On the formal syntax of Westgermania. Amsterdam: Benjamins, 1983. P. 47–131.
- Dryer 2013 — Dryer M.S. Order of Subject, Object and Verb. Dryer M., Haspelmath M. (eds.). The World Atlas of Language Structures Online. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. (Available online at <http://wals.info/chapter/81>, Accessed on 2018-11-05).
- Embick, Noyer 2001 — Embick D., Noyer, R. Movement operations after syntax. Linguistic inquiry. 2001. Vol. 32. P. 555–596.
- Fiedler, Schwarz 2010 — Fiedler I., Schwarz A. (eds.). The expression of information structure: A documentation of its diversity across Africa. Amsterdam: John Benjamins, 2010.
- Greenberg 1963 — Greenberg J. Some universal of grammar, with particular reference to the order of meaningful elements. Greenberg J. (ed.). Universals of grammar. 2nd ed. Cambridge, MA: MIT Press, 1963. P. 73–113.
- Haspelmath 2010 — Haspelmath M. Comparative concepts and descriptive categories in crosslinguistic studies. Language. 2010. Vol. 86. No.3. P. 663–687.
- Haspelmath 2014 — Haspelmath M. Descriptive Scales vs Comparative Scales. Bornkessel-Schlesewsky I., Malchukov A., Richards M. (eds.). Scales and hierarchies. Berlin: De Gruyter Mouton, 2014. P. 45–58.
- Kibrik 1997 — Kibrik A.E. Beyond subject and object: Toward a comprehensive relational typology. Linguistic Typology. 1997. Vol. 1. No. 3. P. 279–346.
- Li, Tompson 1976 — Li Ch.N., Thompson S.A. Subject and topic: A new typology of language. Li Ch.N. (ed.). Subject and topic. New York: Academic Press, 1976. P. 457–489.
- Longobardi 2005 — Longobardi G. A minimalist program for parametric linguistics? Broekhuis H. et al. (eds.). Organizing grammar. Linguistic studies in honor of Henk van Riemsdijk. Berlijn — New York: Mouton De Gruyter, 2005. P. 407–414.
- Lyutikova 2017 — Lyutikova E. Agreement, Case and Licensing. Ural-Altaic Studies. 2017. Vol. 25. No. 2. P. 25–45.
- Mithun 1992 — Mithun M. Is basic word order universal? Payne D. (ed.). Pragmatics of word order flexibility. Amsterdam: John Benjamins, 1992. P. 15–61.
- Pollock 1989 — Pollock J.-Y. Verb movement, universal grammar, and the structure of IP. Linguistic Inquiry. 1989. Vol. 20. No. 3. P. 365–424.
- Roberts 2012 — Roberts I. Phases, Head-movement and Second-Position Effects. Gallego A. (ed.). Phases: Developing the framework. Berlin, Boston: Mouton de Gruyter, 2012. P. 385–440.
- Sadock 1995 — Sadock J.M. A multi-hierarchy view of clitics. Papers from the Parasession on Clitics. Chicago: Chicago Linguistics Society, 1995. P. 258–279.
- Sasse 1987 — Sasse H.-J. Thethetic / categorical distinction revisited. Linguistics. 1987. Vol. 25. No. 3. P. 511–580.
- Zimmerling 2015 — Zimmerling A. Parametrizing Verb Second languages and Clitic Second languages. Proceedings of the 2015th International Conference on Artificial Intelligenc (ICAI 15). Oslo: The University of Oslo, 2015. P. 281–287.

- Zimmerling, Kosta 2013 — Zimmerling A., Kosta P. Slavic clitics. A typology. Sprachtypologie und Universalforschung (STUF). 2013. Vol. 66. No. 2. P. 178–214.
- Zimmerling, Lyutikova 2015 — Zimmerling A., Lyutikova E. Approaching V2: Verb Second and Verb Movement. Komp'juternaja Lingvistika i Intellektual'nye Tehnologii. M.: RGGU, 2015. P. 696–710.
- Zwicky 1985 — Zwicky A.M. Clitics and particles. Language. 1985. Vol. 61. No. 2. P. 283–305.

Статья поступила в редакцию 20.12.2018

The article was received on 20.12.2018

Екатерина Анатольевна Лютикова

доктор филологических наук; доцент, МГУ имени М. В. Ломоносова; профессор, Московский педагогический государственный университет; участник проекта «Параметрическое описание языков Российской Федерации», реализуемого в Государственном институте русского языка им. А. С. Пушкина

Ekaterina A. Lyutikova

Dr. Phil. Hab.; associate professor, Lomonosov Moscow State University; professor, Moscow Pedagogical State University; researcher in the project “Parametric description of the languages of Russia” realized in Pushkin State Russian Language Institute

lyutikova2008@gmail.com

Антон Владимирович Циммерлинг

доктор филологических наук; профессор, Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина; профессор, Московский педагогический государственный университет; ведущий научный сотрудник, Институт языкознания РАН

Anton V. Zimmerling

Dr. Phil. Hab.; professor, Pushkin State Russian Language Institute; professor, Moscow Pedagogical State University; principal researcher, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

fagraey64@hotmail.com

ОТ РЕЗУЛЬТАТИВА К ПАССИВУ: ДАННЫЕ ЗАПАДНОКАВКАЗСКИХ ЯЗЫКОВ*

П. М. Аркадьев

Институт славяноведения РАН,

Российский государственный гуманитарный университет

В статье рассматриваются результативные конструкции в полисинтетических эргативных западнокавказских языках (адыгейском, кабардинском и абазинском). Показано, что эти конструкции развиваются в сторону пассивных. Выделяется два пути такого развития: (i) расширение семантики результата, проявляющееся в его сочетаемости с динамическими и агентивными обстоятельствами (во всех трёх языках); (ii) инцептивная морфологическая деривация (в абазинском). Обсуждаются также типологические параллели из европейских языков.

Ключевые слова: западнокавказские языки, результативные конструкции, пассивные конструкции, морфология, синтаксис

---

* Данная статья основана на докладах, прочитанных на международных конференциях “Valency and valency change in the Caucasus” (Москва, ноябрь 2016) и «Типология морфосинтаксических параметров» (Москва, октябрь 2018). Я благодарю слушателей этих докладов и редакторов сборника за замечания, а также носителей адыгейского, кабардинского и абазинского языков за терпение и щедрость. Все ошибки и неверные интерпретации остаются на совести автора. Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 17-04-00444.

FROM RESULTATIVE TO PASSIVE: A VIEW FROM NORTHWEST CAUCASIAN*

Peter Arkadiev

Institute of Slavic Studies RAS, Russian State University for the Humanities

This paper investigates resultative constructions in the polysynthetic ergative Northwest Caucasian languages West Circassian, Kabardian and Abaza and shows that they are undergoing a development into the domain of passive. Two pathways of such development are outlined: (i) via direct extension of the resultative manifested in its compatibility with dynamic and agent-related modifiers (in all three languages); (ii) via an inceptive derivation (only in Abaza). Typological parallels to both of these from better-known European languages are discussed.

Keywords: Northwest Caucasian languages, resultative constructions, passive constructions, morphology, syntax

---

* The study has been supported by the Russian Foundation for Basic Research, grant # 17-04-00444.

1. Введение

Характеризующиеся последовательной морфологической эргативностью западнокавказские (абхазо-адыгские) языки традиционно считаются не имеющими пассивного залога [Климов, Алексеев 1980: 33; Siewierska 2013]. В данной работе я приведу собранный в 2014–2018 гг. материал адыгейского, кабардинского и абазинского языков, свидетельствующий о возможном развитии в них пассивных конструкций на базе объектного результата.

Согласно определению в классической работе [Недялков, Яхонтов 1983: 7], **результатив** — это глагольная форма, «обозначающая состояние предмета, которое предполагает предшествующее действие», при этом в случае **объектного** результатива «субъект состояния ... соответствует ... объекту» этого действия [там же: 9]. **Пассив** же обозначает, «что подлежащее предложения не соответствует субъекту действия» (= агенсу) и предполагает изменение «только диатезы глагола, но не его значения» [там же: 13]. Тем не менее, поскольку «результатив от переходных глаголов, как правило, обозначает состояние, носителем которого является объект действия» [там же], объектный результатив (в более традиционной терминологии «статальный пассив») по ряду свойств сближается с собственно пассивом («акциональным пассивом», см. [там же: 30–33]). Более того, хорошо известно, что объектный результатив является типологически частотным диахроническим источником пассива [там же: 33; Haspelmath 1990: 38–40; 1994: 157–162]. В данной статье я рассмотрю не привлекавшие ранее внимания примеры подобного развития из западнокавказских языков, интересные прежде всего тем, что они демонстрируют начальную стадию этого процесса.

Дальнейшая структура статьи такова. В разделе 2 я кратко остановлюсь на главных релевантных особенностях грамматики западнокавказских языков. В разделе 3 я опишу основные характеристики результативных конструкций этих языков, а в разделах 4 и 5 опишу два наблюдаемых в них пути развития от объектного результатива к пассиву. В разделе 6 приведённые данные обсуждаются с типологической точки зрения.

2. Общие сведения о западнокавказских языках

Западнокавказская семья языков состоит из трёх ветвей: адыгской (адыгейский и кабардинский языки), абхазо-абазинской (абхазский и абазинский языки) и вымершей убыхской. Данная работа основана на материале бжедугского диалекта адыгейского языка, собранного в ходе экспедиции РГГУ и НИУ ВШЭ в аул Вочепший Республики Адыгея в 2014 г., кубанского диалекта кабардинского языка, собранного в ходе экспедиции НИУ ВШЭ и РГГУ в аулы Блечепсин и Ходзь республики Адыгея в 2015–2016 гг., и тапантского диалекта абазинского языка, собранного в ходе экспедиции НИУ ВШЭ и РГГУ в аул Инжич-Чукун республики Карачаево-Черкесия в 2017–2018 гг.

Основные типологические характеристики западнокавказских языков, релевантные для дальнейшего обсуждения, таковы (см. [Hewitt 2005, Arkadiev, Lander, forthcoming]).

1. Полисинтетизм (см. [Lander, Testelet 2017] об адыгейском), проявляющийся в последовательном индексировании всех участников ситуации (S, A, P и различных не прямых объектов) в глагольной словоформе с помощью местоименных префиксов (см. [Smeets 1992] об адыгейском и [O'Herin 2002] об абазинском) и в наличии большого числа аффиксов, выражающих пространственные, аспектуальные, временные и модальные значения (см. [Korotkova, Lander 2010] об адыгейском). Напротив, падежное маркирование в западнокавказских языках довольно ограничено и представлено лишь в адыгских и убыхском языках. В таблице 1 представлена общая схема западнокавказского глагольного комплекса.

Таблица 1. Структура западнокавказского глагольного комплекса

префиксы				корень	суффиксы					
(A) зона актантной структуры			(B) предосновные элементы		(C) основа (Σ)			(D) окончания		
абсолютив	субординаторы	апликативы и не прямые объекты	эргатив	отрицание, динамичность	каузатив	корень	событийные операторы	видовременные операторы	отрицание	иллокутивная сила, субординаторы

2. Богатая система повышающих актантных дериваций, включающая каузатив и множество аппликативов (бенефактив, малефактив, комитатив и др.), в том числе локативных. Напротив, понижающие актантные деривации немногочисленны и как правило непродуктивны, см. [Lander, Letuchiy 2017] об адыгейском.

3. Эргативность, проявляющаяся в первую очередь в вершинном маркировании, различающем абсолютивную и неабсолютивную серии местоименных префиксов, занимающих разные позиции в словоформе (см. [Кумахов, Вамлинг 2006] об адыгейском, [O’Herin 2002] об абазинском), ср. примеры (1a–c) и таблицу 2.

(1) абазинский (текстовые примеры)

a. *h-bzáza-d*

1PL.ABS-ЖИТЬ(AOR)-DCL

‘Мы жили.’

b. *awáʔa hə-ça-də-r-ça-χ-nás*

там 1PL.ABS-LOC-3PL.ERG-CAUS-КЛАСТЬ-RE-PURP

‘Чтобы они похоронили нас там.’

c. *kartóf j-la-h-čá-ʔ*

картофель 3SG.N.ABS-LOC-1PL.ERG-КЛАСТЬ(AOR)-DCL

‘Мы посадили картошку.’

Таблица 2. Абсолютивные и эргативные личные префиксы

	абазинский		адыгейский	
	абсолютив	эргатив	абсолютив	эргатив
1Sg	<i>s(ə)-</i>	<i>s(ə)-/z-</i>	<i>sə-</i>	<i>s-/z-</i>
2Sg	M <i>w(ə)-</i> , F <i>b(ə)-</i>	M <i>w(ə)-</i> , F <i>b(ə)-/p-</i>	<i>wə-</i>	<i>w-/p-/b-</i>
3Sg	H <i>d(ə)-</i> , N <i>j(ə)-/∅</i>	M <i>j(ə)-</i> , F <i>l(ə)-</i> , N <i>na-/a-</i>	<i>∅-</i>	<i>jə-/ə-</i>
1Pl	<i>h(ə)-</i>	<i>h(ə)-/ʕ-</i>	<i>tə-</i>	<i>t-/d-</i>
2Pl	<i>ʃ(ə)-</i>	<i>ʃ(ə)-/ʒ-</i>	<i>ʃ^wə-</i>	<i>ʃ^w-/ʒ^w-</i>
3Pl	<i>j(ə)-/∅</i>	<i>r(ə)-/d(ə)-</i>	<i>∅-</i>	<i>a-</i>

В адыгских языках эргативность проявляется также и в зависимостном маркировании: различаются абсолютивный и косвенный падежи с суффиксами *-r* и *-m*, соответственно. Абсолютив маркирует S и P, а косвенный падеж маркирует A и все непрямые объекты, ср. примеры (2a–b).

(2) кубанский диалект кабардинского

a. *ʃale-r me-ž'ej*
 парень-ABS DYN-спать
 'Парень спит.'

b. *ʃale-m pšaše-m txələ-r jə-r-jə-t-a*
 парень-ОBL девушка-ОBL книга-ABS 3SG.IO-DAT-3SG.ERG-дать-PST
 'Парень дал девушке книгу.'

Во всех языках семьи есть показатели, выражающие, среди прочего, инструмент и средство (см. [Сердобольская, Кузнецова 2009] об адыгейском, [Рыжова и др. 2016] о кабардинском), ср. примеры (3) и (4).

(3) абазинский (текстовый пример)

taba = dəw-k^wa-la jə-h-rə-žə-n
 сковорода = большой-PL-INS 3SG.N.ABS-1PL.ERG-CAUS-жариться-PST
 'Мы жарили на больших сковородах.'

(4) литературный адыгейский (текстовый пример)

jə-taŋž'-jə jə-meŋ^w-jə təž'an-re dəše-re-č'e vela-be-x
 POSS-шлем-ADD POSS-щит-ADD серебро-COORD золото-COORD-INS красить-RES-PL
 'Его шлем и щит были украшены серебром и золотом.'

4. Стандартный способ выражения неопределённого агенса в западнокавказских языках — с помощью показателя 3 л. мн. ч., ср. примеры (5) и (6).

(5) бжедугский диалект адыгейского

p^hš'ətafe q-ə-ŋ^wa-b t-jə-wəne
 Пшимаф DIR-3SG.ERG-сказать-PST 1PL.IO-POSS-дом

svjet-er zere-x-a-be-na-be-r
 свет-ABS REL.FCT-LOC-3PL.ERG-CAUS-светить-PST-ABS
 'Пшимаф сказал, что в нашем доме включили свет.'

(6) абазинский (текстовый пример)

ostán d-an-ps-g'əj
 Осман 3SG.H.ABS-REL.TEMP-умереть-ADD

jará awá?a də-ča-r-ča-χ-t
 он там 3SG.H.ABS-LOC-3PL.ERG-класть-RE(AOR)-DCL
 'Когда Осман умер, его тоже там похоронили.'

5. Сложные видовременные системы с морфологическим противопоставлением статических и динамических глаголов (наиболее отчётливым в абхазском и абазинском) и различием перфективного и имперфективного прошедших времён. См. подробный обзор в работе [Клягина 2018] и таблицы 3 и 4.

Таблица 3. Основные временные формы абазинского языка

		настоящее	прошедшее		будущее
			перфектив	имперфектив	
статические	положительные	<i>-p ~ -b</i>	<i>-n</i>		<i>-zl-wə-š-t</i>
	отрицательные	<i>g'...Σ-m</i>	<i>g'...Σ-mə-z-t</i>		<i>g'...Σ-zl-wə-šə-m</i>
динамические	положительные	<i>-əj-t</i>	<i>-t ~ -d</i>	<i>-wa-n</i>	<i>-wa-š-t</i>
	отрицательные	<i>g'...Σ-wa-m</i>	<i>g'...-m-Σ-t</i>	<i>g'...Σ-wa-mə-z-t</i>	<i>g'...Σ-wa-šə-m</i>

Таблица 4. Основные временные формы адыгских языков

		настоящее	прошедшее		будущее
			перфектив	имперфектив	
адыгейский	∅ ~ DYN		<i>-ve ~ -v</i>	<i>-(š')təve</i>	<i>-(š')t</i>
кубанский кабардинский			<i>-a ~ -ve</i>	<i>-te ~ -t</i>	<i>-ne</i>

3. Западнокавказский результатив: общая характеристика

В обеих рассматриваемых ветвях западнокавказской семьи результативные формы представляют собою статические предикаты без префикса эргативной серии, соответственно, не допускающие выражения агенса (по крайней мере как ядерного актанта; о возможности выражения агенса как сирконстанта см. ниже). В адыгских языках результативы содержат суффикс перфективного претерита, см. пример (7), в абазинском же языке у них нет никаких специальных показателей, см. пример (8).

(7) адыгейский, бжедугский диалект

a. *te psəŋç'-ew l-er d-ve-žə-v*
 мы быстрый-ADV мясо-ABS 1PL.ERG-CAUS-жариться-PST
 'Мы быстро пожарили мясо.'

- b. *l-er*   *ve-žá-ve*
 мясо-ABS   CAUS-жариться-RES
 ‘Мясо пожарено.’

(8) абазинский

- a. *a-ph^wáspa*   *a-š*   *j-šá-l-tá-d*
 DEF-девушка   DEF-дверь   3SG.N.ABS-DIR-3SG.F.ERG-открыть(AOR)-DCL
 ‘Девушка открыла дверь.’

- b. *a-š*   *j-tə-b*
 DEF-дверь   3SG.N.ABS-открыть(RES)-NPST.DCL
 ‘Дверь открыта.’

Результативные формы образуются как от переходных, так и от непереходных глаголов (в обоих случаях носитель результирующего состояния — абсолютный актанта); в адыгских языках результатив и претерит непереходных глаголов совпадают, ср. пример (9). Синтаксически результативы ведут себя как прилагательные, либо объединяясь с модифицируемым существительным в именной комплекс [Lander 2017], пример (9b), либо выступая как статические предикаты, примеры (7b) и (8b).

(9) кабардинский, кубанский диалект

- a. *lə-xe-r*   *viŋo je-f-a-xe*
 мужчина-PL-ABS   вино   DAT-пить-PST-PL
 ‘Мужчины выпили вино.’

- b. *çax^w=je-f-a=dəde*   *qə-k^w-a*
 мужчина = DAT-пить-RES = очень   DIR-идти-PST
 ‘Пришёл очень пьяный мужчина.’

Отсутствие специализированных показателей результата в западнокавказских языках делает крайне трудоёмким поиск этих форм в корпусах — фактически, определить, что перед нами форма результата, можно лишь путём грамматического анализа и обращения к словарю. В связи с этим подавляющее большинство примеров в данной работе являются элицитированными.

В адыгских языках, где результатив оформляется показателем перфективного претерита, этот показатель в составе результативных форм не выражает ни прошедшего времени, ни перфективности, см. [Аркадьев, Герасимов 2014]. Действительно, результативы обозначают состояния,

одновременные моменту речи, ср. пример (10а), и при необходимости выразить референцию в прошедшему или будущему присоединяют показатели времени, ср. примеры (10b) и (11).

(10) адыгейский, бжедугский диалект

a. *р̣с̣е-г*   *ʔ^wə-хə-в*
дверь-ABS   LOC-открыть-RES
'Дверь открыта (сейчас).'

b. *сə-qə-z-e-ḱ^we-m*   *р̣с̣е*   *ʔ^wə-хə-ва-в*
1SG.ABS-DIR-REL.TEMP-DYN-идти-OBL   дверь   LOC-открыть-RES-PST
'Когда я пришла, дверь была открыта.'

(11) кабардинский, кубанский диалект

wə-ḳə-šə-ḱ^we-ž'-č'e   *bž'e-r*   *ʔ^wə-хə-ве-п̄е*
2SG.ABS-DIR-REL.TEMP-идти-RE-INS   дверь-ABS   LOC-открыть-RES-FUT
'Когда ты придёшь, дверь будет открыта.'

Кроме того, результативные формы могут сочетаться с аспектуальными и модальными суффиксами, не присоединяющимися к формам претерита, ср. рефактив в примере (12) и хабилитив в примере (13).

(12) адыгейский, бжедугский диалект

р̣с̣е-г   *ʔ^wə-хə-ве-ž'-ep^h*
дверь-ABS   LOC-открыть-PST-RE-NEG
'Дверь больше не открыта.'

(13) кабардинский, кубанский диалект

a. *ž'eš'-č'e*   *bž'e-r*   *ʔ^wə-хə-ве-fə-п̄е*
ночь-INS   дверь-ABS   LOC-открыть-RES-HBL-FUT
'Дверь может быть открыта по ночам.'

b. *šale-m*   *bž'e-r*   *ʔ^w-jə-хə-f-a*   /   **ʔ^w-jə-хə-ве-f*
парень-ERG   дверь-ABS   LOC-3SG.ERG-открыть-HBL-PST   /   *-PST-HBL
'Парень смог открыть дверь.'

4. От результата к пассиву (I): расширение сочетаемости

Обозначая состояние, результатив в общем случае «подавляет» агентивные компоненты исходной ситуации, что проявляется в его неспособности

сочетаться с выражениями, интерпретация которых апеллирует к этим компонентам (о возможных исключениях из этого принципа и их объяснениях см., например, [Gehrke 2012]). Это отличает результатив от акционального пассива, в котором изменение диатезы не сопровождается редукцией событийной и аргументной структур, ср. английские примеры в (14) и их русские переводы.

(14) английский

a. The door **has been closed** quickly / on purpose.

‘Дверь была закрыта быстро / специально.’ (пассив)

b. The door **is closed** (*quickly / on purpose).

‘Дверь закрыта (*быстро / специально).’ (результатив)

Тем не менее, носители исследованных мною западнокавказских языков допускают сочетания результативных форм с целым рядом обстоятельственных выражений, интерпретация которых требует обращения к динамическим фазам ситуации, см. таблицу 5 и примеры (15)–(25).

Таблица 5. Модификация результативных конструкций

	бжедугский	кубанский	абазинский
‘в X году’	да (15)	да	да
‘за X часов’	да	да	да (16)
‘быстро’	да	да (17)	да
инструмент	да (18)	да	да
цель	да (19)	да	да (20)
ориентированные на агенса	да (21)	нет (22)	нет
агенса	да (23)	нет (25)	да (24)

1) Рематические обстоятельства, описывающие временную локализацию события, а не состояния:

(15) адыгейский, бжедугский диалект

t-jə-škole   *mjən-jə-ɬʷə-re*   *pɬə-re*   *jələsə-m ʒə-ka-ve*
 1PL.IO-POSS-школа тысяча-LNK-два-COORD четыре-COORD год-OBL делать-RES-PST
 ‘Наша школа была построена в 2004 году.’

2) Обстоятельства срока, указывающие на достижение ситуацией предела, а не на длительность состояния:

(16) абазинский

saǰámšʔa   *sahat = bžá-k-la*   *j-ɣʷə-b*
 письмо   час = половина-ADNUM-INS   ЗН.ABS-писать-NPST
 ‘Письмо написано за полчаса.’

3) Обстоятельства типа ‘быстро’, не сочетающиеся с состояниями:

(17) кабардинский, кубанский диалект

pis'mo-r   *psəpč'-əw*   *tx-a*
 письмо-ABS   быстрый-ADV   писать-RES
 ‘Письмо (было) написано быстро.’

4) Обозначения инструмента, нерелевантного для результирующего состояния¹:

(18) адыгейский, бжедугский диалект

pče-r   *mə*   *ʔʷəč'əbze-m-ž'e*   *ʔʷə-xə-va-β*
 дверь-ABS   DEM   ключ-ОBL-INS   LOC-открыть-RES-PST
 ‘Дверь была открыта этим ключом.’

5) Целевые выражения:

(19) адыгейский, бжедугский диалект

mə   *txəl-er*   *ʔaqš'e-m*   *p^haj*   *txə-va-β*
 DEM   книга-ABS   деньги-ОBL   ради   писать-RES-PST
 ‘Эта книга была написана ради денег.’

(20) абазинский

a-qáš-k^wa   *j-tə-b*
 DEF-окно-PL   ЗPL.ABS-открыть(RES)-NPST.DCL

a-pájš'   *jə-m-šwára-xa-ra*   *a-qáz-la*
 DEF-комната   ЗSG.N.ABS-NEG-горячий-INC-MSD   ЗSG.N.IO-ради-INS
 ‘Окна открыты, чтобы в комнате не было жарко.’

6) Обстоятельства, ориентированные на агенса, систематически допускаются лишь в бжедугском диалекте адыгейского:

¹ В этом смысле примеры типа *письмо написано карандашом* непоказательны, т.к. в них инструмент характеризует состояние в той же степени, что и ведущий к нему процесс.

(21) адыгейский, бжедугский диалект

lave-xe-r   *g^wəʃ^weps-ew*   *thač^ʔə-ž^ʔə-va-ve-x*

тарелка-PL-ABS   желание-ADV   мыть-RE-RES-PST-PL

Букв. ‘Тарелки были охотно помыты.’

(22) кабардинский, кубанский диалект

*lave-xe-r   *g^wəf-əw-re*   *theŕ-a-t*

тарелка-PL-ABS   радоваться-ADV-CNV   мыть-RES-IPF

Ожидаемое значение: ‘Тарелки были помыты с радостью.’

7) Выражение одушевлённого агенса в инструментальном падеже допустимо в бжедугском и в абазинском, но запрещено в кубанском:

(23) адыгейский, бжедугский диалект

mə   *txəλ-er*   *txek^we = çerəʔ^we-m-ž^ʔe*   *txə-va-ve*

DEM   книга-ABS   писатель = знаменитый-OBL-INS   писать-RES-PST

‘Эта книга была написана знаменитым писателем.’

(24) абазинский

a-çarça-k^wá   *č^ʔk^wəp-k-la*   *j-ŕá-w-p*

DEF-ключ-PL   парень-INDF-INS   ЗPL.ABS-DIR-найти(RES)-NPST.DCL

‘Ключи (были) найдены каким-то парнем.’

(25) кабардинский, кубанский диалект

*d-jə-wəne-r   *d-j-ade-m-č^ʔe*   *ŕ-a-t*

1PL.IO-POSS-дом-ABS   1PL.IO-POSS-отец-OBL-INS   делать-RES-IPF

Ожидаемое значение: ‘Наш дом был построен нашим отцом.’

Важно отметить, что ни один из рассмотренных только что случаев не получил единодушного одобрения всех опрошенных мною носителей. Во всех изученных идиомах (особенно в абазинском) есть носители, отвергающие такие «расширенные» употребления результата и требующие использовать в подобных контекстах переходные динамические формы с «безличным» 3 л. мн. ч. агенса, ср. примеры (26)–(28) с целевыми и агентивно-ориентированными обстоятельствами.

(26) адыгейский, бжедугский диалект

mə   *t^hxəλ-er*   **(a-)t^hxə-va-ve*

DEM   книга-ABS   ЗPL.ERG-писать-PST-PST

ʔaqš^ʔe = b-ew   *q-a-ve.çe-n-ew*

деньги = многий-ADV   DIR-ЗPL.ERG-получить-POT-ADV

‘Эта книга была написана (букв. написали), чтобы получить много денег.’

(27) кабардинский, кубанский диалект

χ^wenawe-xe-r   *paɾə-m-jə*   *jə-tə-λav^w-əw*
ругательство-PL-ABS   НИКТО-OBL-ADD   3SG.ERG-NEG-видеть-ADV

doske-m   *tər-*(a)-tx-a*
доска-OBL   LOC-3PL.ERG-писать-PST

‘Ругательства были тайком (букв. чтобы никто не увидел) написаны (букв. написали) на доске.’

(28) абазинский

a-tzə   *r-blə-ɬ*   /   **blə-p*
DEF-дом   3PL.ERG-жечь(AOR)-DCL   /   *жечь(RES)-NPST.DCL

a-straxófka   *ʕa-rə-r-t-ra*   *á-qaz-la*
DEF-страховка   DIR-3PL.IO-3PL.ERG-дать-MSD   3SG.N.IO-ради-INS

‘Дом сожгли, чтобы получить страховку.’

Как бы то ни было, по крайней мере для бжедугского диалекта адыгейского и для абазинского можно утверждать, что результативные конструкции приобретают свойства пассива — вплоть до возможности выразить агенса с помощью именной группы в инструментальном падеже.

5. От результатива к пассиву (II): через инцептив

Помимо результативной конструкции, «пассивоподобные» употребления которой не всегда признаются носителями, абазинский язык обладает также производной от результатива инцептивной формой, использование которой в динамических и агентивных контекстах одобряется более единодушно. Инцептив образуется от результатива с помощью суффикса *-χa*, служащего для вербализации имён, ср. пример (29), и является динамической формой, но по-прежнему не имеет префикса агенса, ср. пример (30).

(29) абазинский (текстовый пример)

awát   *zəmɣ^wá*   *j-š'arda.əa-χá-ɬ*
DEM.PL   весь   3PL.ABS-слишком.много-INC-DCL

‘Их всех стало слишком много.’

(30) абазинский

а. *a-š*   *a-r-kə-b*
DEF-дверь   LOC-CAUS-закраться(RES)-NPST.DCL

‘Дверь закрыта.’

- b. *a-ŝ a-r-k-χá-d*
 DEF-дверь LOC-CAUS-закрыться(RES)-INC(AOR)-DCL
 ‘Дверь закрылась.’

Абазинские инцептивные формы не только естественным образом допускаются в контекстах, требующих динамического понимания ситуации, ср. примеры (31) и (32), но и способны выступать с агентивными выражениями, ср. примеры (33) и (34)². При этом заменить инцептивные формы на результативные в этих примерах соглашаются далеко не все опрошенные носители.

(31) абазинский

- a-həjsáp sahat = bžá-k-la*
 DEF-задача час = половина-ADNUM-INS
- j-č'pa-χá-d* / %*j-č'pá-b*
 3SG.N.ABS-делать(RES)-INC(AOR)-DCL / 3SG.N.ABS-делать(RES)-NPST.DCL
 ‘Задача была решена за полчаса.’

(32) абазинский

- a-sağám.ŝʔa lasá-ta*
 DEF-письмо быстрый-ADV
- j-ŋ^w-χa-d* / **j-ŋ^wə-b*
 3SG.N.ABS-писать(RES)-INC(AOR)-DCL / 3SG.N.ABS-писать(RES)-NPST.DCL
 ‘Письмо было быстро написано.’

(33) абазинский

- á-mača-k^wa a-sabáj-k^wa-la*
 DEF-тарелка-PL DEF-ребёнок-PL-INS
- j-žžá-χá-d* / %*j-žžá-b*
 3PL.ABS-мыть(RES)-INC(AOR)-DCL / 3PL.ABS-мыть(RES)-NPST.DCL
 ‘Тарелки были помыты детьми.’

(34) абазинский

- aráj a-tzə z-la-č'pa-χá-da?*
 DEM DEF-дом REL.IO-INS-делать(RES)-INC(AOR)-QH
 ‘Кем был построен этот дом?’

Абазинская инцептивная конструкция, как кажется, ближе подходит к прототипу акционального пассива, чем собственно результативная.

² В этом примере агенс выражен в составе предиката с помощью инструментального аппликатива.

6. Обсуждение и заключение

Два отмеченных в западнокавказских языках пути развития от объектного результата («статального пассива») к акциональному пассиву, а именно, расширение сочетаемости собственно результата и его «динамизация» с помощью инцептивного оператора, находят очевидные параллели в европейских языках, таких, как немецкий, славянские и балтийские, см. [Недялков 1983, 2017; Wiemer 2004, Wiemer, Giger 2005].

Так, в русском и литовском языках [Князев 1983; Генюшене, Недялков 1983] конструкции с пассивным причастием и бытийным вспомогательным глаголом систематически неоднозначны между собственно результатом, примеры (35а) и (36а), и акциональным пассивом, примеры (35b) и (36b).

(35) русский

а. Дверь **была открыта** долго. (результатив)

б. Дверь **была открыта** быстро. (пассив)

(36) литовский [Генюшене, Недялков 1983: 162]

а. *Dur-ys* ***buv-o už.rakin-t-os***,
дверь-NOM.PL быть-PST.3 запереть-PST.PP-NOM.PL.F

bet aš ne-žin-au,
но я.NOM NEG-знать.PRS-1SG

б. *kada j-os* ***buv-o už.rakin-t-os***.
когда 3-NOM.PL.F быть-PST.3 запереть-PST.PP-NOM.PL.F

‘(а) Дверь была заперта, но я не знаю, (б) когда её заперли.’

Напротив, в немецком, польском и латышском языках результатив и акциональный пассив формально различаются с помощью выбора бытийного и инцептивного вспомогательных глаголов, соответственно, ср. примеры (37)–(39).

(37) немецкий, [Nedjalkov 1988: 424]

а. Gestern noch **war** dort ein Schild **angebracht**. (результатив)
‘Вчера там ещё была прикреплена вывеска.’

б. Gestern noch **wurde** dort ein Schild **angebracht**. (пассив)
‘Ещё вчера там прикрепили вывеску.’

(38) польский³

- a. Okno **jest wybite**, ale nie wiem,
b. kiedy **zostało wybite**.

‘(a) Окно разбито, но я не знаю, (b) когда оно было разбито.’

(39) латышский [Arkadiev, Wiemer, forthcoming, пример (21)]

- a. *Durv-is*   *bij-a*   *aiz.slēg-t-as*,
дверь-NOM.PL   быть-PST.3   запретить-PST.PP-NOM.PL.F

bet   *es*   *ne-zin-u*,
но   я.NOM   NEG-знать.PRS-1SG

- b. *kā*   *t-as*   *tik-a*   *aiz.slēg-t-as*.
когда   DEM-NOM.PL.F   статья-PST.3   запретить-PST.PP-NOM.PL.F

‘(a) Дверь была закрыта, но я не знаю, (b) когда её закрыли.’

В контекстах, подобных примерам (36), (38) и (39), абазинский язык использует ту же стратегию, ср. пример (40):

(40) абазинский

- a. *a-š*   *ṭə-b*,
DEF-дверь   открыть(RES)-NPST.DCL

awása   *sará*   *j-g'-sá-z-dərə-m*
но   я   3SG.N.ABS-NEG.EMP-1SG.IO-POT-знать-NEG

- b. *j-an-ṭ-χá*
3SG.N.ABS-REL.TEMP-открыть(RES)-INC(AOR)

‘(a) Дверь открыта, но я не знаю, (b) когда она была открыта.’

К сожалению, примеров, аналогичных (40), из адыгских языков в моей базе данных нет. Из общих соображений, однако, стоило бы ожидать запрета на использование форм результата в клаузах типа (40b).

Также следует отметить, что по крайней мере в немецком языке результирующая конструкция с бытийным глаголом может сочетаться с различными обстоятельствами, отсылающими к динамическим компонентам ситуации, в том числе и с выражениями агенса, см. [Недялков 1983: 194–196; Недялков 2017: 157–170, 177–236; Gehrke 2012]. Тем не менее, пока остаётся неочевидным, насколько ограничения на такую сочетаемость,

³ Пример любезно предоставлен А. Жаком.

предложенные для немецкого языка в работе [Gehrke 2012], релевантны и для западнокавказских языков. Выяснение этого может стать темой дальнейших исследований.

Развитие западнокавказских результативных конструкций в сторону пассива, возможно, происходит не без влияния со стороны русского языка, с которым обсуждаемые языки находятся в интенсивном контакте. Оценить роль данного влияния, однако, пока затруднительно, особенно в свете сказанного выше об отсутствии простых способов извлекать результативные формы из корпусов текстов. В любом случае, рассмотренный здесь западнокавказский материал интересен тем, что фиксирует начальный этап перехода от результата к пассиву и демонстрирует параметры вариативности в этой области, находящие параллели в ряде лучше изученных языков.

Условные обозначения и сокращения

1 — 1 лицо; 2 — 2 лицо; 3 — 3 лицо; ABS — абсолютив; ADD — аддитивность; ADNUM — аднумератив; ADV — адвербиализатор; AOR — аорист; CAUS — каузатив; CNV — деепричастие; COORD — сочинение; DAT — дативный аппликатив; DCL — декларатив; DEF — определенность; DEM — указательное местоимение; DIR — директивный преверб; DYN — динамичность; EMP — эмфаза; ERG — эргатив; F — женский род; FCT — фактивность; FUT — будущее время; H — личный класс; HBL — хабилитив; INC — инцептив; INDF — неопределённость; INS — инструменталис; IO — не прямой объект; IPF — имперфект; LOC — локативный преверб; MSD — масдар; N — неличный класс; NEG — отрицание; NOM — номинатив; NPST — непрошедшее время; OBL — косвенный падеж; PL — множественное число; POSS — посессивность; POT — потенциалис; PP — пассивное причастие; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PURP — целевой конверб; Q — вопросительность; RE — рефактив; REL — релятивизация; RES — результатив; SG — единственное число; TEMP — темпоральное подчинение.

Литература

- Аркадьев, Герасимов 2014 — Аркадьев П.М., Герасимов Д.В. О некоторых нетривиальных употреблениях формы прошедшего времени в адыгских языках // Одиннадцатая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Санкт-Петербург, 27–29 ноября 2014 г. Тезисы докладов. Кузнецова О.В. (отв. ред.). СПб.: Нестор-История, 2014. С. 10–14. [Arkad'ev P.M., Gerasimov D.V. On some non-trivial uses of the past form in Adyghean languages. Kuznetsova O.V. (ed.). Odinnadtsataya konferentsiya po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovatelei. Sankt-Peterburg, 27–29 noyabrya 2014. Tezisy dokladov. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2014. P. 10–14.]
- Генюшене, Недеялков 1983 — Генюшене Э.Ш., Недеялков В.П. Результатив, пассив и перфект в литовском языке // Типология результативных конструкций. Недеялков В.П. (ред.). Л.: Наука. С. 160–166. [Genyushene E.Sh., Nedyalkov V.P. Resultative, passive and perfect in Lithuanian. Nedyalkov V.P. (ed.). Tipologiya rezul'tativnykh konstruksii. Leningrad: Nauka. P. 160–166.]

- Климов, Алексеев 1980 — Климов Г.А., Алексеев М.Е. Типология кавказских языков. М.: Наука. [Klimov G.A., Alekseev M.E. Tipologiya kavkazskikh yazykov [Typology of the languages of the Caucasus]. Moscow: Nauka.]
- Клягина 2018 — Клягина Е.С. Система прошедших времён в абхазо-адыгских языках. Дипломная работа, Институт лингвистики РГГУ, 2018. [Klyagina E.S. Sistema proshedshikh vremen v abkhazo-adygskikh yazykakh [Past tenses system in Abkhaz-Adyghe languages]. Bachelor's thesis, Institut lingvistiki RGGU, 2018.]
- Князев 1983 — Князев Ю.П. Результатив, пассив и перфект в русском языке // Типология результативных конструкций. Небялков В.П. (ред.). Л.: Наука. С. 149–160. [Knyazev Yu.P. Resultative, passive and perfect in Russian. Nedyalkov V.P. (ed.). Tipologiya rezultativnykh konstruktsii. Leningrad: Nauka. P. 149–160.]
- Кумахов, Вамлинг 2006 — Кумахов М.А., Вамлинг К. Эргативность в черкесских языках. Malmö: IMER, 2006. [Kumakhov M.A., Vamling K. Ergativnost' v cherkesskikh yazykakh [Ergativity in Circassian languages]. Malmö: IMER, 2006.]
- Небялков 1983 — Небялков В.П. Результатив, пассив и перфект в немецком языке. Типология результативных конструкций. Небялков В.П. (ред.). Л.: Наука. С. 184–197. [Nedyalkov V.P. Resultative, passive and perfect in German. Nedyalkov V.P. (ed.). Tipologiya rezultativnykh konstruktsii. Leningrad: Nauka. P. 184–197.]
- Небялков 2017 — Небялков В.П. Результативные конструкции в немецком языке и типология результатов. Избранные работы. СПб.: Нестор-История, 2017. [Nedyalkov V.P. Rezultativnyye konstruktsii v nemetskom yazyke i tipologiya rezultativov. Izbrannyye raboty [Resultative constructions in German and typology of resultatives. Selected papers]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2017.]
- Небялков, Яхонтов 1983 — Небялков В.П., Яхонтов С.Е. Типология результативных конструкций // Типология результативных конструкций. Небялков В.П. (ред.). Л.: Наука. С. 5–40. [Nedyalkov V.P., Yakhontov S.E. Typology of resultative constructions. Nedyalkov V.P. (ed.). Tipologiya rezultativnykh konstruktsii. Leningrad: Nauka. P. 5–40.]
- Рыжова и др. 2016 — Рыжова Д.А., Кюсева М.В., Аркадьев П.М. Грамматическая полисемия сквозь призму лексики: инструменталис в бесленеевском диалекте кабардино-черкесского языка // Acta Linguistica Petropolitana, Том 12, ч. 1. Исследования по типологии и грамматике. СПб: Наука, 2016. С. 665–678. [Ryzhova D.A., Kyuseva M.V., Arkadiev P.M. Grammatical polysemy through the prism of the lexicon: the instrumental case in the Besleney dialect of Kabardian. Acta Linguistica Petropolitana, Vol. 12, Iss. 1. Issledovaniya po tipologii i grammatike. Saint Petersburg: Nauka, 2016. P. 665–678.]
- Сердобольская, Кузнецова 2009 — Сердобольская Н.В., Кузнецова Ю.Л. Двойное падежное маркирование: уникальный случай адыгейского языка // Тестелец Я.Г. (отв. ред.). Аспекты полисинтетизма: Очерки по грамматике адыгейского языка. М.: РГГУ. С. 166–200. [Serdobol'skaya N.V., Kuznetsova Yu.L. Double case-marking: A unique example of Adyghe. Testeleets Ya.G. (ed.). Aspekty polisintetizma: Ocherki po grammatike adygeiskogo yazyka. Moscow: Russian State University for the Humanities. P. 166–200.]
- Arkadiev, Lander, forthcoming — Arkadiev P.M., Lander Yu.A. The Northwest Caucasian languages. Polinsky M. (ed.). The Oxford Handbook of the Languages of the Caucasus. Oxford: Oxford University Press, to appear.
- Arkadiev, Wiemer, forthcoming — Arkadiev P.M., Wiemer B. Perfects in Baltic and Slavic. Crellin R., Jügel Th. (eds.). Perfects in Indo-European languages. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, to appear.

- Gehrke 2012 — Gehrke B. Passive states. Demonte V., McNally L. (eds.). *Telicity, change, and state: A cross-categorial view of event structure*. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 185–211.
- Haspelmath 1990 — Haspelmath M. The grammaticization of passive morphology. *Studies in Language*. 1990. Vol. 14. No. 1. P. 25–72.
- Haspelmath 1994 — Haspelmath M. Passive participles across languages. Fox B., Hopper P. (eds.). *Voice: Form and function*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1994. P. 151–177.
- Hewitt 2005 — Hewitt B.G. North West Caucasian. *Lingua*. 2005. Vol. 119. P. 91–145.
- Korotkova, Lander 2010 — Korotkova N.A., Lander Yu.A. Deriving suffix ordering in polysynthesis: Evidence from Adyghe. *Morphology*. 2010. Vol. 20. P. 299–319.
- Lander 2017 — Lander Yu.A. Nominal complex in West Circassian: between morphology and syntax. *Studies in Language*. 2017. Vol. 41. No. 1. P. 76–98.
- Lander, Letuchiy 2017 — Lander Yu.A., Letuchiy A.B. Decreasing valency-changing operations in a valency-increasing language? Alvarez A., Navarro I. (eds.). *Verb valency change: Theoretical and typological perspectives*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2017, P. 286–304.
- Lander, Testeleets 2017 — Lander Yu.A., Testeleets Ya.G. Adyghe. Fortescue M., Mithun M., Evans N. (eds.). *The Oxford Handbook of polysynthesis*. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 948–970.
- Nedjalkov 1988 — Nedjalkov V.P. Resultative, passive, and perfect in German. Nedjalkov V.P. (ed.). *Typology of resultative constructions*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1988. P. 411–432.
- O’Herin 2002 — O’Herin B. Case and agreement in Abaza. Arlington: SIL International & University of Texas Press, 2002.
- Siewierska 2013 — Siewierska A. Passive constructions. Dryer M., Haspelmath M. (eds.). *The world atlas of language structures online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. (<http://wals.info/chapter/107>)
- Smeets 1992 — Smeets R. On valencies, actants and actant coding in Circassian. Hewitt B.G. (ed.). *Caucasian perspectives*. München, Newcastle: LINCUM Europa, 1992. P. 98–144.
- Wiemer 2004 — Wiemer B. The evolution of passives as grammatical constructions in Northern Slavic and Baltic languages. Bisang W., Himmelmann N.P., Wiemer B. (eds.). *What Makes Grammaticalization? A Look for its Fringes and its Components*. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2004. P. 271–331.
- Wiemer, Giger 2005 — Wiemer B., Giger M. Resultativa in den nordslavischen und baltischen Sprachen. Bestandaufnahme unter arealen und grammatikalisierungstheoretischen Gesichtspunkten. München, Newcastle: LINCUM Europa, 2005.

Статья поступила в редакцию 17.11.2018

The article was received on 17.11.2018

Пётр Михайлович Аркадьев

кандидат филологических наук; старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН; доцент, Российский государственный гуманитарный университет

Peter M. Arkadiev

Ph.D.; senior researcher, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences; assistant professor, Russian State University for the Humanities

alpgurev@gmail.com

МОРФОСИНТАКСИС ПАДЕЖА И СТРУКТУРА ИМЕННОЙ ПАРАДИГМЫ*

О. И. Беляев

МГУ имени М. В. Ломоносова,

Институт языкознания РАН,

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

В статье рассматривается проблема определения падежа как морфологической категории. С одной стороны, традиционное представление о падеже как аффиксальном показателе именной зависимости сталкивается с той проблемой, что единообразно определить понятия *слово* или *аффикс* в типологической перспективе невозможно. С другой стороны, даже если принять традиционное представление о падеже, морфосинтаксическое поведение показателей данной категории весьма неоднородно: достаточно указать на явление т.н. групповой флексии. В статье предпринимается попытка предложить альтернативное определение падежа, основанное на структуре парадигмы. На типологической выборке из 107 языков показано, что падежный статус в этом понимании надёжно коррелирует с отсутствием групповой флексии; кроме того, падежное согласование внутри именной группы встречается только в системах с морфологическим падежом.

Ключевые слова: типология, морфология, падеж, сочинение, согласование.

---

* Статья написана по материалам докладов на Шестой конференции-школе «Проблемы языка: взгляд молодых учёных» (Институт языкознания РАН, 13 марта 2018 г.) и на конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2018» (Институт языкознания РАН и ГИРЯ имени А. С. Пушкина, 22 октября 2018 г.). Я благодарен участникам этих конференций, в особенности П. М. Аркадьеву, Ю. А. Ландеру, Е. А. Лютиковой, И. Сержанту, Н. М. Стойновой за ценные замечания. Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 18-18-00462.

MORPHOSYNTAX OF CASE AND THE STRUCTURE OF THE NOMINAL PARADIGM*

Oleg Belyaev

Lomonosov Moscow State University,

Institute of Linguistics RAS,

Pushkin State Institute for the Russian Language

In the article I discuss the definition of case as a morphological category. On the one hand, the traditional notion of case as an affixal marker of nominal dependency is problematic due to the cross-linguistic vagueness of such notions as *word* or *affix*. On the other hand, even if the traditional definition is assumed to be correct, the morphosyntactic behaviour of case markers is quite heterogeneous: some case affixes are bound at word level, some can scope over phrases in patterns like suspended affixation. This article is an attempt at an alternative definition of case based on paradigm structure. On a sample of 107 languages I show that case status in my understanding robustly correlates with lack of suspended affixation. Furthermore, NP-internal case concord is only found in systems with morphological case.

Keywords: typology, morphology, case, coordination, agreement

---

* The study has been supported by Russian Scientific Foundation (RSF), project #18-18-00462.

1. Введение

В морфологической типологии ключевым признаком категории падежа принято считать его аффиксальное выражение на именной вершине: ср. определения в (1) и (2).

- (1) “Case is a system of marking dependent nouns for the type of relationship they bear to their heads.” [Blake 2004: 2]
- (2) «... падежные граммы ... оформляют управляемое существительное и являются показателями его синтаксически зависимого статуса ...» [Плунгян 2011: 156]

Эти два определения немногим отличаются друг от друга, и в соответствии с ними основным признаком падежа, отличающим его от других показателей именной зависимости (таких, как предлоги и послелоги), является именно его статус как категории *существительной*, то есть именной словоформы, а не именной группы.

В действительности, однако, довольно часто элементы, которые следовало бы считать падежами по их морфологическим свойствам (отделимость, переместимость, наличие нерегулярных форм и т.д.), всё же демонстрируют свойства, характерные для маркирования не словоформ, а целых именных групп. Наиболее ярким свойством такого рода является т. н. групповая флексия, ср. (3), где падежный аффикс используется только на крайне правом конъюнкте в сочинительной конструкции.

- (3) турецкий (тюркские > алтайские)
 [Almanya ve Amerika]-dan
 Германия и Америка-ABL
 ‘из Германии и (из) Америки’

Аналогичные проблемы возникают также с согласуемым падежом на прилагательных и других зависимых существительного, так что некоторые авторы даже постулируют для такого падежа отдельную грамматическую категорию [Мельчук 1998] или с так называемым двойным падежом (Suffixaufnahme), при котором внешний падеж на существительном маркирует зависимый статус не самого этого существительного, а именной группы, в которую оно входит [Plank 1995].

Поэтому на практике практически во всех грамматических описаниях в качестве основного критерия классификации показателя как падежного или послеложного является его линейно-синтагматический статус как аффикса или клитики в соответствии с такими критериями, как, например, в известной работе [Zwicky, Pullum 1983].

Таким образом, получается, что падеж отличается от послелога только своим аффиксальным статусом. Такое положение дел несколько странно: падеж оказывается единственной грамматической категорией, в чьё определение явно или неявно входит морфосинтаксический статус. Такие категории, как, например, время, согласование и число, определяются независимо от способа их выражения. Кроме того, с типологической точки зрения само понятие *слово* и связанные с ним понятия проблематичны [Haspelmath 2011]. Существует немало «падежных» систем, которые проблематичны для описания даже в рамках традиционных представлений о слове: уже упоминавшаяся выше групповая флексия; различная реализация падежных значений в зависимости от статуса лексемы (например, выражение падежа как основы у местоимений в венгерском: *ember-nek* ‘человеку’ vs. *nek-em* ‘мне’ [Spencer 2008]); двухуровневые падежные системы [Беляев 2014; Курицына 2017; Carling 2012]; конкуренция синтетических и аналитических форм в рамках одной парадигмы, как, например, в тундровом ненецком [Salminen 1997].

Все эти явления ставят под вопрос типологическую осмысленность категории падежа. В том числе и поэтому М. Гапсельмат предложил отказаться от использования неоднозначного термина *падеж* в пользу сравнительной категории *флаг*, обозначающей любой показатель зависимостного маркирования актантов [Haspelmath 2009]. Однако, на мой взгляд, было бы неправильно полностью отказываться от традиционного представления о падеже только в силу его неопределённости. Теоретические исследования по морфологии показали, что словоизменительные парадигмы в языках мира могут быть устроены весьма интересным образом, и именно в рамках парадигмы проявляются наиболее важные морфологические свойства категорий. В таких работах, как [Аркадьев 2006; Arkadiev 2009] показано, что падежные системы с небольшим числом показателей могут быть устроены интереснее, чем более «богатые», но и более регулярные парадигмы.

В связи с этим достаточно естественной кажется идея об ином подходе как к категории падежа, так и к морфологической типологии в целом.

От традиционных критериев противопоставления аффиксов, клитик и словоформ следует отказаться как от слишком ненадёжных в типологической перспективе. Вместо этого определять морфологические категории следует исходя из структуры парадигмы. В самом общем виде основной принцип такого подхода можно сформулировать следующим образом: морфологический статус имеют лишь категории, выражение которых не может однозначно быть идентифицировано в виде конкретной фонологической формы.

Похожие взгляды на падеж высказывались рядом исследователей, прежде всего Р. Бэрдом [Beard 1995] и продолжателями его идей Э. Спенсером и Р. Отогуро [Spencer 2009; Spencer, Otaguro 2005]. В настоящей работе, отталкиваясь от идей этих исследователей, я предприму попытку типологизировать «парадигматический» взгляд на морфологию и на примере категории падежа проверить, наблюдаются ли какие-либо значимые корреляции между падежным статусом показателя и его морфосинтаксическим поведением.

2. К определению морфологической падежной системы

Основная идея подхода Р. Бэрда, Э. Спенсера и Р. Отогуро состоит в том, что *морфологическим падежом* (m-case) они предлагают считать только такую систему зависимостного маркирования, которая требует апелляции к признаку падежа независимо от конкретных морфологических реализаций. В формулировке Р. Отогуро: “Beard’s claim is to prohibit the grammar from postulating case features unless it is generalised over distinct forms as a part of inflectional properties.” [Otaguro 2006: 5]

Данный принцип можно проиллюстрировать на следующих примерах. Допустим, что основной функцией морфологии является установление соответствия между некоторым множеством форм (планом выражения) и некоторым множеством функций (планом содержания: семантическими ролями, синтаксическими отношениями и т.д.). Тогда фрагмент такого соответствия для русского языка будет выглядеть так, как показано на рисунке 1.

Из рисунка 1 очевидно, что при описании русского языка необходим именно морфологический признак падежа, так как установить прямое соответствие между какой-то конкретной фонологической формой аффикса и его функцией не представляется возможным. Так, показатель *-а* может обозначать как именительный падеж, так и родительный в зависимости от сочетания словоизменительного класса лексемы и категории числа словоформы. Падежные признаки в русском языке необходимы как классы эквивалентности между функциями и показателями.

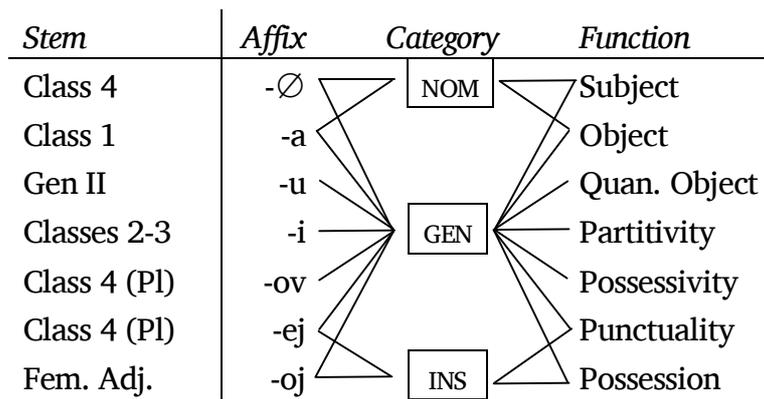

Рисунок 1.

Соответствие между падежными аффиксами и их функциями в русском языке [Otoguro 2006]

Совершенно иную картину можно видеть на рис. 2 для башкирского языка.

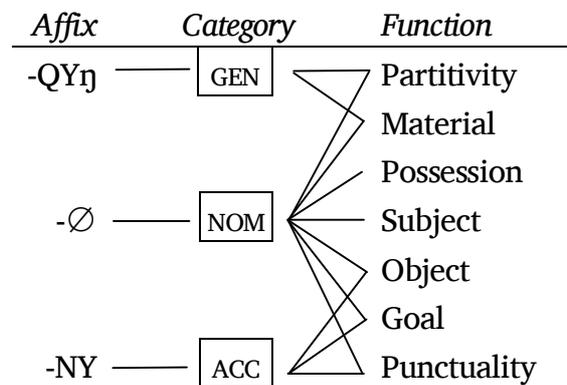

Рисунок 2. Соответствие между падежными аффиксами и их функциями в башкирском языке [Otoguro 2006]

Здесь каждому аффиксу соответствует ровно одна функция или круг функций. Таким образом, признак падежа избыточен — можно напрямую построить соответствие между показателями и их кругом употреблений (рис. 3).

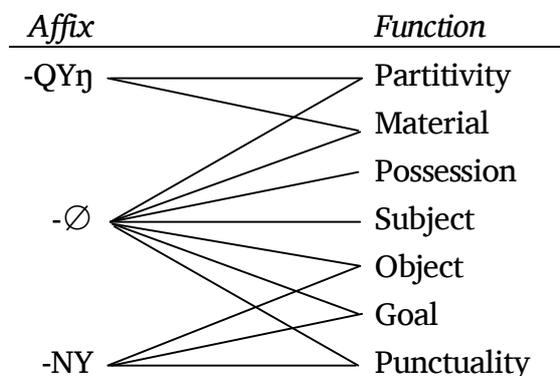

Рисунок 3. Соответствие для башкирского языка без падежных граммем [Otoguro 2006]

Следовательно, подобные падежные показатели по своей роли в грамматике ничем принципиально не отличаются от предлогов или послелогов, за исключением своего аффиксального статуса. По мысли Бэрда, Спенсера и Отогуро, системы, подобные башкирской, нельзя называть морфологическими падежными системами. Последний ярлык должен быть за системами, демонстрирующими сложное взаимоотношение между формой и функцией, как во флективных индоевропейских языках.

3. Типология

Приведённая в предыдущем разделе аргументация носит исключительно теоретический характер. Она исходит из того, что рассматриваемые категории являются заведомо морфологическими; далее проводится более подробная классификация, и только часть из них признаётся «настоящими» падежными категориями.

Напрямую к типологии применить такой подход сложно, потому что, как указывалось выше, при рассмотрении сколько-нибудь большой выборки невозможно провести стабильную границу между морфологией и синтаксисом на основании традиционных критериев. Даже если бы это было возможно, категория «аффиксы» всё равно оказывается весьма неоднородной по своим свойствам. Поэтому основывать на столь зыбком фундаменте следующий уровень классификации не представляется возможным.

В настоящей статье я предлагаю вместо этого перевернуть аргументацию Э. Спенсера и Р. Отогуро «с ног на голову» и, напротив, взять критерий Бирда как отправную точку для определения морфологического статуса элемента. Для этого сначала нужно сформулировать этот критерий так, чтобы он был однозначно применим к любому языку в типологической выборке; иначе говоря, определить его как *сравнительную категорию* (comparative concept) по М. Гаспельмату [Haspelmath 2010]. После этого можно проверить, обнаруживает ли морфологический статус падежной системы корреляцию с какими-либо другими морфосинтаксическими явлениями. Если подобные корреляции обнаружатся, то сравнительную категорию можно признать имеющей как теоретическую, так и типологическую ценность.

В качестве подобных коррелирующих признаков я предлагаю взять морфосинтаксические явления, в наибольшей степени характерные, с одной стороны, для падежей, с другой стороны, для предлогов и послелогов. В-первых, я предполагаю, что статус категории как морфологического падежа

(т.е. её соответствие критерию Бэрда) исключает возможность групповой флексии; иными словами, имеет место имплицативная универсалия в (4): «если показатели категории могут оформлять группы, то данная категория не удовлетворяет критерию Бэрда».

(4) GROUP $\rightarrow$ $\neg$ BEARD

Во-вторых, я предполагаю, что согласование по падежу в рамках именной группы, напротив, возможно только в системах, удовлетворяющих критерию Бэрда. Здесь я исхожу из предположения, что только морфологический признак словоформы может переноситься на другие элементы ИГ; если же он является просто некоторым морфологическим показателем, то копирование морфем (во всяком случае, обязательное) предполагается невозможным. Предполагается универсалия в (5): «если зависимые имени согласуются с ним по падежу, то данная падежная система удовлетворяет критерию Бэрда».

(5) CONCORD $\rightarrow$ BEARD

3.1. Операционные определения

Непосредственное применение критерия Бэрда к типологической выборке требовало бы подробного морфологического анализа каждой падежной системы. Очевидно, что при сколько-нибудь широкомасштабном исследовании это невозможно, поэтому я буду исходить из более простого набора критериев, которые можно проверить на основании данных, обычно приводящихся в грамматиках. Я буду считать, что падежная система удовлетворяет критерию Бэрда, если она демонстрирует хотя бы одно из трёх следующих качеств: синкретизм, кумуляцию или лексическую вариативность падежных показателей. В следующих разделах я дам более конкретные определения этих понятий. Кроме того, будут даны определения и для понятий Group и Concord.

Прежде, чем перейти к обсуждению частных определений, сформулирую два общих принципа настоящего исследования. Во-первых, поскольку противопоставление аффиксов и клитик не имеет типологической значимости, в рассмотрение принимается любая система зависимостного маркирования именных групп элементарными показателями («флагами») первого уровня (т.е. способными присоединяться к элементам, не содержащим иных показателей именной зависимости). Так, в русском языке

в выборку попадут падежные показатели типа *-ом* в (6), а в японском — показатели типа *no*, и *ni* в (7), хотя они и не являются аффиксами [Алпатов и др. 2008]. Следует обратить внимание, что в обоих примерах имеются и другие показатели именной зависимости — предлоги в русском языке и реляционные имена типа *ue* ‘верх’ в японском. Они в выборку не попадают, т.к. присоединяются поверх показателей другой серии¹.

(6) русский (славянские > индоевропейские)

[_{PP}над [_{NP}дом-ом]]

(7) японский (японские > алтайские)

[[[[*ie*_{NP}] *no*_{KP}] *ue*_{NP}] *ni*_{KP}]

дом GEN над DAT

‘над домом’

Во-вторых, я ограничиваю рассмотрение только морфологически самостоятельными показателями [Зализняк 1967]. Это необходимо, чтобы исключить спорные случаи, такие, как статус аккузатива в языках с дифференцированным маркированием прямого объекта.

В-третьих, рассматриваются только падежные системы существительных. Это связано с тем, что статус падежных форм местоимений иногда до конца не ясен (например, родительный падеж может рассматриваться как особая притяжательная серия). Кроме того, вопрос о том, может ли набор падежей у местоимений и существительных отличаться, пока до конца не решён. Если допустить, что существительные в языках, где местоимения имеют большее число падежных форм, всегда обладают омонимией двух и более падежей, то придётся признать синкретичными весьма большое число падежных парадигм.

3.1.1. Синкретизм

В определении синкретизма я в целом следую определению из работы [Baerman, Brown, Corbett 2005], см. (8).

(8) **Синкретизм:** Если в именной падежной парадигме две и более ячейки совпадают, парадигма является синкретичной.

¹ Логически возможны системы, в которых показатели второго уровня обладают большей морфологической сложностью, чем показатели первого уровня. В реальности подобные системы мне неизвестны; во всех известных случаях элементы второго и третьего уровней, каков бы ни был их линейно-синтагматический статус, отличаются простейшей агглютинативной структурой парадигмы.

Наличия хотя бы одной синкретичной парадигмы достаточно для признания системы падежной. Однако моё понимание синкретизма при этом и шире, и уже, чем у М. Бэрмана и его соавторов. С одной стороны, указанные исследователи рассматривают только заведомо морфологические парадигмы, тогда как я включаю в выборку любые «флаги» первого уровня. С другой стороны, поскольку я не рассматриваю местоимения и морфологически несамостоятельные падежи, число синкретичных парадигм в моей выборке значительно ниже.

3.1.2. Кумуляция

Кумуляция понимается так же, как в [Bickel, Nichols 2013]:

- (9) **Кумуляция:** Если некоторая морфема кодирует более одного грамматического значения или грамматическое значение совместно с лексическим, то эта морфема является кумулятивной.

В отличие от [Baerman, Brown, Corbett 2005], Б. Бикель и Дж. Николс прямо отмечают, что кумуляция независима от формального статуса показателя (автономная словоформа, аффикс, клитика). Поэтому данные о кумуляции в моём исследовании и в исследовании Бикеля и Николс в значительной степени совпадают. К сожалению, данные грамматик не всегда позволяют отличить морфонологически мотивированную вторичную кумуляцию от подлинной кумуляции; к кумуляции я отношу любые случаи, когда падеж выражается совместно с другими категориями и при этом исходный падежный формант более не выделяется на сегментном уровне.

3.1.3. Словоизменительные типы

Под наличием словоизменительных типов понимается лексическая вариативность падежных показателей, не объясняемая фонологически на синхронном уровне. Однако я исключаю следующие два случая. Во-первых, не учитываются системы, в которых периферийных семантических падежей (например, локативные падежи) лексически вариативны при инвариантности грамматических. Такое решение принято для того, чтобы исключить маргинальные отличия в маркировании разных типов сирконстантов, например, локативных именных групп. В противном случае языком со словоизменительными классами следовало бы признать, например, французский, в котором дистрибуция локативных показателей (*a, dans, en*) с топо-

ними не всегда предсказуема фонологически. Во-вторых, как и в случае кумуляции, исключается незначительная вариативность в форме показателя при сохранении идентичности.

3.1.4. Групповое оформление

В языках с последовательно правым или левым ветвлением часто невозможно надёжно определить, присоединяется ли предлог, послелог или падеж ко всей группе или к вершине. Поэтому лучшим критерием групповой флексии является оформление сочинённых групп одним падежным показателем, как, например, в (10).

(10) нивхский (изолят)

mañdu + əs   [sək p'-umgu-gu   p'-ōla-gu]-*kir*
 китаец + хозяин   все REFL-женщина-PL   REFL-ребёнок-PL-INS

lumr + uski-γət-ɕ
 сабля + платить-DISTR/INTS/COMPL-IND

‘Хозяин китайцев **со** всеми его жёнами и детьми заплатил за сабли.’
 [Nedjalkov, Otaina 2013: 56]

Однако данные о падежном или предложном/послеложном маркировании при сочинении содержатся не во всех грамматиках. В отсутствие данных о сочинении свидетельством группового маркирования признаётся перенос падежа с вершины на зависимое именной группы, как правило, на крайний элемент (11). Сюда же я отношу случаи, в которых показатель может присоединяться вместо вершины к другим составляющим именной группы в зависимости от различных факторов, как, например, в языке куниянты (12).

(11) санума (яномамские)

[*kamakali te wasu*]   -*nö*   *ipa ulu a noma -so -ma*
 лихорадка 3:SG смертельный -INST   мой сын 3:SG умереть -FOC -CMPL
 ‘Мой сын умер **от** смертельной лихорадки.’ [Borgman 1990: 123]

(12) куниянты (пунупские)

a. *marla doomo -ngga*
 рука сжатый -ERG
 ‘кулаком’

b. *ngooddoo -ngga garndiwiddi yoowooloo*
 тот -ERG два мужчина
 ‘**теми** двумя мужчинами’ [McGregor 1990: 277]

3.1.5. *Согласование по падежу*

Поскольку сложно отличить различные случаи «копирования» падежа от употребления двух самостоятельных именных групп, я рассматриваю только *обязательное* согласование по падежу в рамках *одной, неразрывной* именной группы.

В отличие от группового оформления, согласование по падежу — явление сравнительно редкое. Основные ареалы — Евразия (индоевропейские, нахско-дагестанские, картвельские) и Австралия. Но встречается и в других ареалах, ср. южный сьерра-мивокский язык Северной Америки (13).

(13) южный сьерра-мивокский (утийские)

pa-kal-te-m   *ʔansi-nʈi-j*   [*oʈi-ko-j*   *pe-so-j*]
 платить-V-1SG   сын-мой-ОВЈ   два-ОВЈ   доллар-ОВЈ

‘Я плачу моему сыну **два доллара.**’ [Callaghan 1987: 22]

3.2. **Выборка**

Выборка исследования основана на пересечении выборки по падежному синкретизму [Baerman, Brown, Corbett 2005] (и соответствующего параметра WALS [Baerman, Brown 2013]) и выборки признака WALS “Exponence of Selected Inflectional Formatives” [Bickel, Nichols 2013]. Исключены языки, по которым недостаточно надёжных данных или нет доступа к источнику; в ряде случаев вместо них добавлены близкородственные. Добавлено несколько надёжно засвидетельствованных и хорошо описанных языков. Всего выборка включает 107 языков с достаточно высоким уровнем ареального и генетического разнообразия. Географическое распределение языков в выборке представлено на рис. 4.

На рис. 4 оранжевыми точками обозначены языки, имеющие морфологический падеж, синими, — не имеющие такой категории. Как видно из карты, морфологические падежные системы имеют ярко выраженную ареальную дистрибуцию: они распространены в Северной Евразии, на Кавказе, в Индии и в Австралии. Встречаются такие системы, однако, и в других ареалах, поэтому влияние ареального фактора на результаты исследования не стоит преувеличивать.

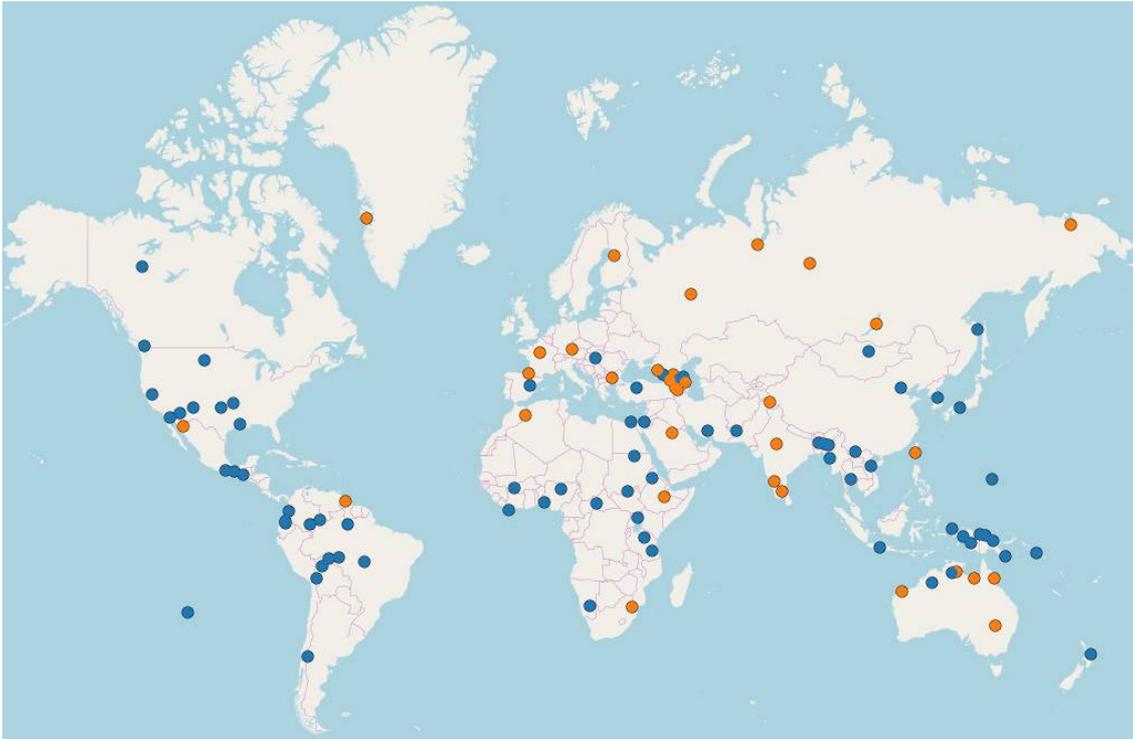

Рисунок 4.
Географическое распределение языков в выборке

3.3. Результаты

3.3.1. Универсалия 1

Универсалия 1 гласит: «Падежные показатели, оформляющие группы, не могут быть морфологическими (m-падежами).» Это означает две эквивалентные импликации: $GROUP \rightarrow \neg BEARD$ и $BEARD \rightarrow \neg GROUP$. Распределение языков по этим признакам изображено в таблице 1.

Таблица 1. Проверка универсалии 1 (первая версия)

	$\neg BEARD$	BEARD	
GROUP	56	86%	9 14%
	76%		27%
$\neg GROUP$	18	43%	24 57%
	24%		73%

Как видно из таблицы, универсалия в целом подтверждается, но для обобщения, касающегося универсальных свойств морфологических парадигм, она имеет слишком много исключений: оромо (кушитские), баск-

ский (изолят), французский (романские), каннада (дравидийские), буршаски (изолят), адыгейский (абхазо-адыгские), крызский (лезгинские), восточноармянский (армянские), осетинский (иранские). В разделе 4.2.1 я вернусь к данной проблеме.

3.3.2. Универсалия 2

Универсалия 2 гласит: «Если по падежу вершины обязательно согласуются другие элементы именной группы, то данная падежная категория является морфологической (m-падежом).» Это соответствует двум эквивалентным импликациям: $\text{CONCORD} \rightarrow \text{BEARD}$ и $\neg \text{BEARD} \rightarrow \neg \text{CONCORD}$. Распределение языков по этим признакам изображено в таблице 2.

Таблица 2. Проверка универсалии 2 (первая версия)

	BEARD		$\neg$ BEARD	
CONCORD	18	86%	3	14%
		55%		4%
$\neg$ CONCORD	15	17%	71	83%
		45%		96%

Универсалия также имеет большое число исключений (их абсолютное число меньше из-за вообще небольшого числа языков с согласованием внутри ИГ): ватаман (кунвинькусские), южный сьерра-мивокский (утийские), гунзибский (цезские).

4. Уточнение результатов

4.1. Двухуровневые падежные системы

На первый взгляд, большое число исключений говорит о том, что Универсалии 1 и 2 нельзя признать достаточно надёжными. Однако в большинстве случаев исключения из Универсалии 1 объясняются тем, что мы в действительности имеем с двумя разными типами падежных категорий, сосуществующими в одной парадигме. В таких системах нашему критерию неизменно удовлетворяют только более морфологизированные категории уровня слова, неспособные к групповому маркированию и иногда вызывающие согласование на зависимых элементах. Напротив, показатели группового уровня всегда морфологически прозрачны и с согласованием не связаны.

Одним достаточно ясным примером подобного рода является язык оромо (кушитские). В этом языке падежи делятся на два класса: падежи уровня слова (word level case) и уровня группы (phrase final case) [Owens 1984: 8 et passim]. Первые контролируют согласование внутри именной группы (14) и всегда оформляют вершину, вне зависимости от позиции других зависимых (15). Вторые оформляют только крайне правый элемент составляющей (16). При этом только первый класс показателей удовлетворяет критерию Бэрда: у некоторых имён нет отдельной формы (маркированного) номинатива, некоторые маркируют номинатив изменением тона без сегментного показателя. Второй класс всегда морфологически прозрачен.

(14) word case: согласование

[*Jáars-i*   *duréess-i*]   *dhúfe*
 мужчина-SUBJ   богатый-SUBJ   пришёл
 ‘Пришёл богатый мужчина.’ [Ali, Zaborski 1990: 5]

(15) word case: маркирование вершины

[*Mán-ni*   *Íbsaa*]   *gúddaa*
 дом-SUBJ   Ибсаа   большой
 ‘Дом Ибсаа большой.’ [Ali, Zaborski 1990: 4]

(16) phrase final case: маркирование составляющей

Isaan   [*ija*   *hamaa-n*]   *nu*   *laalani*
 они   глаз   плохой-INS   мы   смотрят
 ‘Они смотрят на нас [злыми глазами].’ [Ali, Zaborski 1990: 57]

Несколько сложнее системы, где одни показатели присоединяются поверх других показателей. Наглядным примером такой системы является крызский язык (лезгинские > нахско-дагестанские). В таблице 3 представлен фрагмент словоизменительных парадигм для двух лексем: ‘деревня’ и ‘дом’ [Authier 2009: 34].

Таблица 3. Именное словоизменение в крызском

	‘деревня’	‘дом’
ABS	<i>kum</i>	<i>k’ul</i>
GEN	-----	<i>k’ul-ci</i>
ERG	<i>kum-ur</i>	<i>k’ul-ci-r</i>
DAT	<i>kum-uz</i>	<i>k’ul-ci-z</i>
INS	<i>kum-zina</i>	<i>k’ul-ci-zina</i>
	...	

Из всех крызских падежей только генитив демонстрирует синкретизм и лексическую вариативность; это видно и из таблицы: у слова ‘деревня’ генитив совпадает с абсолютивом, тогда как у слова ‘дом’ он имеет сегментный показатель *-ci*. Остальные падежи используют генитив в качестве базовой основы и имеют всегда одни и те же показатели.

На первый взгляд, такая система следует типичному «правило двух основ» [Кибрик, Кодзасов 1990], и образование вторичных падежей от генитива является чисто морфологическим фактом, не имеющим синтаксических следствий. Однако это не так. Как видно из (17), при сочинении только падеж второго уровня может быть групповым, тогда как падеж первого уровня (генитив) обязательно повторяется при каждом из конъюнктов.

- (17) [*kasib-a*   *sun-ci*   *fur-a*   *na*   *xinib-ci*]-*ğar*
 бедный-INDEF   один-OBL   мужчина-GEN   и   женщина-GEN-SUPEREL
 ‘О бедном мужчине и его жене.’ [Authier 2009: 199]

Согласование зависимых в ИГ, как видно из маркирования числительного ‘один’ в (17), в крызском также происходит только по признаку косвенности, т.е. абсолютив противопоставлен генитиву и всем остальным падежам. Таким образом, в крызском можно выделить две отдельные падежные категории:

- **падеж первого уровня:**
участвует в согласовании, не может быть групповым;
- **падеж второго уровня:**
не участвует в согласовании, может быть групповым.

В соответствии с нашим определением, в крызском всего два «настоящих» падежа: абсолютив и генитив. Остальные падежи могут быть в большей степени морфологизированы, чем в других языках, но ничем принципиально не отличаются от предлогов, послелогов или энклитических показателей, подобным тем, что распространены в индоарийских языках. Ср. словоизменительную парадигму языка хинди в таблице 4.

Таблица 4. Именное словоизменение в хинди

	‘мальчик’	‘друг’
DIR	<i>larka</i>	<i>sathi</i>
OBL	<i>lark-e</i>	
ERG	<i>lark-e = ne</i>	<i>sathi = ne</i>
DAT	<i>lark-e = ko</i>	<i>sathi = ko</i>
	...	

По своей структуре эта система полностью аналогична крызской: имеется базовая бинарная оппозиция, поверх которой присоединяются агглютинативные, полностью регулярные падежные клитики. Разница только в том, что в большинстве индоарийских языков вторичные «падежи» не имеют статус аффиксов [Butt, King 2004; Spencer 2005]. Но в нашей типологии подобные падежные клитики и вторичные падежи «крызского типа» попадают в один класс с предлогами и послелогом.

К сожалению, из-за нехватки места я не могу подробно остановиться на всех подобных случаях; достаточно сказать, что большинство исключений при подробном исследовании обнаруживают двухуровневые системы, в которых только два падежа имеют статус подлинных морфологических падежей, например:

- адыгейский (абхазо-адыгские): абсолютив *-r*, обликвус *-m*:
  - инструменталис *-č'e* и адвербиалис *-ew* присоединяются к обликвусу (*-∅ / -m*); при групповой флексии обликвус сохраняется [Ershova 2012];
- восточноармянский (армянские) [Архангельский 2012]: номинатив, «обликвус» (совпадает с номинативом у большинства имён; у части — с генитивом):
  - вторичные падежи присоединяются к косвенной основе;
  - косвенная «основа» сохраняется при сочинении;
- осетинский (иранские) [Беляев 2014; Erschler 2012]: номинатив, обликвус:
  - система аналогична армянской, но косвенные формы только в нумеративной парадигме (дигорский) и у местоимений;
- каннада (дравидийские) [Schiffman 1983]: номинатив, генитив;
- гунзибский (цезские) [van den Berg 1995]: номинатив, обликвус:
  - групповой флексии нет, согласование только по прямому / косвенному падежу.

4.2. Пересмотр данных

4.2.1. Универсалия 1

Уточнение данных о двухуровневых системах позволяет скорректировать данные для проверки импликаций. В таблице 5 представлен уточнённый вариант Универсалии 1.

Таблица 5. Проверка универсалии 1 (вторая версия)

	$\neg$ BEARD		BEARD	
GROUP	56	95%	3	5%
	76%		9%	
$\neg$ GROUP	18	37%	30	63%
	24%		91%	

Как видно из таблицы, надёжность универсалии заметно повысилась. Осталось всего три исключения: баскский (изолят), французский (романские), бурушаски (изолят). Кроме того, причём импликация близка к двунаправленной: у «неморфологических» систем есть тенденция к групповому маркированию.

4.2.2. Универсалия 2

Что касается универсалии 2, то она, на первый взгляд, улучшилась не сильно: удалось устранить лишь одно исключение (гунзибский), см. таблицу 6.

Таблица 6. Проверка универсалии 2 (вторая версия)

	BEARD		$\neg$ BEARD	
CONCORD	17	89%	2	11%
	52%		3%	
$\neg$ CONCORD	16	18%	72	82%
	48%		97%	

Однако проблема с проверкой этой универсалии состоит в том, что общее число систем с согласованием внутри ИГ весьма невелико. Поэтому даже небольшое число исключений имеет в общей статистике существенный процент. Случайная нормализация выборки, в результате которой число языков с согласованием и без согласования становится одинаковым, даёт более надёжный результат, см. таблицу 7.

Таблица 7. Проверка универсалии 2 (третья версия)

	BEARD		$\neg$ BEARD	
CONCORD	32	97%	1	3%
	67%		6%	
$\neg$ CONCORD	16	48%	72	52%
	33%		94%	

Хотя надёжность этой универсалии всё равно несравнима с надёжностью Универсалии 1 (из-за ограниченного числа языков с согласованием и их ареальной ограниченности), она всё же достаточно показательна и говорит о том, что развитие согласование внутри ИГ возможно только в системах с морфологическим падежом.

5. Выводы

В статье предложено типологическое определение падежа как сравнительной категории, основанное на свойствах словоизменительной парадигмы [Spencer, Otaguro 2005]. Такой подход даёт лучший результат, чем традиционный, основанный на понятиях словоформа и аффикс: надёжно предсказывается невозможность группового оформления; согласование внутри ИГ оказывается возможным только в морфологических падежных системах. Следовательно, вопреки [Haspelmath 2011], противопоставлению морфологии и синтаксиса можно придать осмысленное типологическое измерение; при этом круг собственно морфологических явлений оказывается уже, чем принято считать. Так, большинство систем именных флагов попадают в один класс с предлогами и послелогами, вне зависимости от аффиксального статуса. Возможно, аналогичный подход применим и к другим морфосинтаксическим категориям.

Существенной проблемой для настоящего исследования является недостаток данных по сочинению ИГ и падежному маркированию зависимых элементов ИГ. Кроме того, предложенное типологическое определение даёт слишком грубую оценку типа падежной флексии и не позволяет системно отличать подлинную кумуляцию от фонологически обусловленной; случайный (фонологически обусловленный) и систематический синкретизм; характер лексического варьирования форм падежных показателей. В перспективе необходимо составление более подробной базы данных по морфосинтаксису падежа, в которой рассматриваются не системы в целом, а отдельные падежные граммы. Также в перспективе возможна проверка корреляции структуры парадигмы с другими параметрами, такими как композиция падежей, двойной падеж (Suffixaufnahme) и порядок аффиксов. Для более полного учёта всего типологического разнообразия именных «флагов» необходимо также расширение выборки исследования, особенно в тех ареалах, где представлено меньше языков с морфологическим падежом.

Условные обозначения и сокращения

ABL — аблатив, отложительный падеж, ABS — абсолютив, CMPL — комплетив, DAT — дательный падеж, DIR — прямой падеж, DISTR — дистрибутив, ERG — эргатив, FOC — фокус, GEN — родительный падеж, IND — индикатив, INDEF — неопределённость, INS — творительный падеж, INTS — интенсификатор, OBJ — объектный падеж, OBL — косвенный падеж, косвенная основа, PL — множественное число, REFL — рефлексив, SG — единственное число, SUBJ — субъектный падеж, SUPEREL — суперэлатив, V — вербализатор.

Литература

- Алпатов и др. 2008 — Алпатов В.М., Аркадьев П.М., Подлеская В.И. Теоретическая грамматика японского языка. В 2-х кн. М.: Издательство «Наталис», 2008. [Alpatov V.M., Arkad'ev P.M., Podlesskaya V.I. Teoreticheskaya grammatika yaponskogo yazyka [Theoretical grammar of Japan]. In 2 vol. Moscow: Izdatel'stvo «Natalis», 2008.]
- Аркадьев 2006 — Аркадьев П.М. Типология двухпадежных систем: дис. ... канд. М.: Институт славяноведения РАН, 2006. [Arkad'ev P.M. Tipologiya dvukhpadezhnykh sistem [Typology of two-case systems]. Ph.D. thesis. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2006.]
- Архангельский 2012 — Архангельский Т.А. Групповая флексия в именной сочинительной конструкции восточноармянского языка // Асатрян Г.С. (ред.). IX Международная конференция по армянскому языкознанию. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 25–29. [Arkhangel'skii T.A. The group inflexion in Eastern Armenian nominal coordinating construction. Asatryan G.S. (ed.). IX Mezhdunarodnaya konferentsiya po armyanskomu yazykoznaniiyu. Saint Petersburg.: Nestor-Istoriya, 2012. P. 25–29.]
- Беляев 2014 — Беляев О.И. Осетинский как язык с двухпадежной системой: групповая флексия и другие парадоксы падежного маркирования // Вопросы языкознания. Т. 6, 2014. С. 31–65. [Belyaev O.I. Ossetic as a language with a two-case system: suspended affixation and other paradoxes of case marking. Voprosy yazykoznaniiya. Vol. 6, 2014. P. 31–65.]
- Бурлак 2002 — Бурлак С.А. Групповая флексия и «групповая суффиксация» в тохарском А языке // Подлеская В.И. (ред.). Третья зимняя типологическая школа. Материалы лекций и семинаров. М.: РГГУ, 2002. С. 117–118. [Burlak S.A. Suspended affixation and suffixation in Tokharian A. Podlesskaya V.I. (ed.). Tret'ya zimnyaya tipologicheskaya shkola. Materialy lektzii i seminarov. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2002. P. 117–118.]
- Зализняк 1967 — Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967. [Zaliznyak A.A. Russkoe imennoe slovoizmenenie [Russian nominal inflection]. Moscow: Nauka, 1967.]
- Кибрик, Кодзасов 1990 — Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. М.: Издательство МГУ, 1990. [Kibrik A.E., Kodzasov S.V. Sopostavitel'noe izuchenie dagestanskikh yazykov. Imya. Fonetika [A comparative study of Dagestani languages. Noun. Phonetics]. Moscow: Moscow State Univ. 1990.]
- Курицына 2017 — Курицына А.В. Групповая флексия и групповая деривация в тохарских языках. Доклад на Кельто-анатолийском семинаре, Институт языкознания РАН, 7 ноября 2017 г. [Kuritsyna A.V. Gruppovaya fleksiya i gruppovaya derivatsiya v tokharskikh yazykakh [Suspended affixation and suspended derivation in Tokharian languages]. A talk presented at the Celtic-Anatolian workshop at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 07.11.2017.]

- Мельчук 1998 — Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т.2. Морфологические значения. М.: Языки русской культуры, 1998. [Mel'chuk I.A. Kurs obshchei morfologii. T.2. Morfologicheskie znacheniya. [A course in General Morphology. Vol. 2: Morphological meanings]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 1998.]
- Плунгян 2011 — Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. [Plungian V.A. Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira [The introduction into grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2011]
- Ali, Zaborski 1990 — Ali M., Zaborski A. Handbook of the Oromo language. Wrocław: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich — Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1990.
- Arkadiev 2009 — Arkadiev P. Poor (two-term) case systems : limits of neutralization . Malchukov A., Spencer A. (eds.). The Oxford handbook of case. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 686–699.
- Authier 2009 — Authier G. Grammaire kryz, langue caucasique d'Azerbaïdjan, dialecte d'Alik. Leuven, Paris : Peeters, 2009.
- Baerman, Brown 2013 — Baerman M., Brown D. Case syncretism. Dryer M.S., Haspelmath M. (eds.). The world atlas of language structures online. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013.
- Baerman, Brown, Corbett 2005 — Baerman M., Brown D., Corbett G.G. The syntax-morphology interface: a study of syncretism. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Beard 1995 — Beard R. Lexeme-morpheme base morphology. Stony Brook, NY: SUNY Press, 1995.
- van den Berg 1995 — van den Berg H. A grammar of Hunzib (with texts and lexicon). Ph.D. thesis. Rijksuniversiteit te Leiden, 1995.
- Bickel, Nichols 2013 — Bickel B., Nichols J. Exponence of selected inflectional formatives. Dryer M.S., Haspelmath M. (eds.). The world atlas of language structures online. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013.
- Blake 2004 — Blake B.J. Case. Second edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Borgman 1990 — Borgman D. M. Sanuma. Derbyshire D.C., Pullum G.K. (eds.). Handbook of Amazonian languages. Vol. 2. Berlin: De Gruyter, 1990. P. 15–248.
- Butt, King 2004 — Butt M., King T.H. The status of case. Dayal V., Mahajan A. (eds.). Clause structure in South Asian languages. Dordrecht: Springer, 2004. P. 153–198.
- Callaghan 1987 — Callaghan C.A. Northern Sierra Miwok dictionary. Berkeley, CA: University of California Press, 1987.
- Carling 2012 — Carling G. Development of form and function in a case system with layers: Tocharian and Romani compared. Tocharian and Indo-European studies 13, 2012. P. 55–74.
- Erschler 2012 — Erschler D. Suspended affixation in Ossetic and the structure of the syntax-morphology interface. Acta Linguistica Hungarica 59 (1–2), 2012. P. 153–175.
- Ershova 2012 — Ershova K. Suspended affixation in Adyghe. Handout of talk given at Typology of Morphosyntactic Parameters 2012, Sholokhov Moscow State University for the Humanities, 15 November 2012.
- Haspelmath 2009 — Haspelmath M. Terminology of case. Malchukov A., Spencer A. (eds.). The Oxford handbook of case. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 505–517.
- Haspelmath 2010 — Haspelmath M. Comparative concepts and descriptive categories in crosslinguistic studies. Language 86 (3), 2010. P. 663–687.
- Haspelmath 2011 — Haspelmath M. The indeterminacy of word segmentation and the nature of morphology and syntax. Folia Linguistica 45 (1), 2011. P. 31–80.
- Kabak 2007 — Kabak B. Turkish suspended affixation. Linguistics 45 (2), 2007. P. 311–347.
- Kachru 2006 — Kachru Y. Hindi. Amsterdam: John Benjamins, 2006.

- McGregor 1990 — McGregor W. A functional grammar of Gooniyandi. Amsterdam: John Benjamins, 1990.
- Nedjalkov, Otaina 2013 — Nedjalkov V.P., Otaina G.A. A syntax of the Nivkh language. Amsterdam: John Benjamins, 2013.
- Otoguro 2006 — Otoguro R. Morphosyntax of case: A theoretical investigation of the concept. PhD thesis, University of Essex, 2006.
- Owens 1985 — Owens J. A grammar of Harar Oromo (Northeastern Ethiopia). Hamburg: Helmut Buske Verlag, 1985.
- Salminen 1997 — Salminen T. Tundra Nenets inflection. Sebeok T., Ingemann F.J. (eds.). An eastern Chermis manual: Phonology, grammar, texts and glossary. Bloomington, IN: Indiana University Publications, 1997.
- Schiffman 1983 — Schiffman H.F. A reference grammar of spoken Kannada. Seattle: University of Washington Press, 1983.
- Spencer 2005 — Spencer A. Case in Hindi. Butt M., King T.H. (eds.). Proceedings of the LFG05 conference. Stanford, CA: CSLI Publications, 2005.
- Spencer 2008 — Spencer A. Does Hungarian have a case system? Corbett G.G., Noonan M. (eds.). Case and grammatical relations: Studies in honor of Bernard Comrie. Amsterdam: John Benjamins, 2008. P. 35–56.
- Spencer 2009 — Spencer A. Case as a morphological phenomenon. Malchukov A., Spencer A. (eds.). The Oxford handbook of case. Oxford: Oxford University Press, 2009.
- Spencer, Otoguro 2005 — Spencer A., Otoguro R. Limits to case: a critical survey of the notion. Amberber M., de Hoop H. (eds.). Competition and variation in natural languages: The case for case. Amsterdam: Elsevier, 2005.
- Zwicky, Pullum 1983 — Zwicky A.M., Pullum G.K. Cliticization vs. inflection: English N'T. *Language* 59 (3), 1983. P. 502–513.

Статья поступила в редакцию 20.11.2018

The article was received on 20.11.2018

Олег Игоревич Беляев

кандидат филологических наук; преподаватель, МГУ имени М. В. Ломоносова; научный сотрудник, Институт языкознания РАН; исполнитель гранта РФФИ 18-18-00462, осуществляемого в ГИРЯ им. А.С. Пушкина

Oleg I. Belyaev

Ph.D.; lecturer, Lomonosov Moscow State University; researcher, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; performer of the RSF grant 18-18-00462, realized in Pushkin State Russian Language Institute

obelyaev@gmail.com

**МЕЖДУ ЛЕКСИКОНОМ И
СИНТАКСИСОМ, ФОНОЛОГИЕЙ, СЕМАНТИКОЙ –
ИНТЕРФЕЙСНЫЕ ЯВЛЕНИЯ
В ОСЕТИНСКИХ СЛОЖНЫХ ПРЕДИКАТАХ***

П. В. Гращенков

МГУ имени М. В. Ломоносова,

Институт востоковедения РАН,

Московский педагогический государственный университет,

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

В статье разбирается внутренняя организация и дистрибутивные свойства осетинских сложных предикатов. Сложные предикаты в осетинском языке передают часть базовых лексических значений глагола (*дарить, заболеть, ...*). Будучи составлены из двух лексических элементов, они при этом демонстрируют свойства лексем. В работе показано, что сложные предикаты, с одной стороны, являются результатом композиции двух синтаксических структур, именной и глагольной. С другой стороны, сложные предикаты способны демонстрировать в одних контекстах свойства лексем, а в других – составляющей.

Ключевые слова: сложные предикаты, иранские языки, синтаксис, морфология, фонология, композициональность.

---

* Работа выполнена при поддержке проекта РФФ 18-18-00462 «Коммуникативно-синтаксический интерфейс: типология и грамматика», реализуемого в Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина.

**BETWEEN LEXICON, SYNTAX, PHONOLOGY, SEMANTICS:
THE INTERFACE PHENOMENA
IN THE OSSETIC COMPLEX PREDICATES***

Pavel Grashchenkov

*Lomonosov Moscow State University,
Institute of Oriental Studies RAS,
Moscow Pedagogical State University,
Pushkin State Russian Language Institute*

The paper deals with the organization and distributional properties of Ossetian complex predicates. Complex predicates in Ossetian code a part of the basic lexical meanings of verbal domain (*to give / present, to ill, ...*). Being composed of two lexical elements, they display at the same time the properties of the lexeme. The aims of the paper are twofold. On the one hand, it shows that complex predicates can be viewed as a result of composition of two syntactic structures, the nominal and the verbal one. On the other, complex predicates display properties of the lexeme in some contexts, and properties of the constituent in others.

Keywords: complex predicates, Iranian, syntax, morphology, phonology, compositionality.

---

* The study has been supported by Russian Scientific Foundation (RSF), project #18-18-00462 at Pushkin State Russian Language Institute.

1. Дистрибутивные свойства осетинских СП

Осетинские сложные предикаты (СП) состоят из именной части (ИЧ) и легкого глагола (ЛГ):

(1) а. *Æз а-лыг кодтон дзул*
 Я PREF-порезанный LV.PST.1.SG¹ хлеб
 ‘Я порезал хлеб.’

б. *Æз фæ-рынчын дæн*
 Я PREF-больной LV.PRES.1.SG
 ‘Я заболел.’

с. *Бæх а-гæпп кодта*
 Лошадь PREF-прыжок LV.PST.3.SG
 ‘Лошадь прыгнула.’

СП представляют собой единое, строго упорядоченное целое с точки зрения следующих параметров: i) префиксация, ii) ударение, iii) расположение отрицания, iv) порядок следования элементов, v) недопустимость лексических зависимых. Ниже будет показано, что данные свойства не являются случайными, а напротив, демонстрируют наличие упорядоченной структуры глагольной группы, содержащей ИЧ и ЛГ и включающей помимо них некоторое количество функциональной структуры.

2. Возможные подходы к структуре СП

Прежде чем показать, что за осетинскими СП стоит организованная композициональная структура, рассмотрим альтернативную точку зрения. Она заключается в подходе к СП как идиомам. Таков, в частности, традиционный подход к СП в баскском языке, см, например, [Rodríguez et al. 2003]², в то же время, например, в [Oyharcabal 2007] предложен композициональный анализ баскских СП.

Взгляд на СП как идиомы предполагает i) некомпозициональность семантики и ii) ограниченную вариативность составляющих ее элементов.

¹ Здесь и далее мы будем глоссировать ЛГ как LV (Light Verb), если тип ЛГ нерелевантен.

² Я благодарен авторам статьи за устную дискуссию и изложение их точки зрения на баскские СП.

Если приводить в качестве примера русскую идиому *валять дурака*, первое свойство тривиально: ‘валять дурака’ ≠ ‘валять’ ⊕ ‘дурак’. Второе свойство может быть продемонстрировано следующим образом. Распространение отдельных элементов в составе идиомы либо ограничено, либо невозможно, ср.: *валять ?большого / ??страшного / *огромного / *странного дурака*. Более того, словоизменение допустимо для вершины идиомы, но не для ее внутренних элементов, ср.: *валяю / валяем / ... дурака; *валять дураков*. Перестановка составляющих идиому элементов при этом возможна, ср.: *Большого дурака свалял, надо было саблей орудовать, а я, тьфу, балбес; Тут, конечно, дурака свалял сам Элиот* (интернет).

Осетинские СП семантически композициональны: аргументная структура СП предсказуемо определяется составляющими ее элементами. В то же время немногочисленные преобразования морфосинтаксиса, допустимые для СП, как правило представляют собой хорошо известный в генеративной грамматике тип передвижения – подъем одного из элементов вверх по структуре, мотивированный определенными семантическими / дискурсивными признаками передвигающегося элемента.

Скажем также, что для анализа СП можно было бы привлечь инструментарий лексических функций, разработанный в рамках Московской семантической школы, см. [Апресян 1995], [Мельчук 1999] и др. Идея, стоящая за лексической функцией на первый взгляд хорошо подходит для СП. Лексические функции (прежде всего – семейств OPER и FUNC) представляют комбинацию десемантизированного глагола и предикатной вершины, задаваемой именной частью речи: *оказать / иметь влияние* = ‘повлиять’; *одержать победу* = ‘победить’; *потерпеть поражение* = ‘проиграть’.

Лексические функции, однако, плохо подходят для анализа осетинских СП как минимум по следующим причинам. Во-первых, для лексических функций характерна идиосинкразия глагольно-именных пар. Одному и тому же имени может соответствовать ограниченное количество глаголов: *нанести / причинить / *принести / *давать боль*. С другой стороны, один и тот же глагол обслуживает как правило небольшую (закрытую) группу событийных существительных, ср.: *оказать поддержку / внимание / помощь / влияние / *участие / *заботу / *урон / *враждебность*. В этом отношении лексические функции, возможно, хорошо подойдут для анализа СП в таких языках как курдские или персидский, где арсенал ЛГ гораздо более разнообразен.

Во-вторых, глаголы, выполняющие те или иные лексические функции, призваны лишь поверхностно выразить семантических участников, имеющих у абстрактных имен. Так, у существительного ‘победа’ есть глубинные агенс и пациенс; в примере *Итальянцы одержали победу над французами* глагол *одержать* лишь оформляет агенс номинативом, ср. альтернативное *победа итальянцев над французами*, имеющее другой морфосинтаксис, но то же значение. Как мы покажем ниже, ЛГ регулярно привносят в аргументную структуру СП семантического участника.

Наконец, третье несоответствие лексических функций осетинским СП в том, что при образовании конструкций с лексическими функциями поверхностный синтаксис остается неизменным. В случае, например, функций класса OPER глагол берет (прямое / косвенное / предложное) дополнение в том же падеже, который соответствовал бы семантически наполненному употреблению, ср.: *давать повод* vs. *давать руку*. В случае СП правила поверхностного синтаксиса нарушаются. Например, СП ‘резать’ состоит из прилагательного ‘отрезанный’ и глагола ‘делать’. Вся конструкция со СП при этом приобретает вид ‘X сделал Y отрезанным’. Поверхностный синтаксис СП следовал бы правилам синтаксиса регулярных переходных глаголов, если бы: i) прилагательное *отрезанный* могло бы свободно менять расположение относительно глагола и ii) в осетинском были бы допустимы результативные вторичные предикации (*John hammered the metal flat*). Насколько нам известно, ни одно из этих условий не выполняется.

3. Анализ структуры осетинских СП

ИЧ и ЛГ в сложных предикатах не могут быть разделены, (3), либо следовать в ином порядке, (4):

(2) *Æз уый фе-рох кодтон*
 Я это PREF-забытый LV.PST.1.SG
 ‘Я забыл это.’ {2 = 3 = 4}

(3) **Æз фе-рох уый кодтон*
 Я PREF-забытый это LV.PST.1.SG

(4) **Æз уый кодтон фе-рох*
 Я это LV.PST.1.SG PREF-забытый

Упорядоченность элементов СП по отношению друг к другу и «внешним» для конструкции элементам позволяет утверждать, что ИЧ и ЛГ занимают определенные позиции в структуре глагольной проекции.

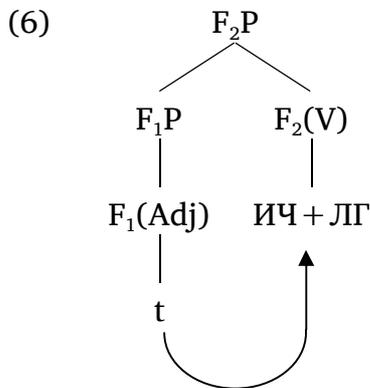
Комбинация ИЧ и ЛГ формирует некоторую сложную лексему категории V, сочетаясь при этом по тем же правилам, которым подчиняются элементы синтаксиса: в определенном порядке, изменения которого приводят к изменению интерпретации либо неграмматичности конструкции. ИЧ является вершиной, но участвует при этом в формировании единицы лексического (а не фразового) уровня, что объясняет невозможность ее распространения:

- (5) a. *Заур Фатима-йы ба кодта*
 Заур Фатима-GEN поцелуй LV.PST.3.SG
 ‘Заур поцеловал Фатиму.’
- b. **Заур Фатима-йы дыууæ ба-йы кодта*
 Заур Фатима-GEN два поцелуй-GEN LV.PST.3.SG
 Ожид.: ‘Заур поцеловал Фатиму дважды.’

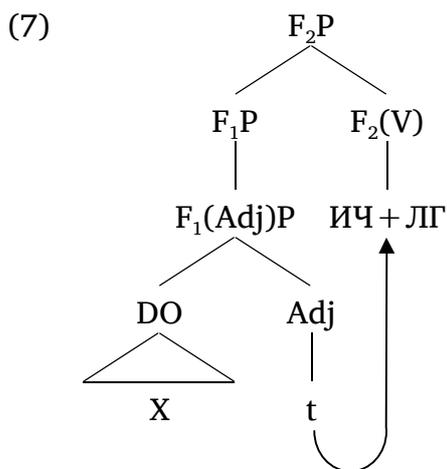
Мы будем считать, что именная часть занимает позицию вершины некоторой проекции F_1P , над которой доминирует легкий глагол, представленный функциональной вершиной F_2 . После попадания в позицию вершины ИЧ передвигается вверх по структуре и сливается с ЛГ, образуя с ним одну словоформу. Передвижение «вверх» по структуре в данном случае соответствует передвижению вправо, см. [Beermann et al. 1997]. Отметим, что возможен был бы и другой анализ, при котором в СП было бы правое ветвление, а наблюдаемый поверхностный порядок слов ИЧ_ЛГ был бы результатом левого подъема вершины ИЧ. В обоих случаях дальнейшая деривация происходила бы одинаково. Мы, тем не менее, будем придерживаться идеи о левостороннем ветвлении внутри СП хотя бы потому, что обратный поверхностный порядок никогда не наблюдается и свидетельств правостороннего ветвления у нас нет.

Невозможность обратного расположения ИЧ и ЛГ и вставления между ними внешнего материала следует из предлагаемой структуры автоматически. ИЧ и ЛГ занимают позицию вершины F_2 , и никакой другой материал не может разделять две функциональные вершины (кроме других функциональных вершин, которых мы в данном случае не находим). Порядок ИЧ_ЛГ связан с порядком соединения вершин друг с другом (левая адъюнкция, правая адъюнкция) при передвижении вершин (Head movement), см. (6) ниже, [Matushansky 2006].

Подобный процесс образования сложной вершины напоминает предпринятый в [Baker 1988] подход к инкорпорации прямого объекта как результату передвижения вершин.

В случае, если СП переходен, прямой объект занимает позицию «внутреннего подлежащего» – он является логическим субъектом состояния, задаваемого ИЧ: *Алан заразил Фатиму* – ‘Алан сделал так, что Фатима больная’:

В данном случае прямой объект X соответствует именной группе *Фатима* в примере выше, адъективная ИЧ – прилагательному *больной*, а легкий глагол – осетинскому ‘делать’, *канын*.

Между ИЧ и ЛГ могут располагаться (только) телисизирующие префиксы или показатели отрицания:

(8) а. *Æз рынчын фæ-дæн*
 Я больной PREF-LV.PRES.1.SG
 ‘Я заболел.’

б. *Æз рынчын нæ дæн*
 Я больной NEG LV.PRES.1.SG
 ‘Я не болел.’

В имеющемся у нас текстовом массиве (>0,5 млн. словоформ) можно наблюдать следующие закономерности расположения префиксальных показателей и показателей отрицания (для примеров взяты частотные СП):

(9) Соотношение количества морфологических показателей на ИЧ и ЛГ

СП	значение	префикс		отрицание	
		ИЧ	ЛГ	ИЧ	ЛГ
<i>гом кæнын</i>	‘открывать/ся’	123	0	2	1
<i>рох кæнын</i>	‘забывать/ся’	110	0	20	7
<i>фынæй кæнын</i>	‘засыпать’ / ‘укладывать’	6	1	5	8
<i>лыг кæнын</i>	‘резать’ / ‘отрезаться’	50	1	1	1
<i>лавар кæнын</i>	‘дарить’	24	2	0	0
всего		313	4	28	17

Можно заметить, что расположение префикса на ЛГ в целом гораздо более маркировано, чем на ИЧ. Отрицание, употребляющееся само по себе реже, не демонстрирует столь явного предпочтения.

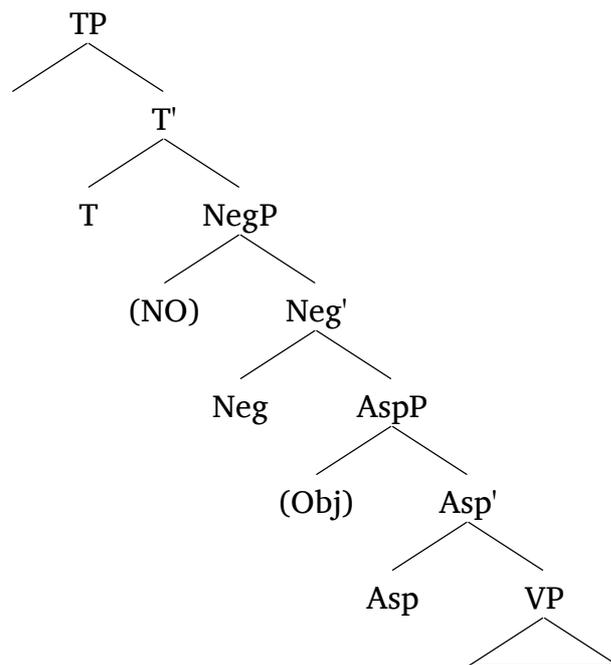
Отметим еще одну связанную с морфологическим маркированием закономерность. Если префикс употребляется вместе с отрицанием, оба элемента могут располагаться либо на ИЧ (немаркированный вариант), либо на ЛГ одновременно. Расположение одного из элементов на ИЧ, а другого – на ЛГ исключено:

- (10) а. *Æз дуар нæ бай-гом кодтон*
я дверь NEG PREF-открытый LV.PST.1.SG
‘Я не открыл дверь.’ {a = b = c = d}
- б. *Æз дуар гом нæ бай-кодтон*
я дверь открытый NEG PREF-LV.PST.1.SG
- в. **Æз дуар бай-гом нæ кодтон*
я дверь PREF-открытый NEG LV.PST.1.SG
- г. **Æз дуар нæ гом бай-кодтон*
я дверь NEG открытый PREF-LV.PST.1.SG

Как утверждает в [Гагкаев 1952: 91]: «Отрицание *нæ* употребляется при глаголах изъявительного и сослагательного наклонений и стоит перед глаголом, к которому относится». Префиксы составляют одну словоформу либо с ИЧ, либо с ЛГ. Поскольку обе морфемы имеют жесткую позицию в глагольной группе, мы будем считать, что каждой из них соответствует своя функциональная вершина.

Как принято считать, группа отрицания NegP располагается обычно выше аспектуальной проекции AspP, см., например, [Brown, Franks 1995] для русского языка, [Cornilescu 2003] для английского, а также [Cinque 1999] как пример построения универсальной иерархии функциональных проекций. Поскольку расположение NegP и AspP в осетинском напоминают таковые в русском, приведем структуру для русской клаузы из [Brown, Franks 1995]:

(11) [Brown, Franks 1995: 247]

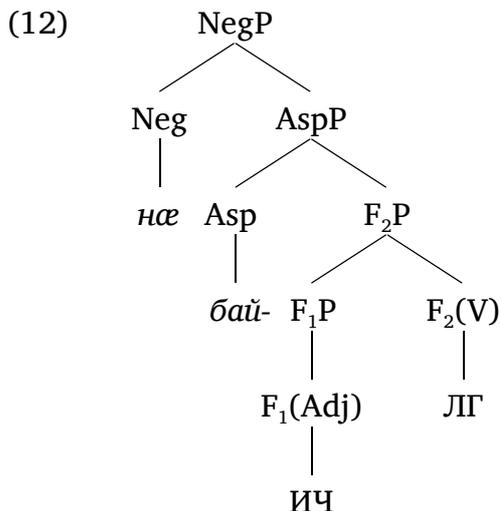
Примечательно, что в современном персидском по данным [Taleghani 2006: 114, 171] NegP доминирует также и над TP, явных свидетельств чему мы, впрочем, не обнаруживаем в осетинском.

В случае осетинского и русского префиксальные показатели должны быть расположены еще более низко в структуре клаузы и еще более тесно связаны с глагольным значением. В русском и осетинском подавляющее большинство префиксов связано с обозначением предела ситуации и перехода в новое состояние. Такие префиксы в формальной русской аспектологии считаются «низкими», т.к. их семантический вклад напрямую связан с лексическим значением глагола, и, в частности, с семантическим типом предиката. В [Татевосов 2010], в частности, убедительно показано, что «[з]а пределами глагольной группы размещаются только внешние префиксы; внутренние находятся внутри... [... внешний префикс [VP ... внутренний префикс ...]», [Татевосов 2010: 253].

Таким образом, вершина Asp, соответствующая осетинскому префиксу, располагается между отрицанием и глагольной группой. Такое расположение Neg, Asp и группы глагола помогает объяснить как невозможность (раздельного) нахождения отрицания и видового префикса на разных частях СП, так и их способность располагаться (попарно) либо на ИЧ, либо на ЛГ.

Обе закономерности следуют напрямую из так называемого Ограничения на передвижение вершин (Head Movement Constraint), [Travis 1984]. Согласно этому ограничению, признанному универсальным, передвижение вершин возможно только в позицию вершины, непосредственно доминирующей над данной. «Перепрыгивание» через вершинные позиции недопустимо.

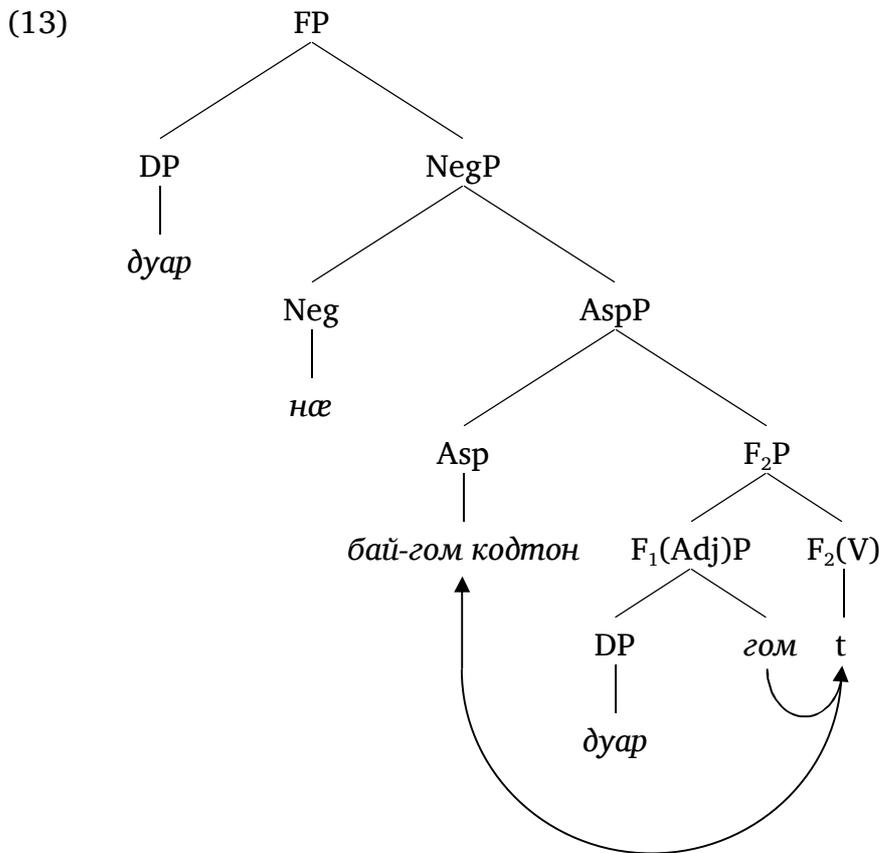
Если мы примем (6) выше как структуру СП, СП с отрицанием и префиксом будут иметь следующий вид:

Neg и Asp являются функциональными проекциями, которые принимают в качестве компонента материал, над которым доминируют, NegP берет компонентом AspP, а AspP – F₂P. Иранские языки примечательны тем, что функциональные проекции берут свои компоненты справа, а лексические – слева, см., например, [Karimi 2005]. Также ведет себя и осетинский: наряду с порядком подчинительный союз – зависимое предложение (С – ТР), порядок ветвления лексических компонентов обратный: прямой объект – глагол, (преимущественно) послелог – именная группа, и т.д.

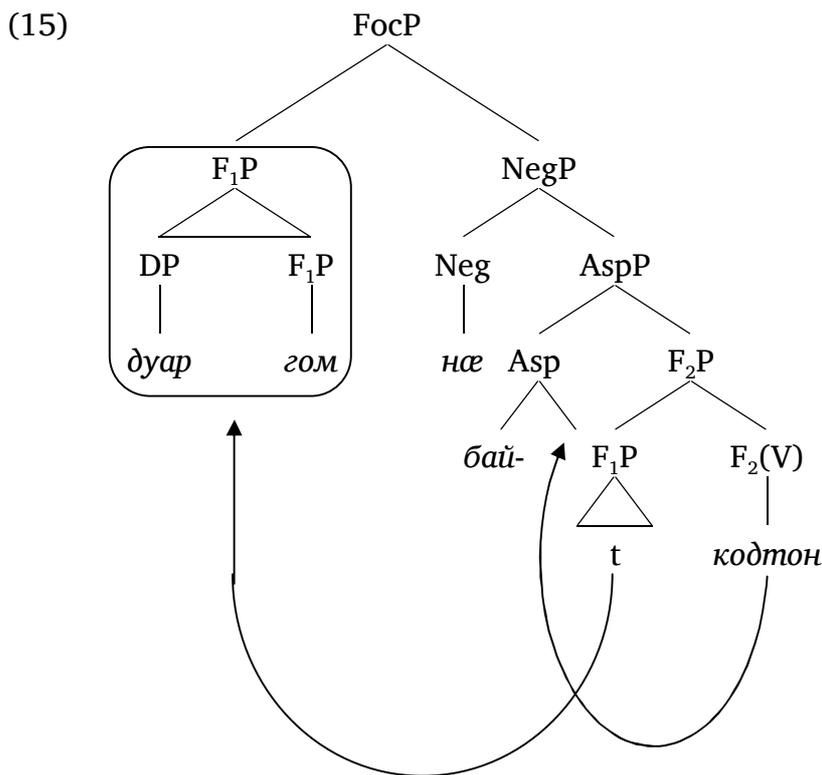
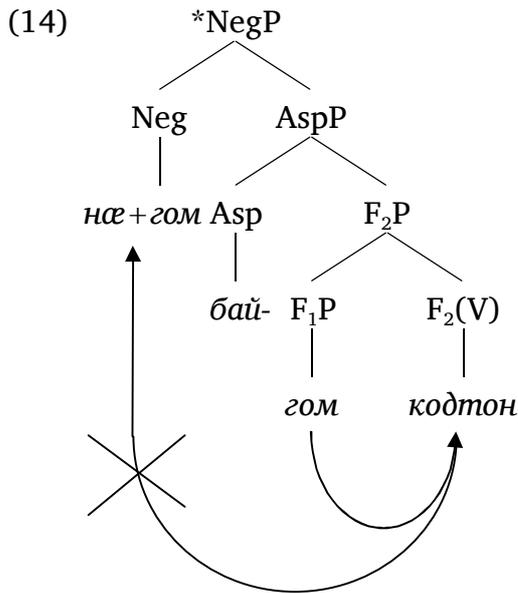
Этим объясняется тот факт, что Neg и Asp берут компоненты справа, а ветвление внутри проекции СП – левое: ЛГ является правосторонней вершиной по отношению к ИЧ, также и ИЧ принимает свои аргументы слева (об этом подробнее будет сказано ниже). С точки зрения направления ветвления и ЛГ, и ИЧ ведут себя как лексические вершины и оказываются противопоставлены функциональным вершинам, выражаемым морфологически.

Расположение ИЧ непосредственно после видового префикса, таким образом, является результатом ее исходного расположения справа от Asp и последующих передвижений ИЧ в позицию F_2 и комплекса ИЧ+ЛГ в позицию вершины Asp. После того, как произойдет передвижение вершины, проецируемый ей прямой объект также передвигается в некоторую позицию FP, находящуюся выше в структуре, – возможным аналогом такой позиции была бы вершина AgrO, отвечающая за присваивание accusativa прямому объекту в ранних версиях Минимализма, см. [Chomsky 1993]:

Невозможность расположения отрицания перед ИЧ, а префикса – перед ЛГ следует из Ограничения на передвижение вершин, [Travis 1984]. ИЧ (F_1) не может передвинуться вверх по структуре, минуя ЛГ (F_2) равно как однажды составленная сложная вершина ИЧ+ЛГ не может далее «разорваться», X_0 -комплекс ИЧ+ЛГ может передвигаться лишь как единое целое (см. (14)).

В случае, когда префикс и/ли отрицание располагаются на ЛГ, деривация проходит иначе. Сначала ЛГ беспрепятственно передвигается в Asp – поскольку F_2 доминирует над F_1 , Ограничение на передвижение вершин не нарушается. После этого происходит передвижение всей проекции именной части F_1P из позиции компонента проекции легкого глагола F_2P (см. (15)).

Передвижение проекции ИЧ происходит в позицию спецификатора фокусной вершины – по мнению В.И. Абаева, отрицание и/ли префикс располагаются на ЛГ тогда, «когда на именной части стоит логическое ударение: вместо *нæ да фerox кодтон* ‘я тебя не забыл’ можно сказать *рох да нæ факодтон* ‘я не забыл тебя’, с логическим ударением на *рох*», [Абаев 1970: 640].

Клитики второй позиции, подобные приведенной только что в примере В.И. Абаева *даә*, подчиняются при этом не правилам синтаксической проекции, а фонологическим правилам и оттого не являются контрпримером к запрету на расположение лексического материала между ИЧ и ЛГ.

Таким образом, в случае расположения отрицания / видового префикса на ЛГ мы склонны усматривать передвижение составляющей (а не вершины), соответствующей ИЧ. Анализ с фразовым передвижением подтверждается правилами постановки ударения: «В тех случаях, когда имя замыкается префиксом и стоит непосредственно перед предикативным членом, все три компонента сказуемого объединяются в одно целое общим ударением», [Гагкаев 1956: 57]. То же находим и в [Багаев 1965: 348]: «Во многих формах совершенного вида бывает только одно ударение, которое обычно падает на именную часть, когда глагольная приставка прибавляется к именной части, предшествующей вспомогательному глаголу.» И далее: «...если приставка бывает в составе вспомогательного глагола, ... ударение будет падать и на именную часть и на вспомогательный глагол.»

То же верно и для ударения при отрицании: «Сложные глаголы с отрицательными словами бывают с двумя ударениями, из которых одно падает на именную часть глагола, другое – на легкий глагол с отрицательным словом, когда оно, отрицательное слово, стоит непосредственно перед легким глаголом... Но если отрицательное слово стоит перед именной частью составного глагола, то весь составной глагол с отрицательным словом произносится с одним ударением», [Багаев 1965: 348].

Таким образом, в отличие от случаев контактного расположения ИЧ и ЛГ, при нахождении между ними префикса и/ли отрицательной частицы ударение «разбивается»: оно обязательно падает на ИЧ, и, скорее всего, также падает и на ЛГ. Такое поведение автоматически следует из нашего анализа. В случае передвижения F_1P , имеющего место при маркировании ЛГ показателем вида или отрицания, структура ИЧ+ЛГ, которая составила бы единое фонологическое слово в отсутствие передвижения, распадается на две составляющих, каждая из которых должна будет получить свое ударение.

Выбор видового префикса, который характеризует весь СП в целом, определяется ИЧ даже в тех случаях, когда префикс располагается на ЛГ. Подобное поведение СП по отношению к ударению и префиксации подтверждает корректность подхода к структуре СП как синтаксической проекции и лексеме одновременно. Мы можем сформулировать следующее утверждение:

(16) СП могут проявлять свойства и слова, и составляющей

4. Заключение

Мы установили основные узлы проекции, ответственные за образование СП. В случае, когда между ИЧ и ЛГ нет никакого материала, ИЧ, располагаясь в исходной позиции вершины, фонологически образует общую с ЛГ словоформу. В тех случаях, когда отрицание либо префикс обнаруживаются на ЛГ, ИЧ и возглавляемая ей составляющая передвигаются вверх по структуре, «разрушая» СП как единый лексический комплекс. Подобные передвижения вызваны особенностями коммуникативной структуры и сопровождаются просодическим маркированием. Основным результатом данного исследования стало наблюдение о двойственной структуре СП: они обладают свойствами как лексем, X_0 , так и составляющей, XP .

Условные обозначения и сокращения

1 – первое лицо, 3 – третье лицо, GEN – генитив, LV – легкий (вспомогательный) глагол, NEG – отрицание, PREF – префикс, PRES – настоящее время, PST – прошедшее время, SG – единственное число.

Литература

- Абаев 1970 – Абаев В.И. Грамматический очерк осетинского языка // Бигулаев Б.Б. и др. (сост.). Осетинско-русский словарь. Орджоникидзе: «ИР», 1970. С. 543–720. [Abaev V.I. A grammatical sketch of Ossetic. Bigulaev B.B. et. al (eds.). Osetinsko-russkii slovar'. Ordzhonikidze: «IR», 1970. P. 543–720.]
- Апресян 1995 – Апресян Ю.Д. Избранные труды. Лексическая семантика. Т. 1. М., 1995. 364 с. [Apresyan Yu.D. Izbrannye trudy. Leksicheskaya semantika. T. 1. [Selected writings, Vol. I: Lexical semantics] Moscow, 1995. 364 p.]
- Багаев 1965 – Багаев Н.К. Современный осетинский язык. Ч. I: Фонетика и морфология. Орджоникидзе, 1965. 487 с. [Bagaev N.K. Sovremenniy osetinskii yazyk. Ch. I: Fonetika i morfologiya. [Modern Ossetic, Pt. I: Phonetics and morphology] Ordzhonikidze, 1965. 487 p.]
- Гагкаев 1952 – Гагкаев К.Е. Очерки грамматики осетинского языка. Дзауджикау, 1952. 115 с. [Gagkaev K.E. Ocherki grammatiki osetinskogo yazyka. [Essays in Ossetic grammar] Dzaudzhikau, 1952. 115 p.]
- Гагкаев 1956 – Гагкаев К.Е. Синтаксис осетинского языка. Орджоникидзе, 1956. 276 с. [Gagkaev K.E. Sintaksis osetinskogo yazyka. [Syntax of Ossetic] Ordzhonikidze, 1956. 276 p.]
- Мельчук 1999 – Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». Семантика, синтаксис. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 346 с. [Mel'chuk I.A. Opyt teorii lingvisticheskikh modelei «Smysl ↔ Tekst». Semantika, sintaksis. [An essay in the theory of “Meaning ↔ Text” linguistic model] Moscow: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury», 1999. 346 p.]
- Татевосов 2010 – Татевосов С.Г. Акциональность в лексике и грамматике. Дис. ... докт. филол. наук. МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2010. 537 с. [Tatevosov S.G. Aktsional'nost' v leksike i grammatike [Actionality in lexicon and grammar]. Doctoral thesis. Moscow, Lomonosov Moscow State University, 2010. 537 p.]

- Baker 1988 – Baker M.C. *Incorporation: A theory of grammatical function changing*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1988. 543 p.
- Beermann et al. 1997 – Beermann D., LeBlanc D., van Riemsdijk H. (eds.) *Rightward movement*. *Linguistik Aktuell. Linguistics Today*, 17. 1997. vi, Benjamins. 410 p.
- Brown, Franks 1995 – Brown S., Franks S. *Asymmetries in the scope of Russian negation*. *Journal of Slavic Linguistics*. 1995. Vol. 3. P. 239–287.
- Cinque 1999 – Cinque G. *Adverbs and functional heads. A cross-linguistic perspective*. New York: CUP, 1999. 288 p.
- Cornilescu 2003 – Cornilescu A. *Complementation in English: A minimalist perspective*. București: Editura Universității din București, 2003. 504 p.
- Matushansky 2006 – Matushansky O. *Head-movement in linguistic theory*. *Linguistic Inquiry*. 2006. Vol. 37. P. 69–107.
- Oyharçabal 2007 – Oyharçabal B. *Basque light verb constructions*. Lakarra J.A., Hualde J.I. (eds.). *Studies in Basque and historical linguistics. In memory of R. L. Trask*. Bilbao: Diputación Foral de Gipuzkoa – Gipuzkoako Foru Aldundia & Universidad del País Vasco – Euskal Herriko Unibertsitatea, Bilbao, 2007. P. 787–806.
- Rodríguez et al. 2003 – Rodríguez S., García M.F. *IZEN + EGIN predikatuak euskaraz*. Makatzaga J.M., Oyharçabal B. (eds.). *Euskal gramatikari eta literaturari buruzko ikerketak XXI. mendearen atarian, Gramatika gaiak, Iker-14*. Euskaltzaindia, Bilbo, 2003. P. 417–436.
- Taleghani 2006 – Taleghani A.H. 2006. *The interaction of modality, aspect and negation in Persian. A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of doctor of philosophy*. The University of Arizona, 2006. 249 p.
- Travis 1984 – Travis L. *Parameters and effects of word order variation*. Doctoral dissertation. Cambridge, MA: MIT, 1984. 568 p.

Статья поступила в редакцию 29.10.2018

The article was received on 29.10.2018

Павел Валерьевич Гращенко

доктор филологических наук; доцент, МГУ имени М. В. Ломоносова; старший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН; старший научный сотрудник, Московский педагогический государственный университет; исполнитель гранта РФФИ 18-18-00462, осуществляемого в ГИРЯ им. А. С. Пушкина

Pavel V. Grashchenkov

Dr. Phil. Hab.; associate professor, Lomonosov Moscow State University; senior researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; senior researcher, Moscow Pedagogical State University; performer of the RSF grant 18-18-00462, realized in Pushkin State Russian Language Institute

pavel.gra@gmail.com

**ФРАГМЕНТИРОВАНИЕ В РУССКОМ И ГРУЗИНСКОМ ЯЗЫКАХ:
АРГУМЕНТ В ПОЛЬЗУ PF-ПЕРЕДВИЖЕНИЯ
В ЭЛЛИПТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЯХ***

Е. В. Моргунова

МГУ имени М. В. Ломоносова,

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

Настоящая работа посвящена явлению фрагментирования в русском и грузинском языках. Мы демонстрируем, что данные исследуемых языков подтверждают предположение о том, что фрагменты в речи образуются с помощью двух процессов, — передвижения сохраняемой составляющей в Spec,CP и удаления TP — которые происходят на уровне PF.

Ключевые слова: фрагментные ответы, эллипсис, фокусное передвижение, PF-передвижение.

**FRAGMENT ANSWERS IN RUSSIAN AND GEORGIAN:
EVIDENCE IN FAVOR OF THE PF-MOVEMENT IN ELLIPSIS***

Ekaterina Morgunova

Lomonosov Moscow State University, Pushkin State Russian Language Institute

This paper deals with fragment answers in Russian and Georgian. I demonstrate that the data from these languages suggest that fragments are derived via two mechanisms — the movement of the remnant to the Spec,CP and the deletion of the TP — that operate on the PF level.

Keywords: fragment answers, ellipsis, focus movement, PF-movement.

---

* Работа написана при поддержке проекта РФФ 18-18-00462, «Коммуникативно-синтаксический интерфейс: типология и грамматика», реализуемого в ГИРЯ им. А. С. Пушкина. Автор выражает благодарность аудитории 8-ой конференции ТМП, а также Е. А. Лютиковой за ценные комментарии и замечания.

* The study has been supported by Russian Scientific Foundation (RSF), project #18-18-00462 at Pushkin State Russian Language Institute.

1. Фрагменты в генеративной грамматике

Фрагментные ответы (фрагменты) — это короткие завершённые фразы, которые образованы составляющей, по размеру меньшей, чем клауза. Примеры фрагментов представлены в (1). Этот пример демонстрирует, что фрагменты могут использоваться не только при ответах на вопрос, как в (1a), но и служить утвердительными репликами в ответ на реплики собеседника (1b-c) или же являться контекстно-независимыми репликами (1d).

(1) а. А: Что разбил Коля?

В: Чашку.

б. А: Коля разбил тарелку.

В: Нет, чашку.

в. А: Я слышал, что Коля разбил что-то.

В: Да, чашку.

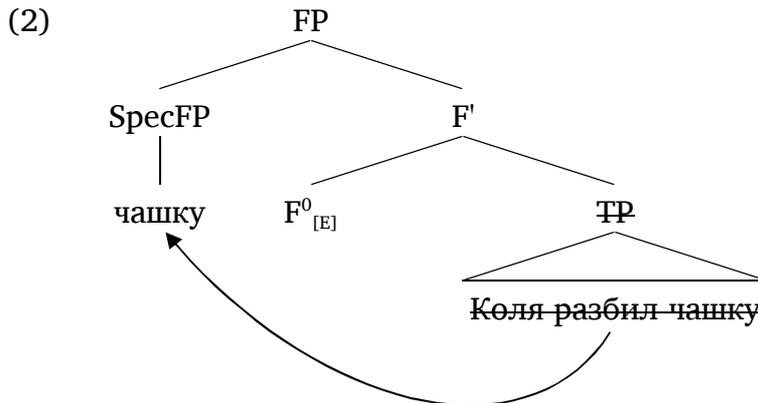
д. [Обращаясь к официанту] Один кофе, пожалуйста.

Согласно подходу «передвижение и эллипсис» (Movement and Deletion Approach, MDA), представленному в работе [Merchant 2004], подобные конструкции образуются с помощью двух процессов: LF-передвижения сохраняемой составляющей из клаузы в Spec,FP (где FP предположительно является фокусной проекцией) и последующего удаления на уровне PF составляющей TP¹. Фонологическое удаление происходит благодаря признаку [E], который находится на вершине, в спецификатор которой перемещается сохраняемая составляющая.

---

¹ В этой статье мы опираемся на гипотезу о том, что эллиптическая часть предложения имеет внутреннюю структуру, которая не произносится на уровне PF, но существует на уровне LF. Хотя подобный подход уже считается традиционным анализом эллиптических конструкций, существуют иные точки зрения на внутреннюю структуру эллипсиса. Некоторые исследователи предполагают, что при эллипсисе синтаксическая структура заменяется на нулевой элемент (см. [Lobeck 1995] среди прочих). В работах [Ginzburg, Sag 2000] и [Culicover, Jackendoff 2005] предполагается, что у эллипсиса вовсе нет внутренней структуры.

Сравнение перечисленных подходов и подробное аргументирование поддерживаемой нами точки зрения выходит за рамки данной работы. В силу этого, мы отсылаем читателя к работе [Merchant 2016], где представлено подробное описание указанных вопросов.

Репрезентации фрагмента на уровнях PF и LF схематично представлены в примере ниже.

- (3) Уровень PF: $[_{FP}[\text{чашку}_i] [_{TP} \text{Коля разбил } t_i]]$ Уровень LF: $[_{FP}[\text{чашку}_i] [_{TP} \text{Коля разбил } t_i]]$

Таким образом, Дж. Мерчант предполагает, что фрагменты образуются тем же путем, что и другие виды эллипсиса клаузы, например, слусинг [Merchant 2001].

Гипотеза Дж. Мерчанта основана на фактах двух типов. Факты первого типа, которые зачастую называются эффектами связности (connectivity effects), демонстрируют, что составляющая, образующая фрагментный ответ, имеет ту же дистрибуцию, что и аналогичная ей составляющая в полном предложении. Это указывает на то, что фрагмент появляется в деривации как часть полной клаузы.

К эффектам связности относятся следующие факты. Во-первых, это совпадение падежа сохраняемой в качестве фрагмента именной группы с падежом аналогичной ей именной группы в полном предложении.

- (4) греческий (адаптировано из [Merchant 2004: (45)–(46)])

A: *pjos idhe tin maria?*
 кто.NOM увидел DEF Мария
 ‘Кто увидел Марию?’

B: *o giannis (idhe tin maria)*
 DEF Giannis.NOM увидел DEF Мария
 ‘Гианнис (увидел Марию)’

B': **ton gianni (idhe tin maria)*
 DEF Giannis.ACC увидел DEF Мария

Во-вторых, анафоры и прономиналы, образующие фрагменты, подчиняются принципам Теории Связывания, как и их корреляты в полном предложении. Примеры (5), (6) и (7) показывают, что фрагменты подчиняются принципам A, B и C Теории Связывания соответственно [Chomsky 1981].

(5) [Merchant 2004: (61)]

A: Who does John₁ think Sue will invite?

B: ??Himself₁.

B': ??John₁ thinks Sue will invite himself₁.

(6) [Merchant 2004: (59)]

A: Who did John₁ try to shave?

B: *Him₁.

B': *John₁ tried to shave him₁.

(7) [Merchant 2004: (57)]

A: Where is he₁ staying?

B: *In John₁'s apartment.

B': *He₁ is staying in John₁'s apartment.

Вторая группа фактов демонстрирует, что фрагменты действительно претерпевают передвижение из своей базовой позиции на левую периферию клаузы. Мы можем утверждать об этом, основываясь на том, что фрагменты подчиняются определенным ограничениям на передвижение.

Первый факт такого типа связан с зависанием предлогов. В языках, где при образовании частных вопросов предлог при вопросительной составляющей может оставаться в своей базовой позиции (как, например, в английском), возможно опущение предлога и при фрагментах, состоящих из предложной группы (8). В языках, где предлог в обязательном порядке перемещается вместе со всей предложной группой (например, в греческом), такое невозможно — предлог обязательно сохраняется при образовании фрагмента (9).

(8) [Merchant 2004: (72)]

A: Who was Peter talking with?

B: (With) Mary.

(9) греческий (адаптировано из [Merchant 2004: (77)])

A: *me pjon milise i anna*

с кем говорила DEF Анна

‘С кем говорила Анна?’

B: *(*me*) *ton kosta*

с DEF Костас

‘С Костасом.’

Еще одна диагностика на передвижение связана с зависимой клаузой. Если фрагмент состоит из зависимой клаузы, то при ней обязательно должен быть фонологически выраженный комплементаризер. Подобный факт может быть описан в рамках MDA, если учесть, что при передвижении зависимой клаузы на левую периферию матричной клаузы, комплементаризер также не может быть опущен. Таким образом, (10) также указывает на то, что фрагменты образуются с помощью передвижения.

(10) [Merchant 2004: (93)]

A: What does no one believe?

B: #(That) I'm taller than I really am.

(11) [Merchant 2004: (95)]

*(That) I'm taller than I really am, no one believes.

Наконец, Дж. Мерчант утверждает, что фрагментирование подчиняется островным ограничениям. Островные конструкции, впервые описанные в работе [Ross 1967], являются одной из важнейших диагностик передвижения в синтаксисе. В статье [Merchant 2004] исследователь приводит примеры, демонстрирующие неграмматичность фрагментов, чей коррелят находится внутри островной конструкции. Дж. Мерчант предполагает, что подобный факт может быть легко объяснен в рамках теории MDA: если предположить, что эллиптическое предложение имеет ровно ту же структуру, что и предложение-антецедент, то фрагмент так же как его коррелят, находится внутри островной конструкции. То, что выдвигание фрагмента за границы острова невозможно, сигнализирует, что фрагмент претерпевает передвижение на левую периферию клаузы².

---

² При этом Дж. Мерчант отмечает, что другой тип клаузального эллипсиса — слусинг — имеет иные свойства. В работе [Merchant 2001] приводятся примеры, где коррелят слуса находится внутри островной конструкции. Это позволяет нам предположить, что слусинг не подчиняется островным ограничениям.

(i) They want to hire someone [who speaks a **Balkan language**], but I don't remember **which**.

В силу ограниченности объема данной работы, мы не приводим здесь объяснение разницы между фрагментированием и слусингом, которое было предложено Дж. Мерчантом, и отсылаем читателя к его работе [Merchant 2004]. См. также раздел 3 о последующих контр-примерах, демонстрирующих, что фрагменты также могут не подчиняться островным ограничениям.

(12) [Merchant 2004: (84)]

A: Does Abby speak the same Balkan language that **Ben** does?

B: *No, **Charlie**.

B': No, she speaks the same Balkan language that **Charlie** speaks.

Хотя теория Дж. Мерчанта основана на ряде убедительных фактов, у нее есть один теоретический изъян. Исследователь опирается на предположение о том, что фрагмент образуется с помощью фокусного передвижения на левую периферию клаузы. В то же время, мы не можем утверждать, что фокусное передвижение существует во всех языках мира. Если в мире существуют языки, в которых такое передвижение не засвидетельствовано, то мы могли бы ожидать, что в таких языках фрагментные ответы неграмматичны. В следующем разделе мы продемонстрируем, что такое теоретическое предположение не подтверждается.

2. Данные русского и грузинского языков

В этом разделе мы продемонстрируем, что в русском и грузинском языках также используются фрагментные ответы, которые по своим свойствам весьма схожи с фрагментированием в английском языке. При этом, согласно работам других исследователей, существование фокусного передвижения на левую периферию клаузы в рассматриваемых языках сомнительно. На основании этого факта возникает вопрос, применима ли теория Дж. Мерчанта к данным рассматриваемых языков. Кроме того, фрагментные ответы в русском и грузинском не чувствительны к островным ограничениям *contra* [Merchant 2004].

2.1. Русский язык

2.1.1. Фрагментирование в русском языке

Фрагменты в русском языке, как и фрагменты в английском, демонстрируют эффекты связности и подчиняются определенным ограничениям на передвижение. Рассмотрим эти факты последовательно.

В русском языке падеж фрагмента соответствует падежу аналогичной составляющей в полной клаузе, что отвечает требованию совпадения по падежу:

- (13) A: Кому помог Вася?
 B: Маше. / *Маша. / *Машу.
 B': Вася помог Маше. / *Маша. / *Машу.

Анафорические элементы в фрагментных ответах подчиняются принципам теории связывания: анафоры должны быть связаны локально, в то время как прономинаты должны быть связаны элементом вне их области связывания (14). Референциальные выражения должны быть не связаны (15).

- (14) A: Кого ударил Миша_i?
 B: Его_{*i/j}. / Себя_{i/*j}.
 B': Миша ударил его_{*i/j}/ себя_{i/*j}.

- (15) A: Где он_i живет?
 B: На даче Кирилла_{*i/j}.
 B': Он_i живет на даче Кирилла_{*i/j}.

Фрагментирование в русском также подчиняется определенным ограничениям на передвижение. Во-первых, фрагменты подчиняются принципу зависания предлогов.

- (16) A: С кем живет Нина?
 A': *Кем живет Нина с?
 B: *(С) родителями.

Во-вторых, если фрагментом является зависимая клауза, то при ней должен сохраняться комплементаризер (17), что коррелирует с ограничением на передвижение зависимой клаузы на левую периферию матричной (18).

- (17) A: Что тебе сказал твой профессор?
 B: Что нужно начать писать диплом.
 B': #Нужно начать писать диплом.

- (18) *(Что) нужно начать писать диплом, мне сказал мой профессор.

Таким образом, мы видим, что фрагментирование в русском языке по свойствам идентично фрагментированию в английском.

2.1.2. Фокусное передвижение в русском языке

В большинстве посвященных информационной структуре русского языка работ, написанных в рамках генеративной теории (см. [Bailyn 1995], [Sekerina 1997], [Slioussar 2007] среди прочих), идея о том, что в русском существуют функциональные проекции FocusP и TopicP, отвергается³. Это во многом обусловлено тем фактом, что в русском языке фокус и топик могут быть лицензированы в разных структурных позициях и не требуют передвижения составляющей на левую периферию.

Согласно другому подходу, предлагаемому в работе [Neelman, Titov 2009], передвижение на левую периферию в русском языке существует, однако лицензируется признаком [contrast], а не признаком [focus] или [topic]. Поскольку не все фрагментные ответы являются контрастивными (так, к примеру, ответы на частные вопросы будут обладать пропозициональным фокусом, но не контрастивным), мы не можем постулировать, что контрастивное передвижение участвует в передвижении сохраняемой составляющей вне зоны действия эллипсиса (см. также [Neelman et al. 2009], где приводятся аргументы против постулирования отдельной проекции ContrastP в синтаксисе).

2.2. Грузинский язык

2.2.1. Фрагментирование в грузинском языке

В грузинском языке фрагменты демонстрируют те же базовые свойства, что и фрагменты в русском и английском. Кратко опишем их ниже.

В грузинском, как и во многих языках, соблюдается требование на сохранение падежа:

(19) A: *givi-s bavshv-is-tvis sachukar-i u-chukeb-i-a*
 Гиви-DAT мальчик-GEN-для подарок-NOM VER-дарить-TH-AOR.3SG
 ‘Гиви подарил подарок мальчику.’

B: *ara, sandro-s / *sandro-m / *sandro-ti / *sandro.*
 нет Сандро-DAT Сандро-ERG Сандро-INST Сандро.NOM
 ‘Нет, Сандро (подарил подарок мальчику).’

³ Ср. с [King 1995] и [Dyakonova 2009], где данные русского языка описываются в рамках картографического подхода к левой периферии.

Фрагменты в грузинском также подчиняются принципам Теории Связывания:

(20) A: *vin da-i-nakh-a giorgi-m_i pot'o-ze?*
 кто.NOM PRV-PV-видеть-AOR.3SG Георги-ERG фото-на
 'Кого Георги увидел на фотографии?'

B: *mkholod is_{*i/j}*
 только он.NOM
 'Только его / *себя.'

(21) A: *sad tskhovrob-s?*
 где жить-PRS.3SG
 'Где он_i живет?'

B: *giorgi-s bina-shi.*
 Георги-GEN квартира-в
 'В квартире Георги_{*i/j}.'

Оба этих факта указывают на то, что в грузинском языке фрагмент на ранних этапах деривации является частью полной клаузы.

В то же время, в грузинских фрагментах обязательно сохранение послелога (как и в полных клаузах, см. (22)) и комплементаризера при образовании фрагментного ответа из послеложной группы и зависимой клаузы соответственно. Эти факты позволяют нам утверждать, что в грузинском на фрагмент налагаются определенные ограничения на передвижение.

(22) (адаптировано из [Erschler 2015: (29)])

a. *vis-tan ertad mi-di-khar?*
 кто.DAT-с вместе PRV-идти-2SG
 'С кем ты идешь?' {a = b}

b. **vis-tan mi-di-khar ertad?*
 кто.DAT-с PRV-идти-2SG вместе

(23) A: *vis-tan ertad ts'a-kh-val kino-shi?*
 кто.DAT-с вместе PRV-2SG-идти.FUT кино-в
 'С кем ты пойдешь в кино?'

B: *nino-s-tan ??(ertad)*
 Нино-DAT-с вместе
 'С Нино.'

(24) A: *ra tk'v-a sandro-m?*
 что говорить-AOR.3SG Сандро-ERG
 'Что сказал Сандро?'

B: **(rom) ts'amo-vid-a samsakhur-i = dan*
 COMP PRV-идти-AOR.3SG работа-NOM = с
 'Что он уволился.'

В общей сложности, грузинские фрагменты проявляют тот же набор специфических свойств, что и фрагментные ответы в английском и русском языках.

2.2.2. Фокусное передвижение в грузинском языке

Гипотеза о том, что в грузинском языке нет фокусного передвижения, была выдвинута в работе [Borise, Polinsky 2018]. В своих работах исследовательницы исследуют синтаксис преглагольной позиции в грузинском языке, которая является типичной позицией как фокусных, так и вопросительных составляющих. Они приводят аргументы против того, что фокусные составляющие передвигаются в спецификатор некоторой вершины на левой периферии клаузы или глагольной группы. В итоге Л. Борисе и М. С. Полинская приходят к заключению, что анализ, при котором преглагольная позиция выступает позицией *in situ* для фокусных и вопросительных составляющих, является наиболее подходящим для описания грузинских данных.

Рассмотрим некоторые из аргументов исследовательниц. Опираясь на работу [Bošković 2002], Л. Борисе и М. С. Полинская предполагают, что однопарные ответы (*single-pair answers*) на множественные вопросы доступны только в тех языках, где вопросительная составляющая не передвигается в *Spec,CP*. То, что такой тип ответов доступен в грузинском, указывает на то, что вопросительные слова, которые также являются фокусно выделенными, не передвигаются в *Spec,CP*.

(25) (адаптировано из [Borise, Polinsky 2018: (14)])

A: *vi-s-tvis sad i-mgher-a levan-ma simghera?*
 кто-GEN-для где VER-петь-AOR.3SG Леван-ERG песня.NOM
 'Где и для кого Леван спел песню?'

B: *levan-ma lena-s-tvis pilarmonia-shi i-mgher-a simghera.*
 Леван-ERG Лена-GEN-для филармония-в VER-петь-AOR.3SG песня.NOM
 'Леван спел песню для Лены в филармонии.'

Наконец, отсутствие эффекта слабого переезда (*weak crossover, WCO*) также сигнализирует о том, что фокусные составляющие не претерпевают A' -передвижения:

(26) (адаптировано из [Borise, Polinsky 2018: (19)])

tavis-ma_i / *mis-ma_i* *kmar-ma* *vin_i*
 3.REFL.POSS.SG-ERG 3.POSS.SG-ERG муж-ERG кто.NOM

agh-u-c'er-a *giorgi-s?*
 PRV-VER-писать-AOR.3SG Георги-DAT
 'Чей_i муж описал ее_i Георги?'

Таким образом, по мнению Л. Борисе и М. С. Полинской, анализ, согласно которому фокусные составляющие интерпретируются *in situ*, является наиболее подходящим для описания грузинских данных.

2.3. Нарушение островных ограничений

В обоих рассматриваемых языках фрагментные ответы могут нарушать островные ограничения. Примеры таких конструкций представлены в (27)–(28).

(27) А: Гриша живет в доме, где жил Лермонтов.

В: Нет, Пушкин.

(28) А: *givi* *tskhovrob-s* *saxl-ši* *sadac* *ts'ereteli* *tskhovrob-d-a*.

Гиви.NOM жить-PRS.3SG дом-в где Церетели жить-IPFV-3SG

'Гиви живет в доме, в котором жил Церетели.'

В: *ara*, *noneshvili*.

нет Нонешвили.

'Нет, Нонешвили.'

Эти факты противоречат ранним заявлениям Дж. Мерчанта о том, что составляющая, образующая фрагмент, не может образовываться с помощью передвижения за границу островной конструкции. Это наблюдение также должно быть учтено при анализе данных русского и грузинского материалов.

3. Альтернативная теория деривации фрагментных ответов

В этом разделе мы обратимся к альтернативному подходу деривации фрагментов в речи, представленному в работе [Weir 2014]. Мы продемонстрируем, что теория Э. Вэйра является более подходящей для описания данных разноструктурных языков.

Хотя Э. Вейр также придерживается мнения о том, что фрагменты образуются с помощью передвижения сохраняемой составляющей и эллипсиса клаузы, он предлагает пересмотреть то, с помощью какого именно передвижения фрагменты избегают эллидирования. Исследователь отмечает следующие факты: (i) фрагменты семантически интерпретируются в своей базовой позиции, а не в позиции Spec,FP или Spec,CP; (ii) некоторые строки, которые не могут передвигаться на левую периферию в обычной клаузе, могут образовывать грамматичные фрагментные ответы.

К фактам первого типа, к примеру, относится следующее наблюдение: в английском языке при выдвигении предиката пропадает прочтение с широкой сферой действия глагола зависимой клаузы. В то же время, при фрагментировании предикат имеет оба прочтения.

(29) [Weir 2014: (352)]

- a. John refused to teach every student.
(refuse > every, every > refuse)
- b. ... and teach every student, John refused to.
(refuse > every, *every > refuse)

(30) [Weir 2014: (353)]

What did John refuse to do? — Teach every student.
(refuse > every, every > refuse)

В то же время, фрагменты могут быть образованы теми составляющими или словами, которые в других контекстах не могут претерпевать передвижения. Это, к примеру, фрагменты, состоящие из немаркированных (bare) кванторов или частиц.

(31) [Weir 2014: (354)]

- a. ??{Everyone/Someone}_i, they interviewed t_i.
- b. A: Who did you interview?
B: Everyone/Someone.

(32) a. *Down, he looked.

- b. Did he look **up**? — No, down.

Для того, чтобы описать факты такого рода, Э. Вейр предполагает, что фрагменты передвигаются только на уровне PF. Такое передвижение является «исключительным» по своей природе — оно происходит только в эллиптических контекстах. PF-передвижение также отличается от LF-передвижений тем, что оно лицензируется не с помощью признаков, но лишь необходимостью переместить фокусно выделенный элемент из сферы действия признака [E] (в противном случае, эллидируемая TP будет полностью неозвучена).

У этого передвижения также есть следующее свойство. Оно способно оперировать даже теми словами и составляющими, которые не передвигаются в других контекстах в конкретном языке. Другими словами, Вейр предполагает, что PF-передвижение менее ограничено в конкретном языке, чем LF-передвижение — оно ограничено лишь соображениями архитектуры грамматики. Это, к примеру, отделяет составляющие от не-составляющих. Подобное предположение объясняет, почему в английском языке частицы или немаркированные кванторы, которые не могут передвигаться на уровне LF, могут тем не менее образовывать фрагментные ответы.

Подобная гипотеза верно предсказывает, как то, что передвижение фрагмента из сферы действия эллипсиса не влияет на семантическую интерпретацию составляющей, так и то, что некоторые подстроки, не способные передвигаться в неэллиптических контекстах, могут образовывать фрагменты.

Важным для этой статьи является следующий факт. Теория Э. Вейра верно предсказывает, что отсутствие фокусного передвижения на левую периферию не влечет за собой отсутствие фрагментов в языке. Поскольку передвижение, применяемое при фрагментировании, отличается от всех других LF-передвижений, и применяется только при эллипсисе, мы можем полагать, что оно доступно во всех языках. Таким образом, мы предполагаем, что именно PF-передвижение используется при образовании фрагментов в русском и грузинском языках.

Описываемая гипотеза также потенциально способна объяснить, почему в русском и грузинском допустимо нарушение островных ограничений при фрагментировании — поскольку сохраняемая составляющая не перемещается на уровне LF, она не может нарушить границу острова по опре-

делению. В таком случае мы должны ожидать, что «нарушение» островных границ может происходить и в других языках. Это подтверждается данными таких работ, как [Barros et al. 2013], [Griffiths, Liptak 2014] и др⁴.

4. Заключение

В этой статье мы рассмотрели данные русского и грузинского языков. Основываясь на тех фактах, что в исследуемых языках, согласно гипотезам некоторых исследователей, отсутствует фокусное передвижение, но при этом доступны фрагментные ответы, мы поставили под сомнение предположение Дж. Мерчанта о том, что фрагменты (универсально) образуются с помощью фокусного передвижения сохраняемого слова на левую периферию клаузы. Мы также рассмотрели альтернативный подход к деривации фрагментных ответов, который был предложен Э. Вейром, и продемонстрировали, что эта гипотеза верно предсказывает как существование фрагментов в языках без фокусного передвижения, так и нечувствительность фрагментирования к островным ограничениям в рассматриваемых языках.

Следует отметить, что защищаемый в нашей статье подход к анализу фрагментов не лишен недостатков и нуждается в дальнейшей проработке. К примеру, в статье [Shen 2018] отмечается, что некоторые типы фрагментных ответов интерпретируются в позиции, которая находится структурно выше исходной позиции сохраняемой составляющей. Это показывает, что хотя бы в отдельных случаях фрагмент должен претерпеть LF-передвижение на левую периферию. В последние пару лет также были предложены другие подходы, отличающиеся от MDA (см. [Ott, Struckmeier 2018] среди прочих). Подробное сравнение этих теорий выходит за рамки настоящей статьи. Нашей же целью являлось описание теоретической проблемы, которая должна быть учтена при разработке новых гипотез о структуре фрагментных ответов. Нам остается надеяться, что эта цель была достигнута.

---

⁴ Следует отметить, что причина, по которой островные ограничения могут не соблюдаться при эллипсисе, до сих пор не является однозначно установленной. Некоторые исследователи, к примеру, Э. Вейр, предполагают, что причина может заключаться в семантике фрагментов. М. Баррос и его соавторы считают, что на самом деле эффекта «починки» островов с помощью эллипсиса не существует вовсе. Они выдвигают следующую гипотезу: в тех случаях, когда фрагмент, как кажется, нарушает островное ограничение, на самом деле происходит удаление структуры без островной конструкции. В то же время к этому анализу остается ряд открытых вопросов, см. [Abels 2016].

Условные обозначения и сокращения

2, 3 — 2, 3 лицо, ACC — аккузатив, AOR — аорист, COMP — комплементаризатор, DET — определенный артикль, ERG — эргатив, FUT — будущее время, GEN — генитив, INST — инструменталис, IPFV — имперфект, NOM — номинатив, PF — перфектив, POSS — посессив, PRS — настоящее время, PRV — преверб, PV — предкорневой главный, REFL — рефлексив, SG — единственное число, TH — тематический гласный, VER — маркер версии

Литература

- Abels 2016 — Abels K. Movement & islands. For: van Craenenbroeck J., Temmerman T. (eds.). The Oxford handbook of ellipsis. Oxford University Press: Oxford, United Kingdom. Ms.
- Barros et al. 2013 — Barros M., Elliott P.D., Thoms G. More variation in island repair: Clausal vs. non-clausal islands. Proceedings of CLS 49, Chicago: Chicago Linguistic Society, 2013.
- Bailyn 1995 — Bailyn J. A Configurational approach to Russian “free” word order. Ph.D. thesis. Cornell University, 1995.
- Bošković 2002 — Bošković Ž. On multiple wh-fronting. Linguistic Inquiry, 2002. Vol. 33. No. 3. P. 351–383.
- Borise, Polinsky 2018 — Borise L., Polinsky M. Focus without movement: Syntax-prosody interface in Georgian. URL: <https://scholar.harvard.edu/borise/publications/focus-without-movement-syntax-prosody-interface-georgian> (accessed: 16.11.2018). Proceedings of North-East Linguistic Society (NELS) 48, 2018.
- Chomsky 1981 — Chomsky N. Lectures on government and binding. Dordrecht, Foris, 1981.
- Culicover, Jackendoff 2005 — Culicover P.W., Jackendoff R. Simpler syntax. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- Dyakonova 2009 — Dyakonova M. A phase-based approach to Russian free word order. Ph.D. thesis. Netherlands Graduate School of Linguistics, 2009.
- Erschler 2015 — Erschler D. Embedded questions and sluicing in Georgian and Svan. Languages of the Caucasus, 2015. Vol. 1. No. 1.
- Ginzburg, Sag 2000 — Ginzburg J., Sag I. Interrogative investigations. Stanford, California: CSLI Publications, 2000.
- King 1995 — King T. Configuring topic and focus in Russian. CSLI Publications: Center for the study of language and information, Stanford, California, 1995.
- Lobeck 1995 — Lobeck A. Ellipsis: Functional heads, licensing and identification. New York: Oxford University Press, 1995.
- Merchant 2001 — Merchant J. The syntax of silence: Sluicing, islands, and the theory of ellipsis. Oxford: Oxford University Press on Demand, 2001.
- Merchant 2004 — Merchant J. Fragments and ellipsis. Linguistics and philosophy. 2004. Vol. 27. P. 661–738.
- Merchant 2016 — Merchant J. Ellipsis: A survey of analytical approaches. For: van Craenenbroeck J., Temmerman T. (eds.). The Oxford handbook of ellipsis. Oxford University Press: Oxford, United Kingdom. Ms.
- Neelman, Titov 2009 — Neelman A., Titov E. Focus, contrast and stress in Russian. Linguistic Inquiry, 2009. Vol. 40. No. 3. P. 514–524.
- Neelman et al. 2009 — Neelman A., Titov E., Van de Koot H., Vermeulen R. A syntactic typology of topic, focus and contrast. van Craenenbroeck (ed.). Alternatives to cartography. Mouton de Gruyter, Berlin, 2009. P. 15–51.

- Ott, Struckmeier 2018 — Ott D., Struckmeier V. Particles and deletion. *Linguistic Inquiry*, 2018. Vol. 49. No. 2. P. 393–407.
- Ross 1967 — Ross J.R. Constraints on variables in syntax. Ph.D. thesis. MIT, 1967.
- Sekerina 1997 — Sekerina I. The syntax and processing of scrambling constructions in Russian. Ph.D. thesis. CUNY, 1997.
- Slioussar 2007 — Slioussar N. Grammar and information structure. Ph.D. thesis. University of Utrecht, 2007.
- Shen 2018 — Shen Z. Fragment answers and movement. *Natural Language and Linguistic Theory*, 2018. Vol. 36. No. 1. P. 309–321.
- Weir 2014 — Weir A. Fragments and clausal ellipsis. Ph.D. thesis. University of Massachusetts Amherst, 2014.

Статья поступила в редакцию 20.11.2018

The article was received on 20.11.2018

Екатерина Витальевна Моргунова

студент 4 курса бакалавриата, МГУ имени М. В. Ломоносова; исполнитель гранта РФФИ 18-18-00462, осуществляемого в ГИРЯ им. А.С. Пушкина

Ekaterina V. Morgunova

4th year B.A. student, Lomonosov Moscow State University; performer of the RSF grant 18-18-00462, realized in Pushkin State Russian Language Institute

morgunova.kate@gmail.com

**О МОДЕЛИРОВАНИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ
НА ОСНОВЕ СОБЫТИЙНЫХ НОМИНАЛИЗАЦИЙ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

А. М. Перельцвайг
независимый исследователь

В этой статье выдвигаются аргументы в пользу анти-картографического подхода к моделированию информационной структуры в русском языке на основе событийных номинализаций.

Ключевые слова: информационная структура, картография, номинализации, русский язык.

**MODELING TOPIC / FOCUS:
EVIDENCE FROM RUSSIAN EVENTIVE NOMINALIZATIONS**

Asya Pereltsvaig
Independent Scholar

This paper argues in favor of the anti-cartographic approach to modeling information structure, in particular the representation of topic and focus in Russian based on eventive nominalizations.

Keywords: information structure, cartography, nominalizations, Russian.

1. Introduction

It is well-known that languages differ as to how much word order might vary depending on the information structure: for example, in English verb-initial orders, VSO and VOS, are not allowed while in Russian they are both allowed under certain discourse circumstances. What parameters account for these differences across languages and what is the nature of these parameters? In syntactic literature, two approaches to this issue have emerged: the cartographic approach, which treats topic and focus as syntactic phenomena [Rizzi 1997], and the anti-cartographic approach, which treats topic and focus as post-syntactic [Neeleman, Van de Koot 2008]. Thus, according to the cartographic approach, “languages differ in the type of movements that they admit or in the extent to which they overtly realize each head and specifier” [Cinque, Rizzi 2008: 46]. In contrast, for the anti-cartographic approach, the variation in topic / focus is in the “mapping rules that associate syntactic representations with representations in information structure” [Neeleman, Van de Koot 2008: 269]. In this paper, I examine the three “pillars” (i.e. basic tenets) of the cartographic approach and pose challenges for all three pillars based on eventive nominalizations in Russian.

The rest of the paper is organized as follows: in section 2, I outline the three pillars of the cartographic approach. In section 3, I provide some basic information about eventive nominalizations in Russian and their analysis assumed in this paper. In section 4, I investigate how the two orders of arguments in such nominalizations are to be derived syntactically and examine how topic and focus work in these constructions. Section 5 concludes the paper and opens avenues for future research.

2. The three pillars of the cartographic approach

The first one to analyze topic and focus systematically within the cartographic approach was Luigi Rizzi [Rizzi 1997]. He proposed that the CP should be split into several functional projections, including two TopPs and a FocP sandwiched between them. TopPs are to host topical(ized) elements while the FocP is the location of the focused element. Underscoring this analysis is the first pillar on which the cartographic approach in general rests: the **One Feature One Head (OFOH) principle**: “Each morphosyntactic feature corresponds to an independent syntactic head with a specific slot in the functional hierarchy” [Cinque, Rizzi 2008: 45]. According to this principle, if topic and focus are to be considered

as morphosyntactic features, carried by elements interpreted as topics or foci, there must be at least one TopP and one FocP. As we shall see later, several other TopPs and FocPs, other than those postulated by Rizzi in the split CP, have been proposed in subsequent research.

The second pillar on which the cartographic approach rests is the notion of **antisymmetry** [Kayne 1994]. According to the antisymmetry, there is only one layout for any functional projection, with a specifier preceding the head and the complement following the head. Notably, antisymmetry allows for only a single specifier and no adjunction. Thus, antisymmetry provides functional projections that can be stacked one on top of another, creating right-branching structures of increasing complexity.

Because the antisymmetry reduces the word order possibilities that can be derived by Merge (for instance, VO but not OV can be derived by Merge), any analysis within the antisymmetry framework must rely more heavily on movement, and in many cases one must resolve to remnant movement, which is sometimes preceded by evacuation of elements that should not move with the remnant. For example, the final position of focused subjects (in VS order) can be derived within this framework by first moving the subject out of VP, vP or even TP and then moving the remnant VP, vP or TP to the left of the subject. In many cases, such evacuation-plus-remnant movement mimics the effects of rightward movement, without there being rightward movement, which is ruled out by the antisymmetry.

The third pillar of the cartographic approach is the notion of **triggered movement**: if each functional head is endowed with a specific morphosyntactic feature, it attracts phrases with a matching feature to its specifier. It is therefore unexpected that the movement of a certain phrase X would have interpretive effects on another phrase Y not directly involved in the movement operation; see [Van Craenenbroeck 2009] for a detailed discussion.

In what follows, we shall see that all three pillars of the cartographic approach are challenged by data and data-driven analyses of topic and focus in eventive nominalizations in Russian. But first, some background about eventive nominalizations is in order.

3. Eventive nominalizations in Russian

Eventive nominalizations in Russian, as in (1a-b), received much attention in the syntactic literature. However, the possibility of flipping the order of the arguments in such nominalizations (but not in result nominals, as in (1c-d)) has been merely acknowledged but not explained.

- (1) a. *kollekcionirovanie*   *redkix monet*   *millionerom Pupkinym*
 collecting   [rare coins].GEN   [millionaire Pupkin].INSTR
 ‘millionaire Pupkin’s collecting of rare coins’ {a = b}
- b. *kollekcionirovanie*   *millionerom Pupkinym*   *redkix monet*
 collecting   [millionaire Pupkin].INSTR   [rare coins].GEN
- c. *kollekcija*   *redkix monet*   *millionera Pupkina*
 collection   [rare coins].GEN   [millionaire Pupkin].GEN
 ‘millionaire Pupkin’s collection of rare coins’ {c = d}
- d. *kollekcija   *millionera Pupkina*   *redkix monet*
 collection   [millionaire Pupkin].GEN   [rare coins].GEN

For example, [Babby 1997] points out that if one of the arguments in an eventive nominalization is pronominal, it appears first (this is true regardless of whether the pronominal argument is the S/external argument or the O/internal argument):

- (2) a. *kollekcionirovanie*   *imi*   *marok*
 collecting   they.INSTR   stamps.GEN
 ‘collecting of stamps by them’
- b. *kollekcionirovanie*   *ix*   *det’mi*
 collecting   they.GEN   children.INSTR
 ‘collecting of them by children’

What remains unexplained so far is how the two argument orders (SO and OS) are derived syntactically, what positions the two arguments occupy in each order, and which order serves to encode which information structure(s). The goal of this paper is to address these issues.

As in previous analyses of eventive nominalizations in Russian (especially [Lyutikova 2014; Pereltsvaig, Lyutikova, Gerasimova 2018; Pereltsvaig 2018, to appear], I assume that such nominalizations are produced by embedding a verbal structure under nominal functional projections. In particular, the verbal portion of the structure is assumed, following [Pazel’skaya, Tatevosov 2003, Tatevosov 2008], to include *vP*, the projection where the external argument (S) is merged, and *AspP*, the projection hosting the secondary imperfective *-yva*. As shown by Pazel’skaya and Tatevosov, aspectual morphology which is structurally higher than *-yva* cannot be included in eventive nominalizations. The nominal portion of the structure includes not only the DP, but also a much

lower functional projection nP , which hosts the nominalizing morphology [Pereltsvaig, Lyutikova, Gerasimova 2018; Pereltsvaig 2018, to appear], as well as the functional projections in between, such as NumP. The derived noun does not raise all the way to D° (as in [Abney 1987]) but appears as low as n° . Because (as we shall see below), the S and O arguments cannot appear to the left of the derived noun, they must appear in positions located within the verbal portion of the structure, regardless of their surface order.

According to [Pereltsvaig to appear], the two argument orders are derivationally related, and the SO order is basic. The latter conclusion is reached based on the Scope Freezing Generalization [Antonyuk 2015], which states that when two scopal elements are present, the Merge order is scopally ambiguous, whereas movement of one of the scopal elements results in scope freezing. In eventive nominalizations, the SO order, as in (3a), is scopally ambiguous, whereas the OS order, as in (3b), is not. It is thus concluded that the SO order is the Merge order of arguments. This conclusion is entirely unsurprising because in clauses the external argument (S) is also merged higher than the internal argument (O).

- (3) a. *otkryvanie kakim-to gostem každoj dveri*
 opening [some guest].INSTR [every door].GEN
 ‘opening by some guest of every door’: $\exists A, \forall E$
- b. *otkryvanie kakoj-to dveri každyj gostem*
 opening [some door].GEN [every guest].INSTR
 ‘opening by some guest of every door’: $\exists A, *A\exists$

This conclusion is further supported by the fact that nominalizations where the two arguments appear in the same morphological case are interpreted as having the SO order, similar to the claim in [Jakobson 1936/1984] regarding simple clauses such as *Mat' ljubit doč* literally ‘Mother loves daughter’. In Jakobson’s example, the morphological form of both the subject and the object does not distinguish nominative and accusative; since we cannot tell which is the subject and which is the object, theoretically one could expect such sentences to be interpreted alternatively as either SVO or OVS, yet Jakobson claimed — and [Sekerina 1997] confirmed this experimentally — that such sentences are interpreted only as the Merge order, SVO.

With eventive nominalizations, the internal argument (O) may be lexically case-marked as instrumental or genitive, and the external argument (S) may have the same morphological case [Pereltsvaig, Lyutikova, Gerasimova 2018].

It turns out that when a case configuration obtains where both arguments are marked with the same morphological case, the nominalization is interpreted as SO and not as OS.

- (4) a. *kasanie snarjada bëder*
 touching crossbar.GEN hips.GEN
 ‘touching of the crossbar at the hips’ [Google hit]
 NOT: ‘touching of the hips at the crossbar’
- b. *upravlenie kuxarkoj gosudarstvom*
 managing cook.INSTR state.INSTR
 ‘managing of the state by a cook’ [Google hit]
 NOT: ‘managing of the cook by the state’

4. Deriving the two argument orders and topic / focus

If the SO order of arguments in eventive nominalizations is the basic / Merge order, the next question is how is the OS order derived. There are in principle two ways to derive it: by moving the S to the right of O, or by moving the O to the left of S. Let’s consider these possibilities in turn.

The first way to derive the OS order is to move the S rightward. If we assume the antisymmetry framework (in line with the cartographic approach, as explained above), the movement of S to the right can be mimicked, without allowing for rightward movement, by remnant movement. Specifically, the S must be first evacuated out of the ν P, to a position immediately above the n P (recall that the derived noun, which appears before both arguments regardless of their mutual order, occurs in n°). Then, a remnant movement of n P, which now contains only the derived noun and the O (in that order) moves to a position to the left of the S. The relevant landing sites, within the cartographic approach, would be the Spec-FocP for the S and the Spec-TopP for the remnant n P. (In keeping with Rizzi’s proposal, the TopP is projected above the FocP.)

Note, however, that this derivation of the OS order predicts that the S is always nominalization-final and other elements such as adjunct PPs, which move up with the rest of the remnant, cannot follow the S. Yet, this prediction is not borne out: adjunct PPs (in bold in examples below) can actually follow the S. Both orders in (5) are possible, and for some speakers the order in (5a) is preferred over (5b). Yet, (5a) is exactly the order that the cartographic approach relying on remnant movement would predict to be ungrammatical.

(The only way to achieve the order in (5a) within the cartographic / antisymmetry approach is to evacuate the adjunct PP to a position outside of the *nP*, then evacuate the S to a position even higher than the landing site of the PP, then move the remnant, now containing only the derived noun *raskladyvanie* ‘putting’ and the O *veščej* ‘of things’, to a position above the landing site of the S. However, while one can motivate the evacuation of the S by the need to move it to Spec-FocP, there no motivation for evacuating two different elements out of the remnant.)

- (5) a. *raskladyvanie*   *veščej*   *uborščicej*   ***po mestam***
 putting   things.GEN   cleaner.INSTR   in places
 ‘putting things in their places by the cleaner’
- b. ? *raskladyvanie*   *veščej*   ***po mestam***   *uborščicej*
 putting   things.GEN   in places   cleaner.INSTR
 ‘putting things in their places by the cleaner’

We thus must conclude that the OS order is derived not by moving S to the right of O (or the equivalent evacuation-plus-remnant-movement), but by moving the O to the left of S, akin to the “left-shift” in [Samek-Lodovici 2015]. [Pereltsvaig to appear] assumes this analysis and shows that the relevant movement of O is an instance of A'- rather than A-movement. The evidence in support of it being A'-movement come from data concerning Binding and Weak Cross Over. For example, in the OS order, the O cannot bind the S, as shown in (6a), while in the SO order the S can bind the O, as shown in (6b). Thus, the fronting of the object does not feed into binding relations; hence, it is not A-movement.

- (6) a. *podderživanie   *partnerov*   *drug drugom*
 supporting   partners.GEN   [each other].INSTR
 intended: ‘the partners’ supporting each other’
- b. *podderživanie*   *partnerami*   *drug druga*
 supporting   partners.INSTR   [each other].GEN
 ‘supporting of each other by the partners’

The next question is where the A'-movement of the O lands. In principle, there are three possible landing sites: (i) Spec-AspP, (ii) an adjoined position, or (iii) a Spec-TopP or Spec-FocP. Within the cartographic approach, each of these options is problematic in its own way. Placing the moved O into Spec-AspP,

for example, violates the first pillar of the cartographic approach — the OFOH principle: since the AspP is the projection hosting an aspectual morpheme, it cannot, by the OFOH principle, accommodate anything other than an element with the corresponding aspectual feature. Adjunction, likewise, is ruled out by the cartographic approach, particularly by its second pillar, the antisymmetry. So could the landing site of O be in the TopP or FocP?

To answer this question, we need to consider how topic and focus work in eventive nominalizations. In order to avoid terminological confusion, I assume the definitions of topic and focus, as well as of contrastiveness, as given in the state-of-the-art article by [Féry, Ishihara 2016]. To start with the new information focus, whether the focused element is the S or the O, it appears following the non-focused argument (as pointed out above, a non-focused PP adjunct can follow the focused argument). To illustrate, consider the examples in (7): the example in (7a) is from a text about Roman history; here, the S ‘by the Romans’ is backgrounded and the O ‘of Carthage’ is the new information focus, and hence the order is SO. In contrast, the example in (7b) is from a text about Jewish history. Here, the O ‘of Jerusalem’ is backgrounded and the S ‘by Vespasian’ is the new information focus; hence the order is OS.

- (7) a. *razrušenie rimljanami Karfagena*
 destruction Romans.INSTR Carthage.GEN
 ‘destruction of Carthage by the Romans’
- b. *razrušenie Ierusalima Vespasianom*
 destruction Jerusalem.GEN Vespasian.INSTR
 ‘destruction of Jerusalem by Vespasian’

Contrastive focus works differently in that it must be intonationally emphasized; yet it is similar to the new information focus in that its preferred position is nominalization-final, contrary to the generalization in [Neeleman et al. 2009: 36] that “contrastive foci typically occupy positions further to the left” in Russian. Crucially, the contrastively focused element cannot precede the derived noun; this applies regardless of whether the contrastively focused element is the S or the O:

- (8) *Opiši-ka*
 describe-please
- a. **IERUSALIMA razrušenie rimljanami (a ne Karfagena)*
 Jerusalem.GEN destruction Romans.INSTR and not Carthage.GEN
 intended: ‘destruction of JERUSALEM by the Romans (and not of Carthage)’

- b. **RIMLJANAMI razrušenie Ierusalima (a ne vavilonjanami)*
 Romans.INSTR destruction Jerusalem.GEN and not Babylonians.INSTR
 intended: ‘destruction of Jerusalem by the ROMANS
 (and not by the Babylonians)’

It is possible to place the contrastively focused element, again whether it is the S or the O, in the medial position, between the derived noun and the non-focused argument; however, to some speakers this order is degraded:

(9) *Opiši-ka*

describe-please

- a. ? *razrušenie IERUSALIMA rimljanami (a ne Karfagena)*
 destruction Jerusalem.GEN Romans.INSTR and not Carthage.GEN
 ‘destruction of JERUSALEM by the Romans (and not of Carthage)’
- b. ? *razrušenie RIMLJANAMI Ierusalima (a ne vavilonjanami)*
 destruction Romans.INSTR Jerusalem.GEN and not Babylonians.INSTR
 ‘destruction of Jerusalem by the ROMANS
 (and not by the Babylonians)’

Thus, the preferred placement for the contrastively focused argument, be it the S or the O, is nominalization-final:

(10) *Opiši-ka*

describe-please

- a. *razrušenie rimljanami IERUSALIMA (a ne Karfagena)*
 destruction Romans.INSTR Jerusalem.GEN and not Carthage.GEN
 ‘destruction of JERUSALEM by the Romans (and not of Carthage)’
- b. *razrušenie Ierusalima RIMLJANAMI (a ne vavilonjanami)*
 destruction Jerusalem.GEN Romans.INSTR and not Babylonians.INSTR
 ‘destruction of Jerusalem by the ROMANS
 (and not by the Babylonians)’

This is further confirmed by naturally-occurring examples such as the following, where the contrasted elements are boldfaced. As can be seen in these examples, the contrastively focused S ‘by the Germans’ appears after the O ‘of Lvov’.

- (11) a. *sperva prisoeдинenie k SSSR, a potom*
 first inclusion into USSR and then

zaxvat L'vova nemcami
 capture Lvov.GEN Germans.INSTR

‘first the inclusion into the USSR and then the capture of Lvov by the Germans’ [<https://vesti-ukr.com/kultura/240899-126-litrov-dlja-prodigy-i-tjazhelye-zvezdy-ua>]

- b. *zaxvat L'vova nemcami,*
 capture Lvov.GEN Germans.INSTR

vsled za kotorymi banderovcy
 after which Bandera.followers

‘the capture of Lvov by the Germans after which (came) followers of Bandera’ [<http://www.km.ru/forum/world/2014/07/10/protivostoyanie-na-ukraine-2013-14/744572-konstantin-sivkov-strelkov-demonstriruet->]

Furthermore, contrastive topics precede contrastive foci, in eventive nominalizations as in clauses. This applies regardless of whether contrastive topics are the S or the O:

- (12) *Da razve možno sravnivat'*
 PRT whether possible to.compare

- a. *razrušenie Stalingrada nemcami i Berlina sojuznikami*
 destruction Stalingrad.GEN Germans.INSTR and Berlin.GEN allies.INSTR
 ‘destruction of Stalingrad by the Germans and of Berlin by the allies’

- b. *razrušenie nemcami Stalingrada i sojuznikami Berlina*
 destruction Germans.INSTR Stalingrad.GEN and allies.INSTR Berlin.GEN
 ‘destruction by the Germans of Stalingrad and by the allies of Berlin’

Importantly, the relative placement of topics and (new information or contrastive) foci is blind to their syntactic function as the S or the O. The overall generalization is that new information foci and contrastive foci appear in the nominalization-final position (with a marginal possibility for contrastive foci to appear medially for some speakers and a possibility of post-focus placement of PP adjuncts); moreover, contrastive topics precede contrastive foci.

In order to capture these facts within the cartographic approach, that is by placing relevant elements in TopP or FocP, we need a new set of dedicated TopP and FocP projections, located below *nP*, which (as you would recall) hosts the derived noun. Recall that [Rizzi 1997] postulated that TopP and FocP projections are located in the split CP. Shortly thereafter [Belletti 2004] added another set of TopP and FocP projections at the left periphery of *vP*. Similar TopP and FocP projections have also been proposed in various locations throughout the DP. For example, [Giusti 1996, 2006] proposed topic / focus-related projections at the left periphery of the DP, while [Bastos-Gee 2011] proposed another set of such projections at the left periphery of *nP*. Yet, TopP / FocP projections postulated by [Giusti 1996, 2006] in the split DP are too high for the present purposes: as shown by [Pereltsvaig 2018], all nominalization-specific (morpho-)syntax occurs at or below *nP*. Even the TopP/FocP projections postulated by [Bastos-Gee 2011] are too high to capture the word order alternations within the Russian eventive nominalizations because these projections are located **above** the *nP*, while the arguments (regardless of their topic / focus status) do not cross *n*^o (i.e. the position of the derived noun). In order to capture these facts by using TopP and FocP projections, we would need to postulate a third set of such projections within the DP, below *nP*. Yet, this proliferation of dedicated topic and focus projections detracts from the original elegance of Rizzi's proposal [Rizzi 1997].

An alternative in keeping with the cartographic approach would be to rely on the dedicated TopP and FocP projections located at the left periphery of the *vP*, as proposed by [Belletti 2004]. In terms of the functional architecture, these projections would be in the right place: just below *nP*. However, it is not clear whether the existence of such projections is supported by the Italian data that Belletti examined in the first place. In particular, she showed that postverbal subjects in VOS constructions in Italian (e.g. *Ha comprato il giornale Maria* literally 'has bought the newspaper Mary') express new information focus and appear low in the structure. She then concluded that these subjects are in a low FocP projection; moreover, she also claimed that the high FocP (in split CP) and the low FocP (at the *vP* periphery) are different in that the low FocP is restricted to information Focus, whereas the high FocP can express contrastive Focus. However, there are good reasons to believe that there is no such structurally low FocP projection and that postverbal subjects (expressing new information focus) in Italian stay *in situ* [Brunetti 2004, section 5.5.2; Samek-Lodovici 2015, section 3.3.].

Short of compelling evidence in favour of such low nominal TopP and FocP projections, postulating them all over the place solely to account for word order facts violates the OFOH principle, the first pillar of the cartographic approach. Note also that the facts uncovered in this paper also challenge the third pillar of the cartographic approach, namely the idea that all movement is triggered. Here, I showed that the backgrounded O moves to the left of S in order to allow for the latter to become the new information focus. In other words, the movement of O has an interpretative effect on S, contrary to the tenets of the cartographic approach. Moreover, the optionality of contrastive focus triggering movement is also a problem for the triggered movement principle.

5. Conclusions and avenues for further research

In this paper, I compared two approaches to modeling topic / focus: the cartographic approach, pioneered by [Rizzi 1997], and the anti-cartographic approach, developed by [Neeleman, Van de Koot 2008, *inter alia*]. I showed that the three pillars of the cartographic approach, namely the OFOH principle, the antisymmetry and the notion of triggered movement, are all challenged by the facts concerning the realization of topic and focus in eventive nominalizations in Russian. In particular, I argued that the OS order of arguments in eventive nominalizations is derived by moving the O to the left of the S, so that the S can function as the new information focus (or contrastive focus). Such movement violates the notion of triggered movement because the element moving is not the element that acquires an interpretative effect from the movement. Furthermore, moving the O into the Spec-AspP violates the first pillar of the cartographic approach, the OFOH principle, which requires each functional projection to be dedicated to one and only one morphosyntactic feature (in this instance, Aspect). Likewise, moving the O into an adjoined position is contrary to the antisymmetry, yet another pillar of the cartographic approach. Finally, in order to handle the topic / focus in eventive nominalizations, a special set of TopP and FocP projections is needed low in the structure, below the *nP*, which hosts the derived noun.

All in all, I reaffirm the conclusion of [Samek-Lodovici 2010: 817] about the “fine-grained parallelism between [...] clauses and DPs with respect to focus” and claim that this parallelism cannot be captured within the cartographic framework, along the lines of [Rizzi 1997]. Instead, an anti-cartographic analysis of topic / focus is to be developed for Russian eventive nominalizations,

along the lines of proposals that treat Information Structure as a separate linguistic interface [Vallduví 1992; Zubizarreta 1998; Samek-Lodovici 2006, 2010, 2015; Neeleman, Van de Koot 2008; Neeleman et al. 2009; *inter alia*], and specifically for Russian [Bailyn 2012; Titov 2012]. Here, only an outline of such an analysis is offered and many issues remain open for future research.

Once we abandon the cartographic approach and its three pillars, an analysis can be recast as follows. First, focus — whether new information and contrastive — occurs rightmost in a clause or nominalization (alternatively: rightmost in a *vP*). If the focused element is not merged in the rightmost position, there occurs a “raising of lower unfocused constituents to the left of focus, as this aligns focus and the associated stress with the clause right edge” [Samek-Lodovici 2016: 207], or as [Jasinskaja 2016: 724] puts it, “word order optimization so as to realize the nuclear accent in sentence-final position”.

In eventive nominalizations, this “word order optimization” applies primarily to non-focused arguments rather than adjuncts, which can stay in the post-focus position. In this respect, nominalizations differ from clauses, where not only adjuncts but also arguments can occur to the right of the focused element, analyzed by [Samek-Lodovici 2006, 2010, 2015] as right-dislocated. (For analogous Italian data, see [Samek-Lodovici 2016: 206].)

(13) Context:

<i>A</i>	<i>čto,</i>	<i>nikto</i>	<i>ne</i>	<i>zakazal</i>	<i>krasnogo</i>	<i>vina?</i>
and	what,	nobody	not	ordered	red	wine?

<i>Net,</i>	<i>ne</i>	<i>VYPIL</i>	<i>nikto</i>	<i>krasnogo</i>	<i>vina.</i>
no	not	DRANK	nobody	red	wine

‘No, nobody DRANK red wine.’

Going back to eventive nominalizations, rather than be right-dislocated, the *O* moves by *A'*-movement to a position immediately to the right of the *n*^o. In other words, it never leaves the verbal portion of the nominalization. Having set aside the second pillar of the cartographic approach, we are free to assume that the *O* moves to an adjoined position.

In addition to licensing focus in the rightmost position, mapping rules, encoding which features or their combinations result in which intonational contours, need to be postulated to account for the prosodic effects of the Information Structure, along the lines of [Neeleman, Van de Koot 2008; Neeleman et al. 2009]. A detailed investigation of the prosody in eventive nominalizations is left for future research.

Abbreviations

GEN – genitive case, INSTR – instrumental case, PRT – particle.

References

- Abney 1987 — Abney S.P. The English noun phrase and its sentential aspect. Ph.D. thesis, MIT, 1987.
- Antonyuk 2015 — Antonyuk S. Quantifier scope and scope freezing in Russian. Ph.D. thesis, SUNY Stony Brook, 2015.
- Babby 1997 — Babby L. Nominalization in Russian. Proceedings of FASL 4. Ann Arbor, MI: Michigan Slavic Publications, 1997. P. 54–83.
- Bailyn 2012 — Bailyn J. The syntax of Russian. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
- Bastos-Gee 2011 — Bastos-Gee A.C. Information structure within the traditional nominal phrase: The case of Brazilian Portuguese. Ph.D. thesis. University of Connecticut, 2011.
- Belletti 2004 — Belletti A. Aspects of the low IP area. Rizzi L. (ed.). The structure of CP and IP. The Cartography of Syntactic Structures, Volume 2. Oxford: OUP, 2004. P. 16–51.
- Brunetti 2004 — Brunetti L. A Unification of focus. Padova: Unipress, 2004.
- Cinque, Rizzi 2008 — Cinque G., Rizzi L. The cartography of syntactic structures. Studies in Linguistics. 2008. Volume 2. P. 42–58.
- Féry, Ishihara 2016 — Féry C., Ishihara S. Introduction. Féry C., Ishihara S. (eds.). The Oxford handbook of information structure. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 1–15.
- Giusti 1996 — Giusti G. Is there a FocusP and a TopicP in the Noun Phrase structure? University of Venice Working Papers in Linguistics, 1996. Volume 6, issue 2. P. 105–128.
- Giusti 2006 — Giusti G. Parallels in clausal and nominal periphery. Frascarelli M. (ed.). Phases of interpretation. Berlin: Mouton de Gruyter, 2006. P. 163–184.
- Jakobson 1936/1984 — Jakobson R. Beitrag zur Allgemeinen Kasuslehre. Gesamtbedeutungen der Russischen Kasus. Waugh L., Halle M. (eds.). Russian and Slavic grammar. Studies by Roman Jakobson. Berlin: Mouton, 1936/1984. P. 59–103.
- Jasinskaja 2016 — Jasinskaja K. Information structure in Slavic. Féry C., Ishihara S. (eds.). The Oxford handbook of information structure. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 709–734.
- Kayne 1994 — Kayne, R. The anti-symmetry of syntax. Cambridge, MA: The MIT Press, 1994.
- Lyutikova 2014 — Лютикова Е. Русский генитивный посессор и формальные модели именной группы. Лютикова Е., Циммерлинг А., Коношенко М. (ред.) Типология морфосинтаксических параметров 2014 [Lyutikova E. Russian genitive possessor and formal models of NP. Lyutikova E., Zimmerling A., Konoshenko M. (eds.). Tipologija morfosintaksičeskix parametrov 2014]. Moscow: MGGU, 2014. P. 121–145.
- Neeleman, Van de Koot 2008 — Neeleman A., Van de Koot H. The nature of discourse templates. Journal of Comparative Germanic Linguistics, 2008. Volume 11. P. 137–189.
- Neeleman et al. 2009 — Neeleman A., Titov E., Van de Koot H., Vermeulen R. A syntactic typology of topic, focus and contrast. Van Craenenbroeck J. (ed.). Alternatives to Cartography. Berlin: Walter de Gruyter, 2009. P. 15–51.
- Pazel'skaya, Tatevosov 2003 — Pazel'skaya A., Tatevosov S. Nominalization in Russian: eventuality types and aspectual properties. Paper presented at FDSL-5, Leipzig, 2003.
- Pereltsvaig 2018 — Pereltsvaig A. Eventive nominalizations in Russian and the DP/NP debate. Linguistic Inquiry, 2018. Vol. 49, No. 4. P. 876–885.

- Pereltsvaig to appear — Pereltsvaig A. Word order and the structure of eventive nominalizations in Russian. *Proceedings of FASL 27*. Ann Arbor, MI: Michigan Slavic Publications, to appear.
- Pereltsvaig, Lyutikova, Gerasimova 2018 — Pereltsvaig A., Lyutikova E., Gerasimova A. Case marking in Russian eventive nominalizations: Inherent vs. dependent case theory. *Russian Linguistics*, 2018. Vol. 42, No. 2. P. 221–236.
- Rizzi 1997 — Rizzi L. The Fine Structure of the left periphery. Haegeman L. (ed.). *Elements of grammar*. Dordrecht: Kluwer, 1997. P. 281–337.
- Samek-Lodovici 2006 — Samek-Lodovici V. When right dislocation meets the left-periphery. A unified analysis of Italian non-final focus. *Lingua*. 2006. Volume 116. P. 836–873.
- Samek-Lodovici 2010 — Samek-Lodovici V. Final and non-final focus in Italian DPs. *Lingua*. 2010. Vol. 120. P. 802–818.
- Samek-Lodovici 2015 — Samek-Lodovici V. The interaction of focus, givenness, and prosody. A study of Italian clause structure. Oxford, UK: Oxford University Press, 2015.
- Samek-Lodovici 2016 — Samek-Lodovici V. Constraint conflict and information structure. Féry C., Ishihara S. (eds.). *The Oxford handbook of information structure*. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 203–224.
- Sekerina 1997 — Sekerina I. Scrambling and configurationality: Evidence from Russian syntactic processing. *Proceedings of FASL 4*. Ann Arbor, MI: Michigan Slavic Publications, 1997. P. 435–463.
- Tatevosov 2008 — Татевосов С. Номинализация и проблема непрямого доступа. Динамические модели: Слово. Предложение. Текст. [Tatevosov S. Nominalization and the problem of indirect access. Dinamičeskie modeli: Slovo. Predloženiye. Tekst.]. Moscow, 2008. P. 750–773.
- Titov 2012 — Titov E. (2012) Information structure of argument order alternations. Ph.D. thesis. UCL, 2012.
- Vallduví 1992 — Vallduví E. The informational component. New York: Garland, 1992.
- Van Craenenbroeck 2009 — Van Craenenbroeck J. Alternatives to cartography: An introduction. Van Craenenbroeck J. (ed.). *Alternatives to Cartography*. Berlin: Walter de Gruyter, 2009. P. 1–14.
- Zubizarreta 1998 — Zubizarreta M.L. Prosody, focus and word order. Cambridge, MA: MIT Press, 1998.

Статья поступила в редакцию 09.11.2018

The article was received on 09.11.2018

Ася Михайловна Перельцвайг

Ph.D.; независимый исследователь

Asya M. Pereltsvaig

Ph.D.; independent scholar

asya_pereltsvaig@yahoo.com

**ИССЛЕДОВАНИЕ ВАРИАТИВНОГО ОФОРМЛЕНИЯ
ПРЯМОГО ДОПОЛНЕНИЯ В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ
В ЗЕРКАЛЕ ДВУХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ:
ЭЛИЦИТАЦИЯ И КОРПУСНЫЙ АНАЛИЗ***

Н. В. Сердобольская

Институт языкознания РАН,

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

Данные элицитации выделяют референциальный статус в качестве базового фактора распределения маркирования прямого дополнения в бесермянском удмуртском, в то время как для литературного языка более важным фактором принято считать одушевленность. В настоящей работе анализируются данные корпуса бесермянского удмуртского (10 539 предложений, 2187 именных групп в позиции прямого дополнения). Корпусной анализ позволяет определить конкретный вес различных значений двух факторов. В контексте одушевленных прямых дополнений аккузатив расширяет свое употребление на неопределенные и нереперентные группы (за исключением некоторых лексических классов), а в контексте неодушевленных начинает употребляться в контексте определенных или «тяжелых» групп.

Ключевые слова: вариативное оформление прямого дополнения, одушевленность, определенность, аккузатив, посессив, удмуртский язык, бесермянский диалект, бесермянское наречие

---

* Работа поддержана грантом РФФ №18-18-00462. Автор приносит благодарность С. Ю. Толдовой, Д. В. Горшкову и О. И. Беляеву за помощь в обработке данных.

**DIFFERENTIAL OBJECT MARKING IN UDMURT
APPROACHED BY TWO METHODOLOGIES:
ELICITATION VS. CORPUS ANALYSIS***

*Natalia Serdobolskaya
Institute of Linguistics RAS,
Pushkin State Russian Language Institute*

Elicitation sessions in Beserman Udmurt show the relevance of referential properties of the DO for the choice of its marking; however, for Standard Udmurt animacy has been claimed to play a more significant role. This study involves a corpus analysis of Beserman Udmurt (10 539 sentences, 2187 DOs), which permits to establish the exact rank of each value of both parameters. For animates, the use of the accusative is expanded onto indefinite/non-specific DOs, excluding some lexical classes; for inanimates, its use is shifted from definite DOs to definite and “heavy” DOs.

Keywords: differential object marking, animacy, definiteness, accusative, possessive, Udmurt, Beserman

---

* The work is supported by the RSF grant No 18-18-00462. I would like to thank Svetlana Toldova, Dmitriy Gorshkov and Oleg Belyaev for their help with data processing.

1. Introduction

Linguists are not always unanimous in regards to the choice of the methodology while working with minority languages. Specifically, many debates are raised around the advantages and drawbacks of two methodologies, elicitation and corpus-based analysis. This study contributes to this debate, showing what information can be found by application of those methods to a specific phenomenon in one and the same idiom.

The study is focused on differential object marking in Beserman Udmurt. The phenomenon of differential object marking (DOM) has gained wide attention of researchers since [Bossong 1985] on Persian. It involves constructions with transitive verbs that mark their objects in two or more different ways. For example, in Spanish animate DOs can take a preposition *a*, while inanimate DOs occur unmarked [de Swart 2007: 129]:

- (1) a. *Mari vió a la mujer.*
Mari saw a the woman
'Mari saw the woman.'
- b. *Mari vió (*a) la mesa.*
Mari saw a the table
'Mari saw the table.'

DOM has been analyzed both as a separate phenomenon [de Swart 2007] and as part of a large number of phenomena under the label of differential argument marking [Witzlack-Makarevich, Seržant 2017], together with differential subject marking. DOM is widespread among language families and areals, comprising the Uralic languages.

The list of factors influencing the choice of the marker in cases similar to (1)–(2) includes the following [Moravcsik 1978]: tense, aspect, modality, polarity, information structure of the sentence, referential properties of the DO, DO's animacy.

This paper treats this phenomenon in one of the Permic languages, Udmurt (Beserman dialect), comparing the results obtained in elicitation sessions and the results of the corpus analysis. The data come from my field data collected in 2003–2005 and 2009–2012 and the corpus of Beserman Udmurt (http://beserman.ru/corpus/search/?interface_language=en; approx. 75 000 tokens).

2. DOM in Permic languages and in Beserman Udmurt

[Witzlack-Makarevich, Seržant 2017] classify the systems of DOM based on morphological markedness of the DO, among other parameters; the systems with non-marked DOs are termed as asymmetrical, as they present the opposition of presence vs. absence of morphological encoding. Permic languages offer the threefold variant of DOM, where the non-marked variant (2) is opposed to two DO markers, one of which is the accusative case marker (3) and the one belongs to the paradigm of possessive markers inflected for person and number (4). See some examples from Beserman Udmurt:

- (2) *uj-âñ nâl-âz gur est-i-z.*
 night-LOC girl-P.3(SG) oven stoke-PST-3(SG)
 ‘At night the girl has stoked the oven.’ [Corpus]

- (3) *ž’ič’â až’-i-z kâš’pu-ez.*
 fox see-PST-3(SG) birch-ACC
 ‘(The wolf carried a birch to make a new shaft for the cart.) The fox saw the birch and scolded the wolf.’ [Corpus]

- (4) *nu nâl-de ta-t-âš’ č’ašša-je gu-e.*
 carry(IMP.SG) daughter-ACC.P.2(SG) this-OBL-EL forest-ILL pit-ILL
 ‘(The step-mother said her husband) Carry your daughter away to the forest hut.’ [Corpus]

Udmurt has developed a special marker *-tâ* for plural DOs (non-possessive):

- (5) *so vel’t-e č’ašja-je č’âž-jos-tâ âb-âl-ânâ.*
 that go-PRS.3SG forest-ILL duck-PL-ACC.PL shoot-ITER-INF
 ‘He often goes to the forest to shoot ducks.’

This marker is in complimentary distribution with the possessive, cf. (5) and (6).

- (6) *Vaš’a pâd-jos-se kott-i-z.*
 Vasya leg-PL-ACC.P.3(SG) wet-PST-3(SG)
 ‘Vasya has wetted his legs.’

DOs with plural semantics can also occur without the marker of plurality; the distribution of the plurality marker is beyond the scope of this paper.

The possessive markers of DO are part of the large paradigm that differentiates markers based on the possessor’s person, number, syntactic position of the

head and (in)alienability. As shown in Table 1, the DO set is differentiated from other markers both in form (different vowel and vowel/consonant order, special marking of plural possessors) and function (it does not distinguish between alienable and inalienable possession).

Table 1. The paradigm of possessive suffixes in Beserman Udmurt¹

	DO set	non-DO set: inalienable	non-DO set: alienable
P.1SG	<i>-me</i>	<i>-(j)â / -m²</i>	<i>-(j)e</i>
P.2SG	<i>-de / -te</i>	<i>-(j)âd / -d</i>	<i>-(j)ed</i>
P.3SG	<i>-ze / -se</i>	<i>-(j)âz / -z</i>	<i>-(j)ez</i>
P.1PL	<i>-mes</i>	<i>-(â)mâ</i>	
P.2PL	<i>-des / -tes</i>	<i>-(â)dâ / -tâ</i>	
P.3PL	<i>-zes / -ses</i>	<i>-(â)zâ / -sâ</i>	

The possessive markers can denote the possessive relation between the DO and some participant in the discourse, as in (6). However, they are widely used as referential devices [Suihkonen 2005, Winkler 2011], as in (7), where the DO ‘dust’ is aforementioned.

- (7) *val = no kopot'-se š'ij-e = ke kâz-e.*
 horse = ADD dust-ACC.P.3(SG) eat-PRS.3SG = if cough-PRS.3SG
 ‘(Our hay is with dust.) And each time the horse eats (some of) the dust, it coughs.’ [Corpus]

In similar cases the possessive relation can hardly be observed, and the possessive suffixes are obviously employed as referential markers. This leads some researchers to consider the hypothesis of the article-like status of possessive markers in Udmurt [Fraurud 2001]; however, this hypothesis is rejected based on the non-obligatoriness of possessives in contexts of definiteness/specificity (7) and the large spectrum of meanings they develop (see [Fraurud 2001] for details). The following range of meanings is observed both in Komi varieties and in Udmurt: definiteness, endearment, vocative function, anaphoric function, ethical function (“associative relation” to the hearer/the protagonist), syntactic function: agreement with the modifier in nominal and cardinal phrases

¹ The pronominal set of markers in *-im / -id / -iz* is not included since the present work is only focused on nouns.

² The *-m / -d / -z* variant is used after case markers ending in a vowel.

and in non-finite clauses, see [Alatyrev 1983, Edygarova 2010, Kel'makov 1996, Kuznecova 2012, Suihkonen 2005, Winkler 2011] for Udmurt and [Schlachter 1960, Klumpp 2008] for Komi.

In addition, [Serdobolskaya 2017] and [Serdobolskaya, Usacheva, Arkhangelskiy 2019] identify the following functions: partitive indefinite (indefinite part of a definite set or mass), contrastive topic, semi-active DOs (re-activation of the previous topic in the discourse), introduction of a new topic of the discourse. [Serdobolskaya, Usacheva, Arkhangelskiy 2019] argue for the analysis of possessive markers in terms of pragmaticization: the possessive markers are used in pragmatic functions and constructions associated with these meanings.

In sum, the following markers of DO are available in Beserman Udmurt: no marking, accusative *-ez* for singulars and *-tâ* for plurals, and the possessive markers (Table 1). The present study is mostly focused on the distribution of the non-marked variant and the accusative. The detailed analysis of possessives in DO is given in [Serdobolskaya 2017].

The major works on DOM in Standard Udmurt claim that the following factors govern the distribution of non-marked vs. accusative DOs: definiteness [Perevoshchikov et al. 1962: 93; Csucs 1990: 34; Winkler 2001: 20; Kondrat'eva 2002], quantification and partitivity of the DO [Perevoshchikov et al. 1962; Kondrat'eva 2002; Winkler 2011: 46], animacy of the DO [Kondrat'eva 2010]. For Beserman, the quantification factor plays a minor role in a limited number of contexts. The following discussion is mostly focused on animacy and definiteness of DOs.

3. Animacy vs. definiteness in DOM: results of elicitation sessions in Beserman Udmurt

[Kondrat'eva 2010] claims that animate DOs are mostly marked with the accusative, while the definiteness factor is also of importance. However, the elicitation sessions on Beserman offer the following results: all animacy-based classes (human animate, non-human animate and inanimate) can occur without the accusative. As to the referential properties, native speakers show a strong tendency to mark definite (and attributive-used) DOs with the accusative (or with the possessive), while indefinite specific and non-specific DOs are not marked. Generic DOs are marked with the accusative if they constitute the topic of the sentence (as in 'Potatoes, we dig them in autumn').

Thus, the elicitation sessions show the significance of referential properties of DOs and non-significance of the animacy factor.

This conforms to the well-known generalizations about the use of the accusative in the earlier state of Permic languages. It has been claimed that the accusative goes back to the possessive of 3rd person, which in turn was used a definiteness marker. There is even a point of view that the definiteness function did not arise from the possessive function, but was their original function [Majinskaya 1979; Raun 1988].

The elicitation sessions took place in years 2003–2005 and continued in 2009–2012. During this period of time, the corpus-based methodology could not have been applied until the morphologically-tagged corpus appeared in 2011–2012. The first version of the corpus was developed in the Fieldworks SIL software by Olga Biryuk and contained 33 000 tokens. It was then enlarged by Timofey Arkhangelskiy and transferred to the online search platform that he developed (see http://beserman.ru/corpus/search/?interface_language=en). The present work is based on the version of the corpus dating December 2017, when it contained 75 000 tokens.

Thus, it is important that the elicitation results appeared earlier and were not influenced by the results obtained by corpus analysis. It should also be emphasized that the corpus materials roughly belong to the same time period as the data collected by elicitation (a number of texts date in 2013–2016, when I did not elicit, but I assume that the language did not change significantly between 2013 and 2016).

4. Animacy vs. definiteness in DOM: results of the corpus study of Beserman Udmurt

4.1. Basic distribution

In order to conduct the corpus study, all the corpus texts have been automatically extracted into Microsoft Excel file and divided into separate sentences (I thank Svetlana Toldova and Dmitriy Gorshkov for completing this work). The resulting file contained 10 539 sentences. Each sentence was then manually annotated based on the DO marking and animacy (if the sentence contained a DO). I differentiated between five DO marking types: 2nd person singular possessive, possessive³, (singular) accusative, plural accusative and no marking.

---

³ The 2nd person singular possessive is considered separately for the reason that this marker developed a number of specific pragmatic functions, presumably different from the other markers.

In case a sentence included more than one DO, separate lines were created. The sentences were then analyzed and some subtypes were tagged according to specific parameters (see below).

The distribution of animacy classes and DO marking is shown in Table 2.

Table 2. Distribution of DO marking among animacy-based groups of nouns in the Beserman corpus (10 539 sentences, 2187 DOs)

$$\chi^2 = 367.51, df = 8, p < .0001$$

marker	human animate	non-human animate	inanimate	total
2 nd person possessive	4 (2%)	3 (1%)	42 (2.5%)	49
accusative <i>-ez</i>	72 (33%)	83 (26%)	126 (8%)	281
possessive	69 (32%)	87 (27%)	500 (30%)	656
accusative plural <i>-tâ</i>	26 (12%)	53 (17%)	33 (2%)	112
no marking	45 (21%)	95 (30%)	949 (57.5%)	1089
total	216	321	1650	2187

First, it can be observed that the basic rule formulated in [Kondrat'eva 2010] for Standard Udmurt is in part confirmed for Beserman (contrary to the results of elicitation sessions): accusative (singular and plural) is much more frequent for animates than for inanimates. Vice versa, the frequency of non-marked DOs raises with inanimates. Note that this is not a strict grammatical rule (as shown by elicitation sessions), rather a tendency.

The frequency distribution is significant according to the chi-square test. To understand each cell's departure from independence I used the standardized residuals post-hoc test. The results are represented in the mosaic plot in Figure 1.

The Figure 1 shows that both possessive markers do not demonstrate any significant difference with respect to the animacy parameter. By contrast, accusative (singular and plural) DOs show significantly bigger frequencies for animate DOs (human and non-human) and significantly smaller frequencies for inanimates. Conversely, non-marked DOs are significantly more frequent for inanimates and significantly less frequent for animates (human and non-human).

Thus, there are four cells that show significantly low frequencies: accusative singular and plural with inanimates, non-marked DO for animates of both types. Those cells are marked with bold font in the Table 2. In what follows I am going to consider the material that gave the results for these cells, and try to find an explanation for the disbalanced frequencies.

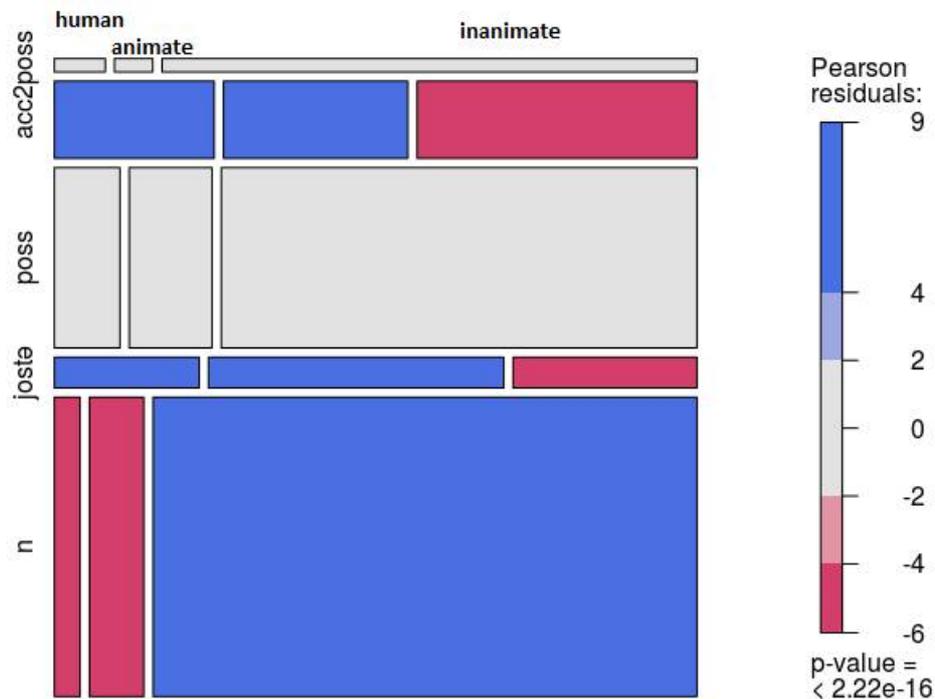

Figure 1. The mosaic plot showing departure of each cell from independence based on Table 2. (Grey is used for non-significant departure, blue for significantly higher frequencies, red for significantly lower frequencies; ACC – accusative, POSS – possessive, N – non-marked).

4.2. Non-marked human animates

The examples with non-marked human animates seem to form a heterogeneous class. At least, they include DOs with different referential properties: there are specific indefinites (8), definites (9), non-specific indefinites (10), generic DOs (11).

(8) *nāl so vaj-i-z, kāk-t-et'i-ze.*
 girl that give-PST-3SG two-OBL-ORD-ACC.P.3(SG)
 'As a second child she bore a girl.' [Corpus]

(9) *prez'ident bārj-em ber-e...*
 president choose-NMLZ behind-ILL
 'After the president has been elected (everything changed).' [Corpus]

(10) *a mužik ton šed'-t-â.*
 and husband you be.found-CAUS-IMP.SG
 '(I'm not married.) And you should find a husband.' [Corpus]

(11) *kāno et'-iš'ko-m, mād-mād-a-mâ š'i-iš'ko-m – ju-iš'ko-m.*
 guest call-PRS-1PL RECP-RECP-LOC/ILL-P.1PL eat-PRS-1PL drink-PRS-1PL
 'We invite guests, eat and drink at each other's houses.' [Corpus]

However, all these examples share one common property: the DO and the verb describe a situation of creating a new object, either physically ('give birth to a child', as in (8)) or socially ('find a husband', 'elect a president', 'invite a guest'). In all those cases the object does not exist as such until the situation described by the verb takes place (the president is not a president until s/he has been elected, as well as the guest is not yet a guest until s/he has been invited).

Thus, all of these situations can be described as "creation of a new object"⁴. Judging from the corpus data, I can conclude that such situations require for DOs to occur in the non-marked form. It could be argued that this rule does not depend on the referential properties of the DO, given that definite DOs are also non-marked (9); however, it is a debatable issue whether such DOs can be analyzed as instances of referential or attributive use [Donnellan 1966; Kripke 1977]. Even if at the given point of time the interlocutors could have the particular president in mind, the noun "president" may be used to point at the specific time period (this clause could be replaced by the phrase "after the elections", without mentioning the president), irregardless of the issue who was president at the current time (see ex. 21 in [Abbott 2011: 62]). Taking this point of view, we need to conclude that the lexical pairs of creation of a new object are likely not to have referential definite DOs at all. However, the verification of this hypothesis needs checking based on elicitation of thoroughly elaborated contextual minimal pairs, which are absent from the corpus.

There are other examples where DOs of this class occur without any marking; these include two particular lexemes 'people' and 'baby' (the non-human-like morphological behavior of these two is quite expected knowing that these lexemes are treated similarly in other languages, e.g. 'baby' in English) and the subclass of non-human mythological characters, as wood-goblin etc.:

- (12) *ken'a-ke*   *až'-i*   *č'aššja-jân*   *č'aššja kuž'o*   *kad'*   *mar = a.*
 how.many-INDEF   see-PST-1SG   forest-LOC   forest   goblin   similar   what-Q
 'Once, when I was in a forest, I saw a wood-goblin, or someone similar.'
 [Corpus]

---

⁴ The relevance of such lexical pairs has been first demonstrated for Komi-Zyrian in [Serdobolskaya, Toldova 2013].

With all the other lexical classes, the accusative is present irregardless of the referential properties of the DO, see example (13) with an indefinite non-specific DO.

- (13) *kak = pe č'eber nāl murt-ez, kâšno murt-ez až'-e – fš'o.*
 as = CIT beautiful girl man-ACC woman man-ACC see-PRS.3SG everything
 'Each time he sees a beautiful girl, a beautiful woman – he comes on to her.' (lit. it's everything) [Corpus]

Hence, I can formulate the following rule: human-denoting DOs are mostly marked with the accusative (or the possessive), with the exception of some lexemes (baby, people, mythological characters) and a specific class of lexical pairs of DO + verb (creation of a new object).

This rule works irregardless of the referential properties of the DO; however, the creation of a new object as such presupposes indefiniteness or non-specificity of the referent (see the discussion after the example (9) above). Thus, it can be claimed that the function of the absence of DO marking has narrowed from indefiniteness/non-specificity to situations of creation of a new object.

4.3. Non-marked non-human animates

For non-human animates, the context of creation of a new object also requires the absence of marking:

- (14) <...> *tin' ož' tin', podruža šed'-t-âsa.*
 here so here girlfriend be.found-CAUS-CVB
 '<...> in this way [the rooster] found himself a girlfriend.' [Corpus]

However, there is a large class of uses that falls out of this rule. These examples either include indefinite/non-specific DOs (as predicted by the referential properties rule in the beginning of the section 3) or are characterized by the semantics of a typical situation (see [Kretov 1992] for the relevance of a similar parameter for Russian; its relevance for DOM is shown in [Serdobolskaya, Toldova 2013] based on the data on Komi-Zyrian). This includes pairs of nouns and verbs denoting specific farm activities, as milking cows, feeding the cattle, shepherding cattle etc. In these cases the non-marking variant is often used even if the DO is definite:

- (15) *parš'-jos-tâ š'ud-iš'ko-m, sre skal kâsk-iš'ko-m.*
 pig-PL-ACC.PL feed-PRS-1PL, then cow milk-PRS-1PL
 '(We usually get up in the morning...) feed the pigs, then milk the cows.'
 [Corpus]

The speaker tells about her everyday activities, thus mentioning the cattle that actually belongs to her. It is therefore not aforementioned, but its existence and uniqueness is established due to presupposition accommodation (as the context implies that it belongs to the speaker). Note that the speaker uses the accusative (plural) for the first DO, and no marking for the DO in the second clause, even if they have the same referential properties.

The relevance of the semantic pairs denoting typical situation is confirmed both by chi-square and Fisher's criteria, see Table 3.

Table 3. Distribution of DO marking with typical situations (for non-human DOs)
 $\chi^2 = 3.551$, $df = 1$, $p = .06$; $F = 0.04594$, $p < .05$

typical situations	yes	no
accusative	4 (14%)	6 (46%)
non-marked DOs	25 (86%)	7 (54%)
total	29	13

The Table 3 shows that most DO occurring in typical situation pairs are not marked, while for other cases the distribution is almost fifty-fifty.

Therefore, for non-human animate DOs the following rules are relevant: 1. There is a tendency for definite DOs to take the accusative, and for all other referential types not to take it; 2. The DO + verb pairs that denote creation of a new object have non-marked DOs; 3. The DO + verb pairs that denote typical situations show a strong tendency towards the absence of the accusative.

4.4. Accusative inanimates

As shown in Figure 1, the situation for inanimates is reversed, which in part follows the generalizations for Standard Udmurt. The whole number of accusative inanimates is 126, which makes 8% of all the inanimate DOs in the corpus. 62 of these examples include definite DOs (16) and 3 of them include attributive DOs.

(16) *kâk-na-ze-s*   *kut-i*   *mon,*   *odig-ze*   *ki-t'i-z*
 two-COLL-ACC.P.3-PL   catch-PST(1SG) I   one-ACC.P.3(SG)   pyka-PROL-P.3(SG)

kut-i   *ðagaũme mešok-ez* *pi*   *nu-e*   *kâ-t-âš'*   *baš'-t-i-d-â!*
 catch-PST-1SG come.on   bag-ACC   AUTOCIT   carry-IMP.PL   where-OBL-EL   take-PST-2-PL

(The speaker is telling the story of two thieves who tried to take a big bag out of the warehouse.) 'I caught them both, I caught one of them by the hand and said: "Come on, carry the bag back to the place you've taken it from!"'

However, definite DOs can also occur non-marked:

- (17) *mašina* [...] ⁵ *mar kar-e, baš't-o-d,*
 car what do-PRS.3SG take-FUT-2(SG)
uža-l-o-d vāldā, baš't-i molokovoz.
 work-EXP-FUT-2(SG) after.all братъ-PST(1SG) milk.tanker
 '(Then I was given a car, a milk tanker.) What shall you do with a car, if you take you're going to work on it, I took the milk tanker.' [Corpus]

Topical generic DOs (59 tokens) may take the accusative:

- (18) *jetân kiž'-āl-i-z-â, jetân-ez âšk-iš'ko-m tin' taž'.*
 flax seed-ITER-PST-3-PL flax-ACC pull-PRS-1PL here so
 (The speaker is telling about flax breeding and processing.) 'We seeded the flax, then we pulled the flax this way.' [Corpus]

However, they may also be non-marked, as the first DO in the same sentence.

The rest of inanimate accusative DO (outside of the class of definite, attributive and topical generic DOs) makes 32 examples. The question arises, what triggers the presence of the accusative in these cases. It turns out that most of these examples (25, that is 78%) include DOs that contain some material other than the head noun (adjectives, juxtaposed nouns, pronominal modifiers etc.). By contrast, DO that only contain one lexical unit, i.e. the head noun, are mostly not marked. This is shown in Table 4, where I compare the distribution of marking with one-word DOs and DO containing more than just the head.

Table 4. Distribution of DO marking depending on the NP structure⁶
 $\chi^2 = 68.088$, $df = 1$, $p < .001$

inanimate DOs	no marking	accusative
head-only (one-word) DOs	764 (80.5%)	47 (45%)
DO containing modifiers, juxtaposed nouns etc.	185 (19.5%)	58 (55%)
total	949	105

⁵ Unintelligible fragment.

⁶ This table includes all the results on inanimate DOs, irregardless of their referential status, as the annotation based on referential properties was only made for the narrow class of accusative inanimates. We excluded proper nouns from Table 4, since the choice of DO marking with them is subject to lexical restrictions.

The distribution is relevant for the choice of DO marking, as shown by the chi-square test; the post-hoc Pearson residuals test shows that the most significant (departing from the independence hypothesis) are the results in the second column, that is, by accusative DOs. Thus, it may be concluded that the “heaviness” factor is relevant. DOs that contain more than one lexical unit are more likely to be marked with the accusative than one-word DOs. It must be, however, specified that this generalization is very rough: there are components that require the absence of marking, for example cardinals, numeric groups, negative polarity items and indefinite pronouns:

- (19) *a d'en'is so mar-ke kâl so vala = wa?*
 and Denis that what-INDEF language that understand-PRS.3SG = Q
 ‘What about Denis, does he speak any other language?’ [Corpus]

In case of indefinite pronouns, the accusative is often banned by native speakers. As far as numeric groups and cardinals are concerned, I do not have such data, and the examples of definite DOs of these structural types are absent from the corpus. Thus, it is unclear, which factor “wins” in these cases, the definiteness of DO (requiring the accusative) or the syntactic structure factor (requiring no marking).

By contrast, demonstrative pronouns require the accusative:

- (20) *mon so-je, so šâd-ez ž'už'-i, ž'už'-i gine*
 I that-ACC that soup-ACC take.a.gulp-PST(1SG) take.a.gulp-PST(1SG) only

âm dur-â bâdes kwal'ek-ja-nâ kuč'k-i-z...
 mouth edge-P.1SG full tremble-MULT-INF begin-PST-3(SG)
 (The speaker was given a plate of goose soup.) ‘I have just taken a gulp of this soup, and my lips started trembling (it was too hot).’ [Corpus]

Thus, it can be concluded that the referential properties of the DO do play a significant role in the choice of the marking of inanimate DOs. Indefinite and non-specific inanimate DO are always non-marked. By contrast, for definite and attributive DOs the accusative is not obligatory. It is required if the definiteness semantics is “reinforced” by the presence of lexical expressions signaling definiteness, such as demonstrative pronouns.

In other words, the functions of the accusative are narrowed in case of inanimate DO: it is not obligatory with definites (as in case of animate DOs); however, it is obligatory with DOs including demonstrative pronouns (and several lexical classes of proper nouns).

5. Conclusions

The elicitation-based studies show the relevance of referential properties of DOs for the choice of DO marking in Beserman Udmurt. For Standard Udmurt, the animacy factor has been reported to play a more significant role [Kondrat'eva 2010]; in elicited examples from Beserman this factor seems to be much less important. The corpus analysis enables us to make a more precise picture of the interplay of the two factors, as different values of those factors make different impact into the choice of DO encoding. Namely, for human animate DOs the non-marked form is only used for the situations of creation of a new object and for some specific lexemes. Non-human animates are non-marked if they make part of the situation of creation of a new object or typical situations. Otherwise, definite animates always take the accusative, and indefinite, generic and non-specific DOs show fifty-fifty distribution of the marking. As for inanimates, indefinite and non-specific DOs are always non-marked; definites can take the accusative. It is obligatory with NPs including demonstrative pronouns and preferred with “heavier” NPs, that is, NPs including more than the nominal head. However, some modifiers favour the absence of the accusative; these include numeric groups, cardinals, negative polarity items and indefinite pronouns.

Therefore, the factor of referential properties plays an unequal role for each animacy-based class of nouns: for the animate classes, the use of the accusative is expanded onto indefinite/non-specific DOs (excluding some lexical classes); for inanimates, its use is narrowed from definite DOs to the “heavier” DOs. This distribution has been discovered by the means of the corpus analysis, as it enables to make frequency-based judgments. However, it does not offer the possibility to test less frequent types. For instance, the corpus does not have any examples of cardinals or numeric groups in DOs with definite semantics, as well as examples of the referential use inside the groups denoting creation of a new object. These gaps can only be covered by elicitation of thoroughly elaborated contextual minimal pairs. Until such pairs are found and tested, we cannot conclude, which factor “wins” in case of interaction of factors.

Abbreviations

DO – direct object, ACC – accusative, ADD – additive particle, ART.DEF – definite article, AUTOCIT – autocitative, CAUS – causative, CIT – citation marker, COLL – collective numeral, CVB – converb, EL – elative, EXP – expanded stem, FUT – future, ILL – illative, IMP – imperative, INDEF – marker of indefinite pronouns, INF – infinitive, ITER – iterative, LOC – locative, MULT – multiplicative, NMLZ – nominalization, OBL – oblique nominal stem, ORD – ordinal numeral, P.1/2/3SG/PL – possessive markers, PL – plural, PREP – preposition, PROL – prolativ, PRS – present, PST – past, Q – question marker, RECP – reciprocal, SG – singular.

References

- Abbott 2011 — Abbott B. Reference: Foundational issues. Maienborn C., von Stechow P., Portner P. (eds.). *Semantics. An international handbook of natural language meaning*. Vol. 1. Mouton de Gruyter, 2011. P. 49–74.
- Alatyrev 1983 — Alatyrev V.I. *Vydelitel'no-ukazatel'naya kategoriya v udmurtskom yazyke* [Category of emphatic demonstrative in Udmurt]. Izhevsk: Udm. NII istorii, ehkonomiki, literatury i yazyka, 1970.
- Bossong 1985 — Bossong G. *Differentielle Objektmarkierung in den neuirischen Sprachen*. Tübingen: Gunter Narr, 1985.
- Csucs 1990 — Csucz S. *Chrestomathia Votiacica*. Budapest: Tankönyvkiadó, 1990.
- de Swart 2007 — de Swart P. *Cross-linguistic variation in object marking*. Ph.D. thesis. Radboud Universiteit Nijmegen, 2007.
- Donnellan 1966 — Donnellan K.S. 1966. Reference and definite descriptions. *Philosophical Review* 77. P. 281–304.
- Edygarova 2010 — Edygarova S. *Kategoriya posessivnosti v udmurtskom yazyke*. [Category of possession in Udmurt] Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2010.
- Fraurud 2001 — Fraurud K. Possessives with extensive use: A source of definite articles? Baron I., Herslund M., Sørensen F. (eds.). *Dimensions of possession*. Typological studies in language. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2001. Pp. 243–267.
- Kel'makov 1996 — Kel'makov V.K. 1996. *Formy sub'ektivnoj ocenki imen sushchestvitel'nyh v udmurtskom yazyke*. [Substantive forms of subjective evaluation in Udmurt]. *Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum III*. Jyväskylä, 1996. P. 131–134.
- Klumpp 2008 — Klumpp G. *Differentielle Objektmarkierung und Informationsstruktur in Dialekten des Komi*. Hab. diss., München, 2008. Ms.
- Kondrat'eva 2002 — Kondrat'eva N.V. *Vyrazhenie pryamogo ob'ekta v udmurtskom yazyke (v istoriko-sopostavitel'nom plane)* [The expression of direct object in Udmurt (in historic-comparative aspect)]. *Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk*. Izhevsk: Udmurtskij gos. un-t, 2002.
- Kondrat'eva 2010 — Kondrat'eva N.V. *Mezhkategorial'nye svyazi v grammatike udmurtskogo yazyka (na materiale padezha pryamogo ob'ekta)* [Intercategorical relations in the grammar of Udmurt: the direct object case]. Izhevsk: Udmurtskij universitet, 2010.
- Kretov 1992 — Kretov A.A. «S'edobnoe-nes'edobnoe», ili kriptoklassy russkikh sushchestvitel'nyh [“Edible/inedible”, or criptoclasses of Russian nouns]. *Lingvistica Silesiana*. 1992. Vol. 14. P. 103–114.
- Kripke 1977 — Kripke S. Speaker's reference and semantic reference. French P.A., Uehling T.E., Wettstein H. (eds.). *Midwest Studies in Philosophy*, vol. II: *Studies in the Philosophy of Language*. Morris, MN: University of Minnesota, 1977. P. 255–276.
- Kuznecova 2012 — Kuznecova A.I. *Kumulyaciya grammaticheskikh znachenij v agglutinativnyh pokazatelyah: dejkticheskie funkcii posessiva v ural'skikh yazykah*. [Cumulation of grammatical meanings in agglutinative markers: deictic functions of possessive forms in Uralic]. Kuznecova A.I. (ed.). *Finno-ugorskie yazyki: Fragmenty grammaticheskogo opisaniya. Formal'nyj i funkcional'nyj podhody*. Moscow: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2012. P. 250–252.
- Majtinskaya 1979 — Majtinskaya K.E. *Istoriko-sopostavitel'naya morfologiya finno-ugorskikh yazykov*. [Historic comparative morphology of the Finno-Ugrian languages] Moscow: Nauka, 1979.
- Moravcsik 1978 — Moravcsik E. On the case marking of objects. Greenberg J.H. (ed.). *Universals of human language*. V. 4: *Syntax*. Stanford: Stanford University Press, 1978. P. 249–289.
- Perevoshchikov et al. 1962 — Perevoshchikov P.I., Vahrushev V.M., Alatyrev V.I. (ed.). *Grammatika sovremennogo udmurtskogo yazyka. Fonetika i morfologiya* [A grammar of Modern Udmurt: Phonetics and Morphology]. Izhevsk: Izhevskoe knizhnoe izd-vo, 1962.

- Raun 1988 — Raun A. Proto-Uralic comparative historical morphosyntax. Sinor D. (ed.). *The Uralic languages. Description, history, and foreign influences*. Leiden, New York, København, Köln: Brill, 1988. P. 555–571.
- Schlachter 1960 — Schlachter W. *Studien zum Possessivsuffix des Syrjänschen*. Berlin: Akademie Verlag, 1960.
- Serdobolskaya, Usacheva, Arkhangel'skiy 2019 — Serdobolskaya N., Usacheva M., Arkhangel'skiy T. Grammaticalization of possessive markers in the Beserman dialect of Udmurt. Johanson L., Nevskaya I., Mazzitelli L.F. (eds.). *Linguistic possession. New insights from the languages of Europe and North and Central Asia*. (Studies in Language Companion Series). John Benjamins, 2019. In press.
- Serdobolskaya 2017 — Serdobolskaya N.V. Invariant opredelennosti i differencirovannoe markirovanie pryamogo dopolneniya v besermyanskom udmurtskom [Uniqueness and familiarity in Beserman Udmurt direct object marking]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2017. Vol. 13, No. 3. Saint Petersburg: Nauka. P. 76–122.
- Serdobolskaya, Toldova 2013 — Serdobolskaya N.V., Toldova S.Ju. Leksicheskie svojstva glagola i oformlenie pryamogo dopolneniya v komi-zyryanskom yazyke (pechorskij dialekt). [Lexical properties of verb and direct object marking in Komi-Zyrian (the dialect of Pechora)]. *Lingvisticheskij bespredel-2. Sbornik nauchnyh trudov k 80-letiyu A.I. Kuznecovoj*. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 2013. P. 164–175.
- Suihkonen 2005 — Suihkonen P. On the categories and functions developed from the possessive and deictic suffixes in Udmurt. Hasselblatt C., Koponen E., Widmer A. (eds). *Lihkkun lehkos! Beiträge zur Finnougristik aus Anlaß des sechzigsten Geburtstages von Hans-Hermann Bartens*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2005. P. 401–432.
- Winkler 2011 — Winkler E. *Udmurtische Grammatik*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2011.
- Witzlack-Makarevich 2017 — Witzlack-Makarevich A., Seržant I.A. Differential argument marking: Patterns of variation. Seržant I.A., Witzlack-Makarevich A. (eds.). *The diachronic typology of differential argument marking*. [Studies in diversity linguistics]. Berlin: Language Science Press, 2017.

Статья поступила в редакцию 21.11.2018

The article was received on 21.11.2018

Наталья Вадимовна Сердобольская

кандидат филологических наук; старший научный сотрудник, Институт языкознания РАН; старший научный сотрудник, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

Natalia V. Serdobolskaya

Ph.D.; senior researcher, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; senior researcher, Pushkin State Russian Language Institute

serdobolskaya@gmail.com

ПАРАМЕТРИЧЕСКАЯ ТРАКТОВКА *ПОКА* (НЕ): РЕШЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

Д. Б. Тискин

Санкт-Петербургский государственный университет

Статья продолжает начатую С. Г. Татевосовым линию исследований, в рамках которой предлагается унифицировать семантическое представление русского союза *пока* во всех его употреблениях и считать значение всех конструкций с ним композиционным. Основное внимание уделяется проблемам, ранее не рассматривавшимся с этой точки зрения: выбору отношения, лежащего в основе семантики *пока* (одновременность vs. предшествование), различиям во временной референции сирконстантных и актантных *пока*-клауз, особому поведению некоторых глаголов в *пока*-клаузах и значению конструкций с *до тех пор, пока*.

Ключевые слова: русский язык, придаточные времени, синтаксические актанты, временная референция, аспект, максимы количества.

A PARAMETRIC APPROACH TO THE RUSSIAN CONJUNCTION *ПОКА*: SOLUTIONS AND PROBLEMS

Daniel Tiskin

Saint Petersburg State University

The paper aims to further advance the line of research where all uses of the Russian subordinator *poka* are given a unified semantics, and all constructions involving it are assumed to be fully compositional. I focus on several further issues, viz. whether it is simultaneity or precedence that lies in the core of the meaning of *poka*; whether and how argument and modifier *poka*-clauses differ in terms of temporal reference; the prima facie surprising aspectual behaviour of certain verbs in *poka*-clauses; and the meaning of the construction *do tex por, poka*, lit. 'up to the point while / until'.

Keywords: Russian, temporal adverbial clauses, clausal arguments, temporal reference, aspect, maxims of Quantity.

1. Два подхода к семантике *пока* (*не*)

Разнообразие значений предложений с союзом *пока* (*не*) привело к тому, что в большинстве специальных исследований, посвящённых этому союзу, не делается попытка выделить универсальную семантику *пока* (что являлось бы более сильным требованием, чем выделить «инвариант» его семантики: инвариантом может быть и общая сема, дополняемая другими семемами в отдельных типах употреблений). Так, в статьях [Iordanskaja, Mel'čuk 2009; Падучева 2014] выделяются различные типы «конструкций» с *пока* (*не*), критерии тождества которых включают и формальные признаки главной (ГК) и зависимой клаузы (ЗК), и семантику предложения в целом. Среди употреблений *пока* выделяются иллокутивные (типа *Пока Маша вышла, что ты о ней думаешь?*), где клауза с *пока* модифицирует речевой акт в целом, и несколько типов неиллокутивных. В недавней работе [Федотов 2017] классификация подвергается дальнейшим уточнениям и становится ещё более дробной.

Наблюдаемая синонимия предложений с *пока* и с *пока не* заставила ряд исследователей предположить, что отрицание в таких контекстах является эксплетивным — не несёт никакого значения.

Другой подход представлен в работе [Татевосов 2016]. С. Г. Татевосов полагает, что отрицание в сочетании с *пока* имеет обычное значение, а синонимия (1) и (2) возникает вследствие того, что эффект отрицания нейтрализуется различием в значении аспектуальных операторов, которые мы будем называть просто ASP_1 и ASP_2 и которые в обоих случаях сочетаются с СВ глагола в зависимой клаузе.

(1) Пока он ASP_1 придёт в норму, пройдёт несколько часов.

(2) Пока он ASP_2 не придёт в норму, пройдёт несколько часов.

В рамках подхода Татевосова значением предложения в целом является характеристическая функция некоторого множества временных интервалов. Так, (1) и (2) соответствуют множеству таких интервалов t , что в течение t проходит несколько часов и t — заключительная фаза некоторого периода, в который не попадает ни одно событие типа 'он приходит в норму'. Заметим, что здесь не указывается, произойдёт ли такое событие сразу по окончании t ; такое решение представляется удачным, поскольку этот компонент значения, хотя присутствует, не имеет статуса ассерции и является импликатурой, что видно из его отменяемости:

- (3) Было и тут все ничего, пока наступали, брали Карпатские высоты, да **и потом**, когда началось отступление, — пришлось казакам тыл прикрывать, показывать себя всячески. [Елизавета Скобцова (Кузьмина-Караваева). Клим Семенович Барынькин (1925)]¹

При этом различие в значении между (1) и (2) сводится к следующему: в (1) буквально утверждается, что если событие ‘он приходит в норму’ происходит, то оно происходит не в течение (интервала, окончанием которого является) *t*; в (2) — что если событие происходит в течение (интервала, окончанием которого является) *t*, то оно не относится к разряду ‘он приходит в норму’. Эти формулировки логически эквивалентны, откуда синонимия (1) и (2).

Мы принимаем основную идею подхода С. Г. Татевосова — однозначность *не* в сочетании с *пока*². Не вдаваясь в детали семантики аспекта, мы ставим себе задачей разрешить некоторые дополнительные вопросы, возникающие в связи с «параметрическим» анализом *пока (не)* — такой трактовкой, при которой значение этой конструкции считается аддитивным, но допускается, что разные употребления *пока* могут иметь различный синтаксис или различные наборы коиндексированных переменных (в первую очередь тех, которые отвечают за временную характеристику ситуации). В следующих разделах последовательно обсуждаются проблема лексической семантики *пока* (раздел 2), различия между сирконстантными и актантными *пока*-клаузами (раздел 3), поведение отдельных глаголов, на первый взгляд являющееся проблемой для параметрического анализа (раздел 4), и трактовка комплекса *до тех пор, пока* с несколькими его лексико-морфологическими вариантами (раздел 5).

2. ‘While’ или ‘until’?

В таких примерах, как (1)–(2), заранее не ясно, какое значение следует приписать *пока*: значение одновременности, которое мы будем обозначать как ‘while’, или значение предшествования, обозначаемое здесь как ‘until’.

---

¹ Примеры с такой атрибуцией взяты из Национального корпуса русского языка (<http://ruscorpora.ru>).

² Это не означает, что мы исключаем существование эксплетивного отрицания в русском языке в целом, в частности в таких относительно маргинальных случаях, как *Остроумно обезопасил людей от того, чтобы они не провалились в канализационный люк, какой-то добротой на Индустриальной в Волгодонске* (Google).

В первом случае ЗК в (1) трактуется как ‘while продолжается: приход в норму в относительном будущем’, а ЗК в (2) — как ‘while продолжается: прихода в норму нет’ (причём будущее время у *придёт* обусловлено независимой временной референцией в ЗК; см. раздел 3). Во втором случае ЗК в (1) будет трактоваться как ‘until стало: он пришёл в норму’ (причём будущее время у *придёт* — опять-таки независимая временная референция в ЗК), а ЗК в (2) — как ‘until стало: неверно, что приход в норму лежит в относительном будущем’.

Непрямым аргументом в пользу ‘while’ могут служить такие примеры, как (4)–(5).

- (4) Я так волновалась всё время, пока о вас не было никаких известий.
[Марк Сергеев. Волшебная галоша... (1971)]
- (5) Хочу отметить: всё то время, пока идут судебные разбирательства, СМИ продолжает работать. [Анна Феофилактова. Свобода слова в лабиринте // «Московский комсомолец», 2003]

В этих примерах значением (расширенной) именной группы *всё (то) время, пока S* является некоторый временной интервал. То, что этот интервал единственный, явствует из возможности использовать указательное местоимение (*то*). Если *пока* имеет значение ‘while’, ясно, о каком интервале идёт речь: в первом приближении это максимальный интервал, в течение которого имеет место *S*. Если же *пока* — это ‘until’, возникает затруднение: о каком именно интервале, расположенном на оси времени до наступления *S*, идёт речь? Таких интервалов бесконечно много.

Отметим, что в дальнейшем (в разделе 5) нам всё равно понадобится говорить о множествах интервалов. Тем не менее, (4)–(5) отличаются от случаев, рассматриваемых в разделе 5: там рассуждение будет опираться на понятие информативности, а здесь неясно, какой из интервалов приводит к максимальной информативности и как это рассчитать. В следующих параграфах мы трактуем *пока* как ‘while’.

3. Актантные и сирконстантные ЗК

Помимо синонимии *пока*-клауз с *не* и без него, наблюдается вариативность, связанная с выбором граммеы времени в ЗК:

- (6) На рассвете охотник разбудил меня кашлем, постоял, **пока очнусь**, вывел за деревню... [Александр Иличевский. Костер // «Октябрь», 2008]
- (7) Он постоял в стороне, **пока** люди **съели** все из котла, и тогда сказал... [А. П. Платонов. Котлован (1930)]

Эту синонимию нельзя считать полной. Так, в (8) нельзя употребить (*не*) *начнём* в ЗК — очевидно, потому, что невозможно представить замерзание *целью*, которую преследовали «мы»³.

- (8) Мы караулили, пока не начали замерзать. [Михаил Бутов. Свобода // «Новый Мир», 1999]

Мы объясняем вариативность тем, что временная референция в ЗК может быть как относительной (зависимой от времени ГК), как в (6), так и абсолютной (независимой), как в (7). Такая ситуация напоминает вариативность, известную для некоторых сентенциальных актантов в русском языке⁴:

- (9) Дина видела, как вода льётся/лилась из ведра. [Altshuler 2004]

³ Здесь и далее для сравнения различных типов контекстов мы используем ГК в прошедшем времени: именно там наблюдается расхождение между абсолютным (прошедшее) и относительным (будущее) временем в ЗК. Незапланированность следствия, делающая невозможным футурум в (8), не препятствует ему в случае настоящего времени в ГК: *...подпрыгивая истерично ступней, пишем, пишем, пока два или три раза не затупится грифель* [Александр Иличевский. Перс (2009)].

Относительно (8) добавим, что итеративный контекст по какой-то причине облегчает использование футурума в ЗК: *Я спала, пока не кончится налёт, а потом ехала на съемку, на «Мосфильм», а там меня тоже могла застать тревога* [Лидия Смирнова. Моя любовь (1997)]. В этом случае был бы возможен претерит, но только НСВ (*не кончался*), а не СВ — вероятно, потому, что независимая временная референция, которую обеспечивает претерит, возможна только в комбинации с независимым же маркированием итеративности (если таковая присутствует), а при зависимой референции итератив фактически оформляет весь комплекс «ГК + ЗК».

⁴ Ср. также примеры, приводимые в [Letuchiy 2015], где клауза, находящаяся в сфере действия оператора ирреальной модальности, сама не получает ирреального оформления: *А ты бы не переживал, что твой сын постоянно получает двойки?*; подобные примеры противостоят обычному в русском языке ирреальному оформлению таких клауз: *...если бы твой сын постоянно получал двойки.*

Сказанное относится к употреблению клауз с *пока* в качестве синтаксических обстоятельств. Между тем, «[с]инонимичные союзы *пока, покамест, покуда*, прототипически вводящие синтаксическое обстоятельство, демонстрируют следующую особенность: при глаголах с семантикой ожидания вводимая союзом клауза приобретает свойства актантной» [Пекелис 2014]. По мнению О. Е. Пекелис, «наличие в придаточном отрицательной частицы *не*... возвращает зависимой клаузе её прототипическую обстоятельственную семантику» (там же)⁵.

Мы не видим оснований для столь категоричного утверждения. Пример О. Е. Пекелис (10) мы трактуем как случай употребления футурума в презентном значении, подобном (но не во всём идентичном, ср. невозможность **жду, пока всё никак не забродит*) «презенсу напрасного ожидания» [Зализняк 1993; Мишина 2012].

(10) Бутыль ставлю в тёплое место и жду, пока содержимое не забродит.

Аналог (10) без *не* рассматривался бы нами как обычный футурум: ‘жду в течение того времени, когда ситуация ‘начинает бродить’ находится в будущем’. Что касается актантности ЗК в (10), задать к ней вопрос *чего?* нам представляется возможным, что свидетельствует в пользу того, что она является актантом, несмотря на присутствие *не*. Впрочем, проверка путём задания вопроса даёт более определённые результаты в тех случаях, когда абсолютная и относительная временная референция в ЗК требует разных форм финитной части сказуемого:

(11) Публика терпеливо ждала, пока **освободится** столик. [Н. Н. Брешко-Брешковский. Дикая дивизия (1930)]

(12) Подал заявление в милицию, ждал полгода, пока место **освободилось**, — кто-то же должен этим заниматься. [Анна Рудницкая. 7 вопросов майору Алексею Дымовскому... // «Русский репортер», 2009]

В (11) абсолютное время в ЗК было бы прошедшим, а будущее используется, поскольку ситуация ‘освобождается столик’ принадлежит плану будущего относительно ситуации ‘публика ждёт’. Здесь вопрос *чего?* к ЗК вполне уместен; ЗК — синтаксический актант. В (12), напротив, временная

⁵ Ср. наблюдение о том, что в болгарском языке в аналогичных контекстах отрицание обычно не используется, если клауза — синтаксический актант [Derzhanski, Siruk 2016].

референция в ЗК абсолютная, откуда претерит; вопрос *чего?* по крайней мере менее приемлем, чем в случае (11), и мы имеем дело с сентенциальным сирконстантом (обстоятельством).

На то же синтаксическое противопоставление, что и употребление граммом времени, указывает употребление эпитетов⁶.

(13) Он ждал, пока пришёл замызганный, дребезжащий трамвай.

(14) %Он ждал, пока придёт замызганный, дребезжащий трамвай.

В (13), где в ЗК употреблён претерит, употребление эпитетов *замызганный* и *дрезжащий* не вызывает трудностей. В (14), где в ЗК используется футурум, эпитеты приемлемы в двух случаях: если субъект по какой-то причине нуждался именно в таком (далёком от обычных представлений о надлежащем) трамвае или если такая характеристика трамвая приписывается говорящему, а не субъекту. Ср. контраст между (15), где эпитет приписывает (в т. ч.) сам говорящий, и (16), где эпитет принадлежит отцу говорящей, но не ей самой.

(15) Sue believes that that bastard Kresge should be fired. (#I think he's a good guy.) [Potts 2007]

(16) My father screamed that he would never allow me to marry that bastard Webster. [Kratzer 1999]

Неоднозначность типа (15)–(16) характерна для клауз в сфере действия модального оператора, что типично для сентенциальных актантов.

Бесспорные сентенциальные сирконстанты с *пока*, т. е. обстоятельства при глаголах, не валентных на клаузу, принципиально допускают как зависимую (17), так и независимую (18) временную референцию:

(17) А утром опять с людьми зауряд косою махал, пока плечи **разломит**. [Н. С. Лесков. Житие одной бабы (1863)]

(18) Долго плутали, пока **нашли** «знаменитую» Трёхгорку, с сизыми от копоти производственными корпусами. [М. Иванов. Судьба рабочей семьи // «Человек и закон», 1977]

⁶ Мы благодарны Л. Л. Иомдину за пример (13) и указание на роль эпитетов в анализе актантности.

С другой стороны, количественное соотношение этих двух типов употреблений далеко не равное. Пилотный запрос к основному корпусу НКРЯ⁷ показал, что на деле ЗК-сирконстант весьма редко оформляется футурумом при ГК в претерите (0 релевантных контекстов с футурумом vs. 39 релевантных контекстов с претеритом). Различия в числе употреблений времён в ЗК в зависимости от глагола в ГК (способного vs. неспособного принимать сентенциальный акт с *пока*) демонстрирует таблица 1, где глаголы с потенциальной валентностью на *пока* типа *ждать* противопоставляются остальным.

Таблица 1. *Пока*-клаузы в подкорпусе XX–XXI вв. основного корпуса НКРЯ.

Без ручной выверки.

«Группа *ждать*»: *ждать, ожидать, выждать, выжидать, дожидаться, дождаться, переждать, пережидать, подождать.*

Только претерит в ГК; глагол в ЗК на расстоянии 1 от *пока*

ЗК		ГК							
		группа <i>ждать</i>				прочие			
		НСВ		СВ		НСВ		СВ	
претерит	НСВ	3	7	3	31	195	235	123	212
	СВ	4		29		47		97	
футурум	НСВ	1	120	0	80	1	10	2	15
	СВ	119		80		9		13	

Таблица подтверждает сделанный выше вывод о малоупотребительности футурума в сирконстантных *пока*-клаузах при ГК в претерите (данные для футурума завышены, т. к. некоторые примеры в выдаче нерелевантны).

4. Проблема футурума

Предложенный выше анализ объясняет возможность презенса в ЗК в (19) тем, что ЗК выражает относительное время; ситуация в ЗК продолжается (употреблён глагол НСВ), и как минимум всё это время продолжается ситуация в ГК.

(19) Станем жить, пока можем. [С. А. Тучков. Записки (1824)]

⁷ Среди результатов рассматривались только индикативные ГК с финитной частью в прошедшем времени, не вложенные в другие клаузы; глаголы типа *ждать* исключены; случайный порядок выдачи, 100 контекстов на странице, вторая страница выдачи.

(20) ... когда некий язычник попросил Гиллеля изложить ему основной смысл Торы, пока он **сможет** стоять на одной ноге, тот ответил ... [Александр Маркович. На пути к абсолютной морали // «Вестник США», 2003]

(21) Станем растить, пока **сможем**, не заможем — в богадельню снесём. [Домна Жунтова-Черняева. Барщина (1950-1960)]

Трудность для нашей трактовки представляют (20)–(21), где в ЗК употреблён глагол СВ.

Заметим сразу, что употребления типа (20)–(21) нехарактерны для большинства русских глаголов. Помимо *мочь*, некоторую склонность к ним проявляет *хотеть*:

(22) Но я всегда буду с тобой, пока ты этого **захочешь**. [Владимир Базанов. Картина в багетной раме // «Сибирские огни», 2013]

(23) — А долго же ты так простоишь? — спросил её Плодомасов на пороге. — А пока горюч камень треснет, либо пока сама **захочу**. [Н. С. Лесков. Старые годы в селе Плодомасове (1862)]

Такие употребления нужно отличать от не представляющих трудности примеров, где *смочь* или *захотеть* имеет инхоативное значение ('начать мочь/хотеть'):

(24) Кстати, Ксения Михайловна, не дожидаясь, пока Зинаида Николаевна **сможет** отдать долг, скоро попросила вернуть деньги. [Зоя Масленникова. Близкие Бориса Пастернака (1968-2000)]

(25) Приспешник побежал сказать о Даниле княжим отрокам, а те взяли его, отвели к темничному стражу и велели держать под крепким караулом, пока князь **захочет** судить людей и тогда его потребует. [Н. С. Лесков. Легенда о совестном Даниле (1888)]

В таких примерах ситуация в ГК продолжается как минимум до наступления ситуации 'начал мочь/хотеть', выраженной ЗК; напротив, в (20)–(23) ситуация в ГК продолжается как минимум до наступления ситуации '**перестал** мочь/хотеть': например, в (23) говорящая начинает хотеть стоять не позже, чем начинает стоять, а вовсе не после (или незадолго до) того, как перестать стоять.

Если бы такое поведение было обычно для русских глаголов, трактовка *пока* как ‘until’ приобретала бы дополнительную привлекательность: будь (26) приемлемо в указанном значении, именно такой анализ подошёл бы для него.

(26) Я буду с тобой, пока ты попросишь.

#‘Для любого момента t : если ты попросишь меня быть с тобой до t , то я буду с тобой до t'

С другой стороны, если бы существовали примеры типа (20)–(21), но не (22)–(23), то можно было бы надеяться выработать представление о ситуации ‘мочь’ как состоящей из квантов, так что, к примеру, (21) означало бы ‘будем растить, пока (while) в будущем остаётся ещё как минимум один квант *мочь*’. Отчётливо инхоативный в обычных употреблениях глагол *захотеть*, как мы полагаем, делает такую трактовку практически неосуществимой.

Гипотеза, позволяющая в существенной мере учесть специфику⁸ *мочь* и *хотеть*, связывает поведение при *пока* с более широким комплексом их свойств, описанным в [Холодилова 2015]. М. А. Холодилова отмечает, что *мочь* и *хотеть* в некоторой степени грамматикализованы; в частности, у них относительно редко нефинитные формы, в т. ч. в случаях конкуренции с финитными, таких как *могущий vs. тот, который может* и *я хочу мочь vs. я хочу, чтобы я мог*. К названным М. А. Холодиловой особенностям мы можем добавить и сравнительно редкую встречаемость аналитического футурума типа *буду мочь/хотеть*. Так, если сравнивать отношение числа форм аналитического футурума к частоте глагола по [Ляшевская, Шаров 2009], то окажется, что оба глагола существенно проигрывают⁹ сопоставимым по частоте глаголам НСВ (таблица 2).

---

⁸ Подобно *хотеть*, вообще говоря, может вести себя и *желать*: ...*чтобы быть* — *пока вы этого пожелаете* — *представителем своей планеты в нашем мире*. [А. А. Богданов. Красная звезда (1908)].

⁹ Один из примеров, вошедших в число случаев типа *буду мочь*, на деле представляет собой цитату из работы Е. В. Падучевой: *Глагол мочь, по-видимому, употреблялся во времена Пушкина аналогично глаголу решить, т. е. был до некоторой степени двувидовым. Формы будущего времени несовершенного вида (*буду мочь) не было — как и сейчас* [Е. В. Падучева. Русский литературный язык до и после Пушкина (2001)].

Таблица 2. Частоты глаголов по [Ляшевская, Шаров 2009] и число вхождений *быть* (индикатив, не претерит) + инфинитив (не перед знаком препинания) в основном корпусе НКРЯ. Без ручной выверки результатов

№ по частоте	глагол	ipm	$n(\text{быть} + V)$	$n(\text{быть} + V)/ipm$
2	<i>мочь</i>	2912	11	0,004
4	<i>говорить</i>	1755	4325	2,464
5	<i>знать</i>	1714	2049	1,195
7	<i>хотеть</i>	991	38	0,038
8	<i>идти</i>	957	1082	1,13
9	<i>иметь</i>	907	4894	5,396
10	<i>видеть</i>	818	559	0,683

Учитывая сказанное, мы предполагаем, что примеры типа (20)–(23) представляют собой случаи обхода ограничения (пусть и не запрета), затрудняющего образование сложного будущего от *мочь* и *хотеть*. Оказывается, что это ограничение сильнее, чем требование использовать подходящий по виду глагол. С другой стороны, обойти названное ограничение можно и попросту не используя будущее время в ЗК, как в (19).

5. Трактовка до тех пор, пока

Предложенное выше толкование *пока* как ‘while’ создаёт необходимость приписать ему семантическую валентность на временной интервал с ненулевой продолжительностью. В связи с этим представляют проблему для анализа примеры, в которых ЗК с *пока* (*не*) присоединяется к ГК в составе предложной группы *до тех пор* (*до той поры*):

(27) И ЖКХ будут поднимать до тех пор, пока вы будете за него платить.
[Форум: Новая волна или продолжение старой?! (2010)]

(28) Длилось это до тех пор, пока Екатерина II не подарила меня обергофмейстеру царского двора Елагину. [Любовь Городнёва. О чем помнит остров // «Мурзилка», 2003]

Проблема состоит в том, что *до тех пор*, если считать его семантику аддитивной, указывает на некоторый интервал t или совокупность интервалов T и сообщает, что ситуация в ГК продолжалась (как минимум) до временной точки или интервала, некоторым образом связанного с t (соответственно, с T), однако характер этой связи остаётся неясным. В частности, (27) имеет те же условия истинности, что и его аналог без *до тех пор*: как минимум в течение всего того времени, в течение которого адресаты будут

платить, будут поднимать и тарифы. Можно ли считать, что *тех* указывает на весь тот период, в течение которого адресаты платят? (Это потребовало бы объяснить, почему из всех интервалов, на протяжении которых адресаты платят, выбирается именно максимальный.) В таком случае *до тех пор* ограничивало бы время ситуации в ГК **началом** этого интервала, а не его концом. Можно ли считать, что *тех* указывает на конечную точку этого интервала? Тогда следовало бы усматривать в (27) нулевой оператор, сопоставляющий временному интервалу его конечную точку.

Мы предлагаем решение, позволяющее одновременно ответить на два вопроса: во-первых, каким образом из всех интервалов, на протяжении которых адресаты платят, выбирается какой-то один, относительно которого характеризуется протяжённость ситуации в ГК? Во-вторых, каким образом эта протяжённость ограничивается достаточно точно ('как минимум до момента, когда вы перестанете платить', а не 'как минимум до какого-то из моментов, когда вы ещё платите')? Наше решение состоит из следующих компонентов:

- (а) аргументом *до* в *до тех пор, пока* является выражение со значением интервала (а не множества интервалов);
- (б) тем не менее, *те поры, пока S* обозначает **множество** непересекающихся **интервалов**, в течение которых продолжается ситуация, обозначаемая клаузой *S*;
- (с) выбор единственного элемента этого множества, участвующего в дальнейшей семантической композиции (служащего аргументом функции, ассоциированной с *до*), регулируется прагматической максимой количества.

Компонент (с) нуждается в разъяснении. Предположим, что адресаты в (27) перестанут платить 1 января 2020 г. В таком случае из (27) следует, что тарифы будут поднимать как минимум до 1 января 2020 г. (а возможно, и позднее). Как получить такие условия истинности композиционно? *Те поры, пока вы будете... платить* обозначает множество *T* всех таких интервалов, на протяжении которых адресаты не перестают платить, и само по себе не предоставляет возможности выбрать один из этих интервалов. Считая, что *до* в сочетании с обозначением интервала возвращает интервал, конец которого совпадает с началом данного, — для получения подходящих условий истинности следовало бы выбрать из *T* **самый поздний по времени начала** интервал (или, если таких более одного, любой из них). Заметим, что при нашей трактовке *пока* этот же самый выбор интервала будет и наиболее **информативным**: поскольку *пока* не уточняет,

прекращается ли ситуация в ГК после прекращения ситуации в ЗК (см. раздел 1), при таком выборе интервала мы получаем (описанные выше) условия истинности, из которых логически следуют условия истинности, получаемые при всяком другом выборе интервала. Так, если тарифы будут поднимать как минимум до окончания платежей, которые окончатся 1 января 2020 г. (или, что то же самое, до начала самого последнего интервала, который успеет начаться и закончиться 1 января 2020 г.), то их будут поднимать и до 31 декабря 2019 г. (до начала последнего из интервалов, который успеет начаться 31 декабря 2019 г.), и до 30 ноября 2019 г., и т. д. Такой выбор интервала слушающим при интерпретации (27) согласуется с одной из максим Качества в смысле П. Грайса [Grice 1975: 45]: «делай свой вклад в коммуникацию настолько информативным, насколько это необходимо».

Трактовка *пока* как ‘until’ требовала бы считать, что в *до тех пор, пока* дважды выражается один и тот же смысл¹⁰: один раз в ГК, где благодаря *до* ситуация ограничивается временем до наступления ситуации в ЗК, а вторично в самой ЗК; в целом (27) приписывается значение ‘будут поднимать до тех пор, **до которых** вы будете платить’. Тождество двух названных компонентов смысла было бы нарушено в том случае, когда на месте *до* оказывается *с*. Такие примеры, однако, единичны: в основном корпусе НКРЯ всего пять вхождений *с тех пор, пока* (из них три релевантных) против 6664 вхождений *до тех пор, пока* (и ещё 155 вхождений *до той поры, пока*). Из трёх примеров бесспорно авторским является только (29)¹¹; он же представляется нам наиболее приемлемым.

(29) Я забыл, что прошло десять лет **с тех пор, пока** здесь была глухомань, и сейчас вот такие дома стоят на местах, где раньше, на нашей ещё памяти, торчали яранги. [О. М. Куваев. Дом для бродяг (1970)]

В ЗК здесь употреблён глагол НСВ *быть*; трактовка *пока* как ‘while’ (вместе с трактовкой претерита как независимой временной референции в ЗК) позволяет описать (29), но и трактовка *пока* как ‘until’ не исключается: с момента начала первого (по начальной точке) из релевантных интервалов, когда глухомани уже не было (т. е. *с тех* наиболее ранних *пор*, которые целиком укладываются в период, до которого была глухомань, — в период, когда глухомани уже нет), прошло десять лет.

¹⁰ Мы благодарим Кенджуна Квона за вопрос, заставивший нас лучше осознать этот факт. Ср. упоминаемое в [Татевосов 2016] решение [von Stechow, Iatridou 2005] для англ. *since*.

¹¹ Два других примера — из сказки Н. П. Вагнера и из «Оправдания добра» В. С. Соловьёва — в дореволюционных изданиях содержат *с тех пор, как*.

Пронаблюдаем, как работает в случае (29) описанный выше прагматический механизм перехода от множества интервалов к конкретному интервалу, началом которого ограничено время ситуации в ГК. Высказывание в целом сообщает, что прошло десять лет с тех времён, когда имеющиеся в виду места были глухими (т. е. что они уже десять лет не являются глухими). *Те поры, пока здесь была глухомань* обозначает множество T интервалов, в течение которых они были глухими. Если взять произвольный интервал t из этого множества и отсчитать десять лет от него, то может оказаться, что на самом деле места перестали быть глухими позже, чем десять лет назад: например, t заканчивается за пять лет до того, как места перестают быть глухими; тогда, если с окончания t прошло десять лет, с момента, когда места перестали быть глухими, прошло только пять. Поэтому наиболее информативным будет выбор **наиболее позднего по времени окончания** интервала из T : если десять лет прошло с его окончания, то *a fortiori* прошло как минимум десять лет с окончания любого другого интервала из T . Если наш анализ (29) верен, то он наглядно демонстрирует преимущества прагматического подхода: в случае (27) с предлогом *до* наиболее информативные условия истинности давал самый поздний по времени начала интервал в релевантном множестве, а в случае (29) с предлогом *с* — самый поздний по времени окончания.

Литература

- Зализняк 1993 — Зализняк А.А. К изучению языка берестяных грамот // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М.: Наука, 1993. С. 191–321. [Zaliznyak A.A. Towards the language of birch bark letters. Yanin V.L., Zaliznyak A.A. Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1984–1989 gg.). Moscow: Nauka, 1993. P. 191–321.]
- Ляшевская, Шаров 2009 — Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка на материалах Национального корпуса русского языка. М.: Азбуковник, 2009. [Lyashevskaya O.N., Sharov S.A. Chastotnyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka. [Frequency dictionary of Russian based on Russian National Corpus] Moscow: Azbukovnik, 2009.]
- Мишина 2012 — Мишина Е.А. «Ситуация напрасного ожидания» и отрицание // Русский язык в научном освещении. 2012. Т. 2. № 24. С. 219–241. [Mishina E.A. "Situation of futile expectation" and negation. Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii. 2012. vol. 2. № 24. P. 219–241.]
- Падучева 2014 — Падучева Е.В. Эксплетивное отрицание и семантика союза *пока* // Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика. СПб: Алетейя, 2014. С. 339–350. [Paducheva E.V. Expletive negation and the semantics of the conjunction *poka*. Yazyk. Konstanty. Peremennye. Pamyati Aleksandra Evgen'evicha Kibrika. Saint Petersburg: Aleteiya, 2014. P. 339–350.]

- Пекелис 2014 — Пекелис О.Е. Сентенциальные обстоятельства. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2014. [Pekelis O.E. Sententsial'nye obstoyatel'stva. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki (<http://rusgram.ru>) [Sentence adverbials: Materials for a corpus-based description of Russian grammar (<http://rusgram.ru>)]. Manuscript copyright. Moscow, 2014.]
- Татевосов 2016 — Татевосов С.Г. Заметки о незаметном отрицании // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. № 10. 2016. С. 312–329. [Tatevosov S.G. Notes on invisible negation. Trudy instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova RAN. № 10. 2016. P. 312–329.]
- Федотов 2017 — Федотов М.Л. Кое-что ещё о союзе *пока* // Международная научная конференция «Русский глагол». Тезисы докладов. СПб: Нестор-История, 2017. С. 153–155. [Fedotov M.L. More on the conjunction *poka*. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Russkii glagol». Tezisy dokladov. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2017. P. 153–155.]
- Холодилова 2015 — Холодилова М.А. Грамматикализация русских модальных глаголов. Acta linguistica Petropolitana. Т. XI. № 1. 2015. С. 369–399. [Kholodilova M.A. Grammaticalization of Russian modal verbs. Acta linguistica Petropolitana. vol. XI. № 1. 2015. P. 369–399.]
- Altshuler 2004 — Altshuler D. A simultaneous perception of things: SOT in Russian. Snippets. Vol. 8. 2004. P. 5–6.
- Derzhanski, Siruk 2016 — Derzhanski I., Siruk O. 'While' and 'until' clauses and expletive negation in a corpus of Bulgarian and Ukrainian parallel texts. Proceedings of CLIB 2016. P. 11–18.
- von Fintel, Iatridou 2005 — von Fintel K., Iatridou S. Since ~~since~~. URL: <http://web.mit.edu/fintel/fintel-iatridou-2005-since.pdf> (accessed: 16.11.2018).
- Grice 1975 — Grice H.P. Logic and conversation. Cole P., Morgan J.L. (eds.). Syntax and semantics. Vol. 3. Speech Acts. New York: Academic Press, 1975. P. 41–58.
- Iordanskaja, Mel'čuk 2009 — Iordanskaja L., Mel'čuk I. Semantics of the Russian conjunction ПОКА 'while, before, until'. Von grammatischen Kategorien und sprachlichen Weltbildern... Wien: Otto Sagner, 2009. P. 233–262.
- Kratzer 1999 — Kratzer A. Beyond ouch and oops. How descriptive and expressive meaning interact. URL: <http://semanticsarchive.net/Archive/WEwNGUyO> (accessed: 16.11.2018).
- Letuchiy 2015 — Letuchiy A. Factivity and unreal contexts: the Russian case. Arkadiev P. et al. (eds.). Donum Semanticum. Moscow: LRC Publishers, 2015. P. 156–176.
- Potts 2007 — Potts C. The expressive dimension. Theoretical Linguistics. Vol. 33. No. 2. 2007. P. 165–198.

Статья поступила в редакцию 17.11.2018

The article was received on 17.11.2018

Даниил Борисович Тискин

кандидат философских наук; старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Daniel B. Tiskin

Ph.D.; senior lecturer, Saint Petersburg State University

daniel.tiskin@gmail.com

СЕРИАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ЯЗЫКЕ АКЕБУ*

А. Б. Шлуинский

Институт языкознания РАН

В статье рассматриваются сериальные глагольные конструкции в малоизученном языке акебу семьи ква, имеющие некоторые особенности среди этого класса конструкций в данной языковой семье. Из морфосинтаксических характеристик обсуждается выражение субъекта в морфологической структуре каждого из глаголов и оформление единого значения вида, времени, модальности и полярности, которое может быть симметричным, конъюнктивным или использовать специальную «адхабитуальную» форму. Функции сериальных конструкций включают неграмматикализованное соединение (под)событий (редко идиоматическое) и валентностные и аспектуальные значения, как типичные, так и специфичные. Из синтаксических свойств сериальных конструкций рассмотрены их интонационный контур, выражение общего объекта, вопросительный и фокусный вынос и нетривиальное употребление собственных адвербиальных зависимостей с каждым глаголом.

Ключевые слова: язык акебу, языки ква, сериальные глагольные конструкции, язык акебу, структура клаузы

---

* Работа выполнена в рамках проекта по гранту РНФ №17-78-20071.

SERIAL VERB CONSTRUCTIONS IN AKEBU^{*}

Andrey Shluinsky

Institute of Linguistics RAS

The paper deals with serial verb constructions in Akebu, an underdescribed Kwa language that has some peculiarities in contrast to other Kwa SVCs. At morphosyntactic level, first, expression of the subject in the morphological structure of each verb is discussed and, second, expression of TAM and negation that can be symmetrical, subjunctive or involve a special ‘adhabitual’ form. Functionally, Akebu SVCs express non-grammaticalized combination of (sub)events (rarely idiomatic) and of valency and aspectual meanings, both typical and specific. As for syntactic features, intonation contour, expression of common subject, *wh*- and focus extraction and non-trivial use of adverbial modifiers with any verb in a SVC are discussed.

Keywords: Akebu, Kwa, serial verb constructions, grammaticalization, clause structure

---

^{*} The study has been supported by Russian Scientific Foundation (RSF), project #17-78-20071.

1. Введение

1.1. Язык акебу и материал исследования

Язык акебу принадлежит к группе кебу-анимере семьи ква (Западная Африка; входит в макросемью нигер-конго) и распространен в префектуре Акебу республики Того (около 70000 носителей). Язык описан недостаточно, но, в частности, можно назвать краткий грамматический очерк [Wolf 1907] и краткие сведения в [Heine 1968], описания фонологии [Djitovi 2003] и [Макеева 2013, 2016], описания системы именных классов [Amoua 2011], [Storch, Koffi 2000], [Makeeva, Shluinsky 2018], предварительное описание глагольной системы [Макеева, Шлуинский 2013], словарь [Koffi 1981], а также ряд исследований по морфосинтаксическим темам.

Материал исследования был получен в рамках экспедиций в деревню Джон (с выходами в деревни Котора и Джитраме) в 2012, 2013 и 2016 гг. (автор, Н.В. Макеева, П.А. Коваль, Н.А. Муравьев, Д.С. Шаварина). Работа опирается в основном на данные, полученные в ходе работы с носителями по анкете, но также учитывает данные около 3 часов естественных текстов.

1.2. Сериальные глагольные конструкции в языках ква

Сериальные глагольные конструкции являются характерной и известной особенностью морфосинтаксиса языков ква, состоящей в комбинации двух глагольных групп без показателя сочинительной или подчинительной связи между ними, как правило, имеющих единое значение вида, времени, модальности и полярности. С функциональной точки зрения, сериальные конструкции выражают либо тесно связанные друг с другом равноправные (под)события, либо валентностные или аспектуальные значения. Характерным примером может служить предложение (1) из языка акан.

(1) акан

araba tɔ-ɔ   nat kyew-w.

Араба   покупать-РСТ   рыба   жарить-РСТ

‘Араба купил и пожарил рыбу.’ [Osam 1994: 17]

Синтаксическая структура сериальных конструкций в языках ква активно обсуждается в научной литературе в течение полувека, начиная с пионерских работ [Stewart 1963] на материале акан и [Ansre 1966] на материале эве. Не имея возможности представить полный обзор литературы, упомянем в качестве примера такую широко известную статью, как [Baker 1989], и относительно недавнюю публикацию [Aboh 2009]. Феномен сериальных конструкций был перенесен с языков ква и на другие структурно близкие языки Западной Африки, а далее и на другие языковые ареалы; среди наиболее крупных типологически и/или теоретически ориентированных публикаций по сериальным конструкциям можно назвать [Sebba 1987], [Lord 1993], [Alsina et al. (eds.) 1997], [Stewart 2001], [Aikhenvald, Dixon (eds.) 2005], [Haspelmath 2016].

Но хотя, с одной стороны, сериальные глагольные конструкции отмечаются во всех описанных языках ква (в том или ином, часто очень скромном, объеме представленные данные примерно по 30 языкам из около 80, классифицируемых как ква), а с другой стороны, именно материал ква является важнейшим при обсуждении этого явления в типологической перспективе, специализированные исследования по сериальным конструкциям опираются на ограниченный круг языков – из языков ква это языки группы гбе и язык акан. Работы по сериальным конструкциям других языков ква единичны, хотя можно назвать [Van Leynseele 1975] по языку аньин, [Kouadio N'Guessan 2000] по языку бауле, [Dorvlo 2007] по языку логба. При этом, как показано в [Shluinsky 2017], между языками ква представлены как существенные сходства в структуре и функциях сериальных конструкций, так и заметные различия.

Задача настоящей работы состоит в том, чтобы рассмотреть особенности данного фрагмента грамматической системы языка ква малоизученной группы (а язык анимере, второй язык группы кебу-анимере, исследован еще меньше, чем акебу) в области морфосинтаксических особенностей, функций и синтаксических характеристик сериальных конструкций. Как мы покажем ниже, акебу вписывается в представления об этой языковой семье, но имеет и своеобразные черты.

В разделе 2 рассматриваются морфосинтаксические особенности сериальных конструкций акебу. В разделе 3 описан набор выражаемых ими функций. В разделе 4 представлена имеющаяся информация об их синтаксических характеристиках. В разделе 5 предлагаются заключительные замечания.

2. Морфосинтаксические характеристики сериальных конструкций акебу

Как было сказано выше, определяющими свойствами сериальных конструкций в языках ква считают во-первых, общий субъект входящих в них глагольных групп, а во-вторых, и общее значение вида, времени, модальности и общее отрицание. Для акебу эти свойства в целом верны с содержательной точки зрения, но имеют особенности в плане морфосинтаксического выражения.

2.1. Субъект сериальной конструкции

Как и в других языках ква, сериальная конструкция в акебу должна быть односубъектной¹: субъекты всех входящих в нее глагольных групп должны быть кореферентны. Тем не менее, в отличие от языков гбе и языка акан, для акебу эта односубъектность не означает единственное морфосинтаксическое выражение субъекта. В акебу представлено классно-лично-числовое согласование глагола с субъектом, и соответствующие классно-лично-числовые показатели присутствуют в каждой глагольной словоформе, входящей в сериальную конструкцию. Так, в (2) представлена сериальная конструкция с субъектом 1 л. ед. ч., который выражен в обеих входящих в нее глагольных словоформах.

- (2) *ná-sā̀p̀r̀ə̀*   *kēēfī-wā*   *né-kpíí*   *má*   *kéè-yā̀.*
 1SG.PFV-делить   еда-wə   1SG.PFV-класть   1SG.POSS   друг-yə̀
 ‘Я разделил еду со своим другом.’

2.2. Выражение модально-видо-временных значений и отрицания

Как и в других языках ква, в акебу сериальная конструкция имеет единое значение вида-времени-модальности и полярности (последнее включено в систему глагольных грамматических категорий), заданное соответствующим морфологическим оформлением первого глагола. Тем не менее, с одной стороны, непервые глаголы в сериальной конструкции также получают некоторое морфологическое оформление, а с другой стороны, это оформление только в отдельных случаях совпадает с оформлением первого глагола.

¹ Мы не обсуждаем здесь каузативные конструкции, часто рассматривающиеся (и анализируемые) как сериальные, но имеющие ряд особенностей. Но следует отметить, что и в них представлена заданная кореферентность субъекта непервой глагольной группы определенному актанту первой, а произвольная разносубъектность невозможна.

2.2.1. Симметричное vs. конъюнктивное оформление

Симметричное оформление первого и непервого глагола при помощи одной и той же глагольной формы представлено в акебу только в случае утвердительных видо-временных форм с референцией к прошлому, а именно, перфектива, проиллюстрированного в (3а) и фактатива с референцией к прошлому, проиллюстрированного (3б). В случаях же, когда первый глагол употреблен в какой-либо форме с ирреальным семантическим компонентом – например, в проспективе, как в (3с), – или в какой-либо отрицательной форме – например, в отрицательном перфективе, как в (3д), – непервый глагол употребляется в форме конъюнктива.

- (3) a. *nó-fú*   *kēēṭī-wā*   *nó-kùṅ*   *má*   *à-nàṭā-tá-pá.*
 1SG.PFV-покупать   еда-wə   1SG.PFV-давать   1SG.POSS   PƏ-ДОМ-ADJ-PƏ
 ‘Я купил еды своим домашним.’
- b. *ḡ-fúú*   *kēēṭī-wā*   *ḡ-kòḡnū*   *má*   *à-nàṭā-tá-pá.*
 1SG-покупать_{ФСТ}   еда-wə   1SG-давать_{ФСТ}   1SG.POSS   PƏ-ДОМ-ADJ-PƏ
 ‘Я (когда-то) купил еды своим домашним.’
- c. *nòḡ-fú*   *kēēṭī-wá*   *ḡ-kùṅ*   *má*   *à-nàṭā-tá-pá.*
 1SG.PROSP-покупать   еда-wə   1SG.SBJV-давать   1SG.POSS   PƏ-ДОМ-ADJ-PƏ
 ‘Я собираюсь купить еды своим домашним.’
- d. *nòḡ-fú*   *kēēṭī-wā*   *ḡ-kùṅ*   *má*   *à-nàṭā-tá-pá.*
 1SG.PFVNEG-покупать   еда-wə   1SG.SBJV-давать   1SG.POSS   PƏ-ДОМ-ADJ-PƏ
 ‘Я не купил еды своим домашним.’

Выбор между симметричным и конъюнктивным маркированием непервого глагола мотивирован тем, что утвердительная модальность, касающаяся реализации непервого подсобытия, невозможна до наступления кульминации первого. Самостоятельная (не)реализация каждого из подсобытий, выраженных сериальной конструкцией, может быть дополнительно показана следующими фактами. Если подсобытие, соответствующее непервому глаголу, не имело места в действительности, сериальная конструкция с симметричным маркированием оказывается неграмматичной, даже если первый глагол употреблен в утвердительной перфективной форме. Так, если (4а) представляет собой стандартный пример сериальной конструкции с референцией к прошлому, то в расширенном контексте (4б), показывающем ненаступление непервого подсобытия, она невозможна.

В данном контексте может быть использована целевая конструкция с конъюнктивом (4с). Существенно, что ограничения, не допускающие контекст (4b), нехарактерны для языков ква, в которых в большей степени распространено симметричное маркирование; так, аналогичный пример (5) из акан вполне приемлем.

(4) a. *tìè-yā*   *lā-sǒḍ*   *vóí-yá*   *lō-kùḅ*   *nó*   *nùḅ-yā*.
 женщина-DḶ   3.PFV-толочь   фуфу-DḶ   3.PFV-давать   ḷḶ.POSS   муж-DḶ
 ‘Женщина истолкла фуфу своему мужу.’

b. *tìè-yā   *lā-sǒḍ*   *vóí-yá*   *lō-kùḅ*   *nó*   *nùḅ-yā*
 женщина-DḶ   3.PFV-толочь   фуфу-DḶ   3.PFV-давать   DḶ.POSS   муж-DḶ

wá   *nàḍ-pā*.

и   3.PFVNEG-приходить

ожид. ‘Женщина истолкла фуфу своему мужу, но он не пришел.’

c. ^{OK} *tìè-yā*   *lā-sǒḍ*   *vóí-yá*   *ḷ-kùḅ*   *nó*   *nùḅ-yā*
 женщина-DḶ   3.PFV-толочь   фуфу-DḶ   3.SBJV-давать   DḶ.POSS   муж-DḶ

wá   *nàḍ-pā*.

и   3.PFVNEG-приходить

‘Женщина истолкла фуфу своему мужу [букв. чтобы дать своему мужу], но он не пришел.’

(5) акан

^{OK} *kofí*   *tɔ-ɔ*   *bukuu*   *ma-a*   *ama*,
 Кофи   покупать-PST   книга   давать-PST   Ама

nanso   *wɔ-a-m-fa*   *a-m-ma*   *no*
 но   3SG-PST-NEG-брать   PST-NEG-давать   3SG

‘Кофи купил Аме книгу, но не отдал ее ей.’ [личные данные]

Очевидно, целевая конструкция с конъюнктивом, представленная в (4с), конвенционализирована в ирреальных и отрицательных сериальных конструкциях. В то же время и в таких контекстах можно различить сериальную конструкцию с конъюнктивом непервого глагола, как в (6а) и полипредикативную целевую конструкцию с конъюнктивом, как в (6б).

(6) a. *yé*   *kà-nānɛ-ká*   *ē-tēfí*   *làá*   *kéè-yā!*
 делать.IMP   кэ-работа-кэ   2SG.SBJV-превосходить   2SG.POSS   друг-DḶ
 ‘Работай больше своего друга!’

3.1. Неграмматикализованные сериальные конструкции

Неграмматикализованные сериальные конструкции характеризуются тем, что в них ни один глагол не является семантическим модификатором другого. Сериальная конструкция описывает набор выражаемых входящими в нее глаголами тесно связанных (под)событий, которые в целом составляют единый (макро)сценарий, во многом, культурно обусловленный (см. подробнее [Dugie 1997]). Так, в (10) (под)события ‘находить деньги’ и ‘строить дом’ естественно связаны тем, что первое является условием для второго; в (11) (под)события ‘гулять’ и ‘идти в деревню’ фактически характеризуют одно и то же действие субъекта.

- (10) *ná-ŋá*   *síká-yá*   *ná-t̄*   *ŋàt̄ā-wā*.
 1SG.PFV-находить   деньги-уэ   1SG.PFV-строить   дом-уэ
 ‘Я получил денег и построил (на них) дом.’

- (11) *lē-síŋí*   *lō-kó*   *t̄ŋt̄àà-wā*   *sā*.
 3.PFV-гулять   3.PFV-идти   деревня-уэ   DEM
 ‘Он пошел прогуляться в ту деревню.’

Особым случаем среди неграмматикализованных сериальных конструкций являются идиоматические, в которых два глагола выражают единое значение, не соотносящееся сколько-либо прозрачным образом с их исходными лексическими значениями. Так, в (12) общее значение ‘верить’ не может быть выведено из значений представленных в сериальной конструкции глаголов ‘хватать’ и ‘слушать’. Идиоматические сериальные конструкции типичны для языков ква, но в нашем материале по акебу немногочисленны.

- (12) *ná-ló*   *ŋì-yā*   *wé*   *nó-nūŋ*.
 1SG.PFV-хватать   человек-ДУ   DEM   1SG.PFV-слушать
 ‘Я поверил этому человеку.’

3.2. Валентностные сериальные конструкции

В акебу представлен ряд грамматикализованных сериальных конструкций, в которых один из глаголов грамматикализован и используется для введения одного из актантов другого.

3.2.1. Глагол *fá* ‘брать’ используется в типичной для языков ква функции введения прямого объекта следующего за ним лексического глагола, как в (13), в том числе объекта-темы битранзитивного глагола, как в (14). Другие типичные для глагола ‘брать’ функции в акебу представлены, но маргинальны; так, в (15a) показано, что инструментальное значение обычно выражается предлогом, хотя конструкция с глаголом ‘брать’, представленная в (15b), также засвидетельствована.

(13) *ná-fá*   *má*   *síká-yá*   *ná-ŋá.*
 1SG.PFV-брать 1SG.POSS   деньги-DU   1SG.PFV-прятать
 ‘Я спрятал свои деньги.’

(14) *ná-fá*   *kà-fūēē-kā*   *ná-káŋ*   *má*   *kéè-yā.*
 1SG.PFV-брать   кэ-бумага-кэ   1SG.PFV-показывать   1SG.POSS   друг-DU
 ‘Я показал книгу своему другу.’

(15) a. *ná-ŋááńí*   *má*   *wē*   *mā*   *tùkū-wā.*
 1SG.PFV-ранить   1SG.POSS   REFL   PREP   нож-wə
 ‘Я поранился ножом.’ {a = b}

b. *ná-fá*   *tùkū-wā*   *ná-ŋááńí*   *má*   *wē.*
 1SG.PFV-брать   нож-wə   1SG.PFV-ранить   1SG.POSS   REFL

3.2.2. Глагол *cāā* ‘сопровождать’ вводит комитативного участника следующего глагола (16), что представлено в некоторых, но не во всех языках ква.

(16) *ná-cāā*   *má*   *kéè-yā*   *nó-kó.*
 1SG.PFV-сопровождать   1SG.POSS   друг-DU   1SG.PFV-идти
 ‘Я пошел со своим другом.’

3.2.3. Глагол *kūŋ* ‘давать’ используется, как и в других языках ква, для введения реципиентно-бенефактивных актантов предшествующего глагола (17); в отличие от некоторых других языков ква, в акебу не представлено использование этого глагола в сериальной конструкции для выражения введения актантов с другими семантическими ролями.

(17) *né-síŋí*   *má*   *nēŋ-yā*   *nó-kūŋ*   *má*   *kéè-yā.*
 1SG.PFV-продавать   1SG.POSS   бык-DU   1SG.PFV-давать   1SG.POSS   друг-DU
 ‘Я продал своего быка своему другу.’

3.2.4. Глагол *táná* ‘оставлять’ также маргинально используется в акебу для выражения реципиентно-бенефактивного значения (18).

- (18) *tìè-yā*   *lā-sóò*   *vúí-yá*   *lā-táná*   *nó*   *nùj̄-yā*.
 женщина-᠋᠋᠋ 3.PFV-толочь   фуфу-᠋᠋᠋ 3.PFV-оставлять   ᠋᠋.POSS   муж-᠋᠋᠋
 ‘Женщина истолкла фуфу своему мужу.’

3.2.5. Глагол *tējí* ‘превосходить’ употребляется в сравнительных конструкциях, вводя значение стандарта сравнения предшествующего глагола (19), что характерно для языков ква.

- (19) *lē-yé*   *kà-nāné-ká*   *lē-tējí*   *ná*   *kéè-yā*.
 3.PFV-делать   кэ-работа-кэ 3.PFV-превосходить   ᠋᠋.POSS   друг-᠋᠋᠋
 ‘Он работал больше своего друга.’

3.3. Аспектуальные сериальные конструкции

Другой семантической группой грамматикализованных сериальных конструкций являются аспектуальные, в которых один из глаголов характеризует способ протекания ситуации, выражаемой другим.

3.3.1. Глагол *yā* ‘стоять’ является в акебу основным средством для выражения прогрессивного значения следующего за ним лексического глагола (20). Конструкцию, проиллюстрированную этим примером, с синхронной точки зрения можно считать аналитической глагольной формой, входящей в парадигму глагола: она является единственным средством выражения прогрессивного значения, легко образуется от любого естественного глагола, а кроме того, глагол *yā* в ней подвергается морфологической редукции.

- (20) *gúú-ká*   *kà-yā*   *kà-láá-t̄*.
 ложка-кэ   кэ-<стоять   кэ-3.НАВ-падать
 ‘Ложка (в данный момент) падает.’

3.3.2. Глагол *krí* ‘присутствовать, находиться’ также выражает значение прогрессива в препозиции к лексическому глаголу (21), но представлен много менее регулярно.

- (21) *íj-krí*   *náá-pā*.
 =(7) 1SG-присутствовать 1SG.НАВ-приходить
 ‘Я подхожу.’

3.3.3. Глагол *síééńí* ‘поворачиваться’, что характерно для языков ква, выражает значение рефактива, т.е. однократного повтора события, в препозиции к лексическому глаголу (22).

- (22) *ná-síééńí*   *ná-cééńí*   *kátə-wā*.
 1SG.PFV-поворачиваться   1SG.PFV-подметать   пол-wə
 ‘Я снова подмел пол.’

3.3.4. Глагол *céè* ‘повторять’ используется в значении итератива, т.е. многократного повтора события, в препозиции к лексическому глаголу (23).

- (23) *lē-céè*   *lā-táá*   *nó*   *ò-tù-yā*.
 1SG.PFV-повторять   1SG.PFV-искать   DŪ.POSS   yə-вещь-yə
 ‘Он многократно искал свои вещи.’

3.3.5. Глаголы *máá* ‘оставлять’ и *mááńí* ‘строить’ (очевидно, связанные деривационным отношением, семантика которого, как и их лексические значения, остается не полностью ясной) используются в препозиции к лексическому глаголу в значениях йамитива, т.е. ‘уже’, в утвердительных формах (24) и кунктатива, т.е. ‘еще не’, в отрицательных (25).

- (24) *lā-mááńí*   *lā-pā*.
 3.PFV-строить   3.PFV-приходить
 ‘Он уже пришел.’

- (25) *lā̀-`máá*   *ń-kpí*.
 3.PFVNEG-оставлять   3.SBJV-присутствовать
 ‘Он еще не здесь.’

3.3.6. Глагол *léé* ‘заканчивать’, следуя за лексическим глаголом, выражает фазовое значение терминатива (26), что типично для языков ква.

- (26) *né-ńí*   *ná-léé*.
 1SG.PFV-есть   1SG.PFV-заканчивать
 ‘Я закончил есть.’

3.3.7. Глагол *ńì* ‘видеть’, следуя за лексическим глаголом, имеет типичное для языков ква экспериенциальное значение (27).

- (27) *kə-kpá-ká*   *kə-lā-lāńí*   *kə-lā-ńì*.
 кə-рубашка-кə   кə-3.PFV-рваться   кə-3.PFV-видеть
 ‘Рубашка (однажды) рвалась.’

4.1. Интонационный контур

Прежде всего, отметим, что сериальные глагольные конструкции контрастируют с сочинительными и с соположенными в том, что, в отличие от них, имеют единый интонационный контур. В (31) представлены примеры этих трех типов конструкций с совпадающим лексическим наполнением: в (31a) – сериальная, в (31b) – сочинительная, в (31c) – соположение клауз. На рисунках 1, 2 и 3 показаны соответствующие им тонограммы¹, размеченные на участки, соответствующие словоформам. Как можно видеть, на рисунке 1, иллюстрирующем тонограмму сериальной конструкции, отсутствует пауза между именной группой объекта первого глагола и вторым глаголом, тогда как на рисунках 2 и 3, в свою очередь, представлена пауза между той же именной группой и сочинительным союзом или вторым глаголом.

(31) a. *nó-róbó*   *má*   *kéè-yā*   *ná-sáánī*.
 1SG.PFV-звать   1SG.POSS   друг-ДУ   1SG.PFV-будить
 ‘Я разбудил своего друга, позвав его.’

b. *nó-róbó*   *má*   *kéè-yā*   *wá*   *ná-sáánī*   *ηù*.
 1SG.PFV-звать   1SG.POSS   друг-ДУ   и   1SG.PFV-будить   ДУ.О
 ‘Я позвал своего друга и разбудил его.’

c. *nó-róbó*   *má*   *kéè-yā,*   *ná-sáánī*   *ηù*.
 1SG.PFV-звать   1SG.POSS   друг-ДУ   1SG.PFV-будить   ДУ.О
 ‘Я позвал своего друга, я разбудил его.’

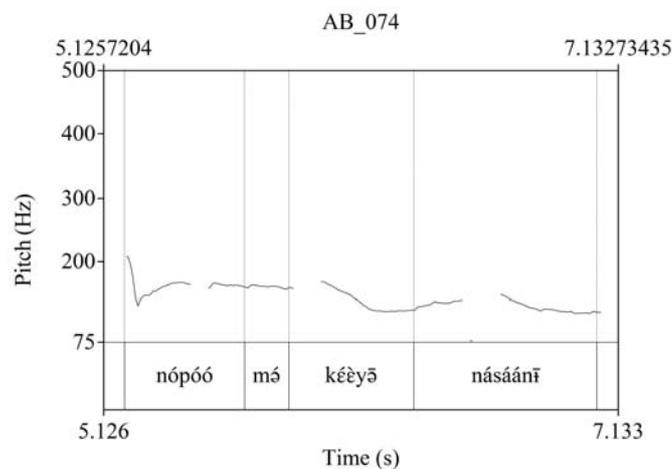

Рисунок 1. Тонограмма примера (31a)

¹ Получены при помощи компьютерной программы Praat, см. <http://www.fon.hum.uva.nl/praat>.

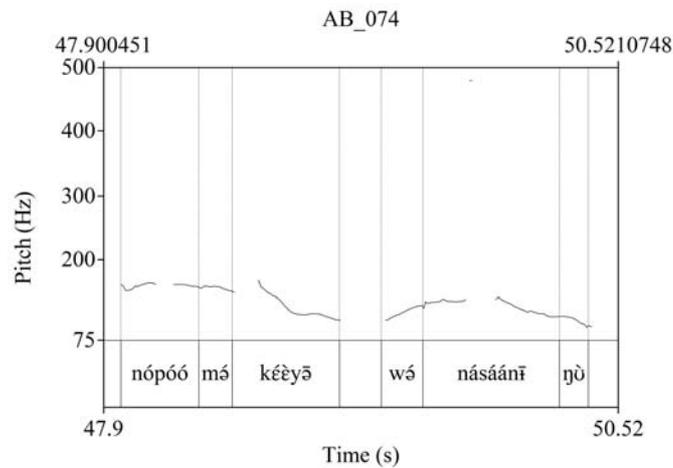

Рисунок 2. Тонограмма примера (31b).

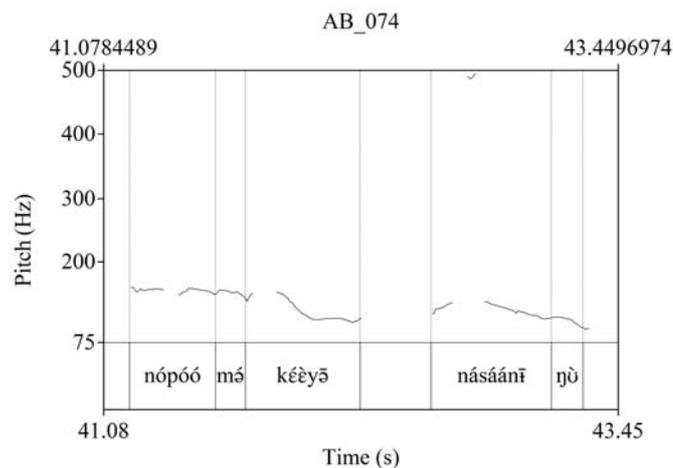

Рисунок 3. Тонограмма примера (31c).

Интонация сериальных конструкций не исследована в деталях на материале языков ква, но бóльшая интонационная слитность сериальных конструкций известна в типологической перспективе (начиная с работы [Foley, Olson 1985]).

4.2. Выражение общего объекта

В случае кореферентности объекта глаголы в сериальной конструкции акебу имеют общую выраженную объектную именную группу (32a), тогда как в сочинительной конструкции (32b) и в конструкции с соположением (32c) требуется использование анафорического местоимения.

- (32) a. *lì-yā*   *lā-fá*   *kòdòdú-yá*   *lē-tī*.
 человек-*DU*   3.PFV-братъ   банан-*DU*   3.PFV-есть
 ‘Человек съел банан.’
- b. *lì-yā*   *lā-fá*   *kòdòdú-yá_i*   *wá*   *nē-tī*   *ŋù_i*.
 человек-*DU*   3.PFV-братъ   банан-*DU*   и   JNT.3.PFV-есть   *DU.O*
 ‘Человек взял банан и съел его.’
- c. *lì-yā*   *lā-fá*   *kòdòdú-yá_i*,   *lē-tī*   *ŋù_i*.
 человек-*DU*   3.PFV-братъ   банан-*DU*   3.PFV-есть   *DU.O*
 ‘Человек взял банан, съел его.’

Данное различие между сериальной и сочинительной конструкцией известно для языков ква (ср., например, [Osam 1997] для акан), хотя и не исследовано систематически, а также рассматривалось и как характеризующая особенность синтаксической структуры сериальных конструкций, в частности, в [Baker 1989].

4.3. Вопросительный и фокусный вынос

Вынос влево частновопросительной или другой фокусной составляющей возможен в акебу только с сериальной (33a), но не с сочинительной (33b) конструкцией. Частный вопрос и фокус *in situ* допустим с обеими конструкциями, ср. (33c-d).

- (33) a. *kà wá* *lì-yā*   *nā-fá*   *nē-tī*.
 что ФОС человек-*DU*   3.PFV-братъ   JNT.3.PFV-есть
 ‘Что съел человек?’
- b. *kà_i wá *lì-yā*   *nā-fá*   *wá*   *nē-tī*   *wū_i*.
 что ФОС человек-*DU*   JNT.3.PFV-братъ   и   JNT.3.PFV-есть   *WƏ.O*
 ожд. букв. ‘Что человек взял и съел?’
- c. *lì-yā*   *lā-fá*   *kà*   *lē-tī*.
 человек-*DU*   3.PFV-братъ   что   3.PFV-есть
 ‘Что съел человек?’
- d. *lì-yā*   *lā-fá*   *kà_i wá*   *nē-tī*   *wū_i*.
 человек-*DU*   3.PFV-братъ   что и   JNT.3.PFV-есть   *WƏ.O*
 букв. ‘Что человек взял и съел?’

Данное различие между сериальной и сочинительной конструкциями входит в ожидания: сериальные конструкции обычно анализируются не через сочинение, а потому не должны следовать ограничению сочиненной структуры, обнаруженному в [Ross 1967]. Возможность вопросительного выноса из сериальных конструкций отмечается для некоторых языков ква (ср. [Agbedor 1994] для эве), однако представительный массив сведений об этих синтаксических свойствах сериальных конструкций в языках ква пока отсутствует.

4.4. Адвербиальные модификаторы и их сфера действия

Глаголы в сериальной конструкции акебу могут иметь отдельные друг от друга адвербиальные модификаторы, и при этом представлены две возможных стратегии с их сферой действия (выбор между ними остается предметом дальнейшего исследования).

Первая стратегия состоит в том, что вне зависимости от позиции модификатора в качестве синтаксической составляющей, зависимой от того или другого глагола, в его сферу действия входит сериальная глагольная конструкция целиком. Так, в примерах (34a-b) разные позиции занимает наречие *àsāākā* ‘вчера’, а в примерах (35a-b) местоименный адвербиальный модификатор *mámá* ‘я сам’, при этом как временная локализация в первой паре примеров, так и самостоятельность действия во второй распространяется на оба (под)события.

(34) a. *tìè-yā*   *ø-sóó*   *vúí-yá*   *ø-kòònú*   *nó*
 женщина-DU   3-толочь_{FCT}   фуфу-DU   3-давать_{FCT}   DU.POSS

nùh̄-yā   *àsāākā*.
 муж-DU   вчера

b. *tìè-yā*   *ø-sóó*   *vúí-yá*   *àsāākā* *ø-kòònú*   *nó*   *nùh̄-yā*.
 женщина-DU   3-толочь_{FCT}   фуфу-DU   вчера   3-давать_{FCT}   DU.POSS   муж-DU
 ‘Вчера женщина истолкла фуфу своему мужу.’ {a = b}

(35) a. *ná-ló*   *yíláyítē-yā*   *mámá*   *nó-cúlù*.
 1SG.PFV-хватать   вор-DU   1SG.INT   1SG.PFV-бить

b. *ná-ló*   *yíláyítē-yā*   *nó-cúlù*   *mámá*.
 1SG.PFV-хватать   вор-DU   1SG.PFV-бить   1SG.INT
 ‘Я сам поймал и побил вора.’ {a = b}

В случае второй стратегии в сфере действия адвербиального модификатора входит только тот глагол, к которому он относится. Так, в паре (36a-b) позиция наречия *kālāḥ* ‘быстро’ является семантически значимой. В (37a) использован адвербиальный идеофон *kélélé*, характеризующий звук и не допускающий сочетания со вторым глаголом в (37b). (38b) показывает, что если в сериальной конструкции представлены однотипные адвербиальные зависимые у каждого из глаголов, собственная сфера действия у каждого из них оказывается единственной возможностью.

(36) a. *né-tī ná-léé kālāḥ.*
 1SG.PFV-есть 1SG.PFV-заканчивать быстро
 ‘Я быстро закончил есть.’

b. *né-tī kālāḥ ná-léé.*
 1SG.PFV-есть быстро 1SG.PFV-заканчивать
 ‘Я закончил быстро есть.’

(37) a. *ná-wēēlí kélélé ná-sáánī mǎ kèè-yā.*
 1SG.PFV-говорить остро 1SG.PFV-будить 1SG.POSS друг-᠋᠋᠋
 ‘Я разбудил своего друга громким голосом.’ {a = b}

b. **ná-wēēlí ná-sáánī mǎ kèè-yā kélélé.*
 1SG.PFV-говорить 1SG.PFV-будить 1SG.POSS друг-᠋᠋᠋ остро

(38) a. *ḡì-yā ø-fáá kòḡḡí-yá ø-tíí àsāākā.*
 человек-᠋᠋᠋ 3-братъ_{ФСТ} банан-᠋᠋᠋ 3-есть_{ФСТ} вчера
 ‘Человек (взял и) съел банан вчера.’

b. ^{OK} *ḡì-yā ø-fáá kòḡḡí-yá ḡìtā ø-tíí àsāākā.*
 человек-᠋᠋᠋ 3-братъ_{ФСТ} банан-᠋᠋᠋ позавчера 3-есть_{ФСТ} вчера
 ‘Человек взял банан позавчера и съел вчера.’

Функционирование собственных адвербиальных зависимых у глаголов в сериальной конструкции в языках ква не исследовалось систематически, однако наличие собственных зависимых клаузного уровня у каждого глагола вне всякого сомнения является нетривиальной чертой акебу, не ожидаемой из общепринятого моноклаузного анализа сериальных конструкций.

5. Заключение

Таким образом, сериальные глагольные конструкции в языке акебу в целом сходны с нашими представлениями о данном классе синтаксических конструкций в языках ква. Тем не менее, можно отметить ряд особенностей и в морфосинтаксисе, и в функциях, и в синтаксисе. В том, что касается морфосинтаксических характеристик, в акебу представлено, во-первых, не последовательно симметричное выражение значений вида-времени-модальности и полярности, а в большей степени связанное с их значениями, а во-вторых, выражение субъекта в морфологической структуре каждого из глаголов. Среди функций сериальных конструкций можно отметить сравнительно небольшое распространение идиоматических сериальных конструкций, а также присутствие как типичных грамматикализованных глаголов, так и других. В области синтаксических характеристик нетривиальной особенностью является употребление собственных адвербиальных зависимостей с каждым глаголом. Большую часть этих особенностей можно неформально охарактеризовать как свидетельствующие о меньшей конвенционализации сериальных глагольных конструкций как особого типа клауз в языке акебу, чем в некоторых других языках ква. При этом грамматикализация отдельных глаголов в сериальной конструкции широко распространена и в некоторых случаях имеет высокую степень.

Условные обозначения и сокращения

1, 2, 3 – 1, 2, 3 person; кэ, крэ, дэ, рэ, тэ, вэ, уэ – показатели именных классов и согласования по ним; АДНАВ – адхабитуальная форма; ADJ – адъективизатор; CONJ – союз; DEM – демонстратив; FCT – фактатив; FOC – показатель фокуса; НАВ – хабитуалис; IMP – императив; INT – местоимение-интенсификатор; JNT – показатель сопряженное серии; NEG – показатель отрицания; O – объектное местоимение; PFV – перфектив; POSS – посессивное местоимение; PREP – предлог; PROSP – проспектив; PST – прошедшее время; REFL – рефлексив; SBJV – конъюнктив; SG – единственное число.

Литература

Макеева 2013 — Макеева Н.В. Фонологическая система языка акебу // Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Второй конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». Девяткина Е.М. и др. (ред.). М.: Институт языкознания РАН, 2013. С. 262–276. [Makeeva N.V. Phonological system of Akebu. Devyatkina E.M. et al. (eds.). Problemy yazyka: Sbornik nauchnykh statei po materialam Vtoroi konferentsii-shkoly «Problemy yazyka: vzglyad molodykh uchenykh». Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2013. P. 262–276.]

- Макеева 2016 — Макеева Н.В. Фонотактика языка акебу // Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Четвертой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». Девяткина Е.М. и др. (ред.). М.: Канцлер, 2016. С. 199–211. [Makeeva N.V. Phonotactics of Akebu. Devyatkina E.M. et al. (eds.). Problemy yazyka: Sbornik nauchnykh statei po materialam Chetvertoi konferentsii-shkoly «Problemy yazyka: vzglyad molodykh uchenykh». Moscow: Kantsler, 2016. P. 199–211.]
- Макеева, Шлуинский 2013 — Макеева Н.В., Шлуинский А.Б. Базовая глагольная система языка акебу // Африканский сборник, 2013. Желтов А.Ю. (ред.). СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 359–376. [Makeeva N.V., Shluinskii A.B. Basic verbal system of Akebu. Zheltov A.Yu. (ed.). Afrikanskii sbornik, 2013. Saint Petersburg.: MAE RAN, 2013. P. 359–376.]
- Aboh 2009 — Aboh E.O. Clause structure and verb series. *Linguistic Inquiry*. 2009. Vol. 40. No. 1. P. 1–33.
- Agbedor 1994 — Agbedor P. Verb serialization in Ewe. *Nordic Journal of African Studies*. 1994. Vol. 3, No. 1. P. 115–135.
- Aikhenvald, Dixon (eds.) 2005 — Aikhenvald A.Y., Dixon R.M.W. (eds.). *Serial verb constructions: a cross-linguistic typology*. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- Alsina et al. (eds.) 1997 — Alsina A., Bresnan J., Sells P. (eds.). *Complex predicates*. Stanford: CSLI Publications, 1997.
- Amoua 2011 — Amoua K. Le système nominal du kebu. *Maîtrise*. Univ. de Lomé, 2011.
- Ansre 1966 — Ansre G. The verbid – A caveat to ‘serial verbs’. *Journal of West African Languages*. 1966. Vol. 3. No. 1. P. 29–32.
- Baker 1989 — Baker M.C. Object sharing and projection in serial verb constructions. *Linguistic Inquiry*. 1989. Vol. 20. No. 4. P. 513–553.
- Djitovi 2003 — Djitovi A. English and Akebu phonologies: A comparative analysis. *Maîtrise*. Univ. de Lomé, 2003.
- Dorvlo 2007 — Dorvlo K. Serial verb constructions in Logba. *Leiden Papers in Linguistics* 4.2. Hendriks P. et al. (eds.). Leiden, 2007. P. 1–16.
- Foley, Olson 1985 — Foley W.A., Olson M. Clausehood and verb serialization. Nichols J., Woodbury A. (eds.). *Grammar inside and outside the clause*. Cambridge: CUP, 1985. P. 17–60.
- Haspelmath 2016 — Haspelmath M. The serial verb construction: comparative concept and cross-linguistic generalizations. *Language and Linguistics*. 2016. Vol. 17. No. 3. P. 291–319.
- Heine 1968 — Heine B. *Die Verbreitung und Gliederung der Togorestsprachen*. Köln: Dietrich Reimer Verlag, 1968.
- Koffi 1981 — Koffi Y. *Akebu-Deutsch-Wörterbuch*. *Maîtrise*. Univ. des Saarlandes, 1981.
- Kouadio N’Guessan 2000 — Kouadio N’Guessan J. Les séries verbales en baoulé: questions de morphosyntaxe et de sémantique. *Studies in African Linguistics*. 2000. Vol. 29. No. 1. P. 75–90.
- Lord 1993 — Lord C. *Historical change in serial verb constructions*. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins, 1993.
- Makeeva & Shluinsky 2018 — Makeeva N., Shluinsky A. Noun classes and class agreement in Akebu. *Journal of West African Languages*. 2018. Vol. 45. No. 1. P. 1–26.
- Osam 1994 — Osam E.K. From serial verbs to prepositions and the road between. *Sprachtypologie und Universalienforschung*. 1994. Vol. 47. No. 1. P. 16–36.
- Osam 1997 — Osam E.K. Serial verbs and grammatical relations in Akan. Givón T. (ed.). *Grammatical relations: A functionalist perspective*. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins, 1997. P. 253–279.
- Ross 1967 — Ross J. R. *Constraints on variables in syntax*. Ph.D. thesis. MIT, 1967.

- Sebba 1987 — Sebba M. The syntax of serial verbs. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins, 1987.
- Shluinsky 2017 — Shluinsky A. An intragenetic typology of Kwa serial verb constructions. *Linguistic Typology*. 2017. Vol. 21. No. 2. P. 333–385 .
- Stewart 1963 — Stewart J.M. Some restrictions on objects in Twi. *Journal of West African Languages*. 1963. Vol. 2. No. 2. P. 145–149.
- Stewart 2001 — Stewart O.Th. The serial verb construction parameter. New York – London: Routledge, 2001.
- Storch, Koffi 2000 — Storch A., Koffi Y. Noun classes and consonant alternation in Akebu (Kəgbə̀rəkə́). Meissner A., Storch A. (eds.). *Nominal classification in African languages. Frankfurter Afrikanistische Blätter 12*. Köln: Rüdiger Köppe Verlag, 2000. P. 79–98.
- Van Leynseele 1975 — Van Leynseele H. Restrictions on serial verbs in Anyi. *Journal of West African languages*. 1975. Vol. 10. No. 2. P. 189–218.
- Wolf 1907 — Wolf F. Grammatik des Kögbörükö (Togo). *Anthropos* 1907. No. 2. P. 422–437, 795–820.

Статья поступила в редакцию 21.11.2018

The article was received on 21.11.2018

Андрей Болеславович Шлуинский

кандидат филологических наук; заместитель директора Института языкознания РАН, заведующий отделом африканских языков

Andrey B. Shluinsky

Ph.D.; deputy director, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, head of department of African languages

ashl@yandex.ru

Типология морфосинтаксических параметров
том 1, выпуск 1

Сайт журнала:

<http://journal.pushkin.institute/tmp/>

Оригинал-макет: Кс. П. Семёнова

Подписано в печать 25.12.2018
Формат 21*29.7 см. Гарнитура Charis SIL.
Электронное издание. Объём 172 стр.